ИЗЪ МОИХЪ

ВОСПОМИНАНІЙ.

Е. П. Янишевскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1897.

Дозволено цензурою. Казань, 1 марта 1897 г.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Вмѣсто предисловія.

Въ повременной печати я встрѣтился, въ статьѣ Ферреро („Новости“ № 43 1896 г.) съ вопросомъ, давно меня занимающимъ, о ненормальности воспитанія дѣтей до школьнаго возраста въ настоящее время (рѣчь идетъ о дѣтяхъ такъ называемаго интеллигентнаго класса). Ферреро рисуетъ самую мрачную картину современнаго воспитанія маленькихъ дѣтей. Онъ говоритъ „Въ самыхъ образцовыхъ семьяхъ воспитаніе не подчинено неуклонной и всегда строгой системѣ справедливости и чаще является не дѣломъ направленія ребенка, а выходомъ для перемѣнчиваго настроенія родителей, для которыхъ ребенокъ, такимъ образомъ, служитъ то предметомъ изліянія ихъ радости, то жертвой дурного ихъ настроенія“.

Вслѣдствіе перемѣнчиваго настроенія родителей, вслѣдствіе ихъ личнаго раздраженія отъ какой либо причины, вовсе посторонней ребенку, этотъ послѣдній терпитъ несправедливости, уязвляющія его самолюбіе. „Капризность, говоритъ Ферреро, въ дѣлѣ исправленія и наказанія ребенка затрудняетъ развитіе въ дѣтяхъ яснаго пониманія ихъ долга и, что еще хуже, кладетъ въ нихъ основу чего то въ родѣ зачатковъ пессимизма и маніи преслѣдованія, потому что дѣти начинаютъ наконецъ считать себя чуть ли не жертвами болѣе сильныхъ, чѣмъ они, пользующихся своей силой, чтобы безъ причины мучить ихъ“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, Ферреро совѣтуетъ прислушаться къ разговорамъ дѣтей, потерпѣвшихъ какое нибудь наказаніе. Говоря о такъ называемыхъ капризахъ дѣтей, т. е. о „выраженіи ими странныхъ и удивитель-

ныхъ желаній, постоянно толпящихся въ мозгу ребенка", Ферреро совѣтуетъ относиться болѣе снисходительно къ такимъ изъ этихъ капризовъ, которые не опасны ни для самого ребенка, ни для другихъ. „Тѣмъ не менѣе, говоритъ Ферреро, первымъ движеніемъ отца или матери, какъ только ребенокъ выразитъ желаніе, хотя бы справедливое и разумное, будетъ отказъ. Такимъ неблагопріятнымъ для ребенка настроеніемъ отличаются въ особенности нервные люди, составляющіе, какъ извѣстно, въ настоящее время столь значительную часть образованныхъ классовъ цивилизованныхъ народовъ. Такое настроеніе, въ сущности, ничто иное, какъ раздраженіе, вызванное капризами ребенка и поддержизаемое постояннымъ нравственнымъ и физическимъ безпокойствомъ, вслѣдствіе чего является мало по малу дурное расположеніе и какая-то смутная и полубезсознательная потребность досадить ребенку".

Не мало огорченій причиняемъ мы дѣтямъ, по мнѣнію Ферреро, требуя отъ нихъ исполненія самыхъ сложныхъ формъ общественнаго церемоніала или приличія, потому что ребенокъ всегда забываетъ ту или другую форму этого церемоніала, вслѣдствіе чего на него обрушиваются вспышки негодованія отца или матери, какъ будто бы онъ совершилъ преступленіе. „Зачѣмъ, спрашиваетъ Ферреро, не удовлетворяться намъ тѣмъ, чтобы ребенокъ, не соблюдая разныхъ формъ церемоніала, велъ себя лишь такъ, чтобы не надоѣдать взрослымъ? Отчего не ограничиваться въ вопросѣ соблюденія приличій требованіемъ отъ ребенка возможнаго минимума, зачѣмъ стараться втиснуть еще столь хрупкое тѣло его и маленькій его умишко въ тиски церемоніала, который и намъ иногда кажется черезчуръ суровымъ и тяжелымъ? Главное вѣдь, *чтобы ребенокъ росъ здоровымъ и веселымъ, т. е. сильнымъ, такъ какъ радость — самый могучій жизненный факторъ физической и нравственной силы*".

Если таково воспитаніе дѣтей, по мнѣнію Ферреро, „въ самыхъ благовоспитанныхъ семьяхъ", то что же должно происходить въ семьяхъ менѣе благовоспитанныхъ? Вѣдь, если это въ самомъ дѣлѣ такъ, то картина воспитанія дѣтей является настолько мрачной, что право можно придти въ отчаяніе за наше подростающее поколѣніе и за его будущность. Будемъ надѣяться однако, что Ферреро, рисуя эту картину воспитанія дѣтей, слишкомъ сгустилъ краски и именно, какъ мнѣ думается, вслѣдствіе своей собственной нервности и раздражительности, въ которой онъ упрекаетъ родителей. Дѣйствительно, нельзя не видѣть, что дѣло воспитанія дѣтей до школьнаго возраста стоитъ, покрайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, ненормально (оговоримся опять, что рѣчь идетъ о дѣтяхъ такъ называемаго интеллигентнаго класса); но, чтобы такъ шло

воспитаніе дѣтей, какъ говоритъ Ферреро, даже въ самыхъ благоустроенныхъ семьяхъ,—съ этимъ согласиться нельзя; можетъ быть будетъ справедливо сказать, что такъ безалаберно воспитываются дѣти въ семьяхъ, ведущихъ такъ называемую свѣтскую жизнь, но такихъ семей не большинство, а меньшинство. Ненормальность воспитанія дѣтей нельзя отнести всецѣло, какъ это думаетъ Ферреро, къ винѣ родителей, къ ихъ нервности, раздражительности, невниманію къ потребностямъ, мыслямъ, дѣтскому уму, и проч., это можно отнести къ родителямъ, ведущимъ свѣтскую жизнь, имъ дѣйствительно неизвѣстна жизнь ихъ маленькихъ дѣтей, да и некогда имъ заниматься ею, для нихъ дѣти-куклы, которыхъ надо наряжать, учить тѣмъ свѣтскимъ приличіямъ, которыя обязательны въ ихъ кругу, вывозить на дѣтскіе вечера, дѣтскіе театры; словомъ, у нихъ дѣти приготовляются къ той же свѣтской жизни съ самаго ранняго возраста, какую ведутъ сами родители. Изъ такихъ дѣтей ничего путнаго не выйдетъ. Здѣсь вся вина дѣйствительно всецѣло падаетъ на родителей; но повторяю, что такихъ родителей, такихъ дѣтей меньшинство; большинство родителей относится къ дѣтямъ гораздо серьезнѣе, нежели думаетъ Ферреро, но тѣмъ не менѣе ненормальность воспитанія дѣтей до школьнаго возраста остается на лицо. Горе въ томъ, что корень зла лежитъ гораздо глубже, чѣмъ думаетъ Ферреро: не отъ однихъ родителей зависитъ эта ненормальность воспитанія, она зависитъ также, и, пожалуй еще больше, отъ той обстановки, отъ тѣхъ условій жизни, въ которыхъ, въ настоящее время находятся родители съ ихъ дѣтьми; вотъ на эту сторону вопроса слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

Главное нужно, говоритъ Ферреро, чтобы ребенокъ росъ здоровымъ и веселымъ, т. е. сильнымъ, такъ какъ радость—самый могущественный факторъ физической и нравственной силы.—Вотъ это неоспоримая истина, противъ которой нѣтъ возраженій. Но я спрошу,—есть ли возможность, при самомъ добромъ желаніи родителей, въ тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыхъ они находятся въ настоящее время, дѣтямъ доставить ту жизнерадостность, которая имъ необходима, чтобы вырости здоровыми и сильными не только физически, но и нравственно?

Въ настоящее время, какъ извѣстно, весь интеллигентный классъ людей, большинство котораго состоитъ изъ прежняго помѣстнаго дворянства, оставивъ деревенскую жизнь, переселился въ города. Я не буду говорить о причинахъ, заставившихъ помѣстное дворянство бросить деревни съ ихъ отцовскими и дѣдовскими гнѣздами,—объ этомъ слишкомъ много уже говорено; нашъ знаменитый сатирикъ мѣтко и просто выразилъ эти причины афоризмомъ: деревня для помѣщика изъ монплезира обратилась въ монсуфрансъ.

*

Какъ-бы то ни было, но дѣтямъ интеллигентнаго класса пришлось и до школьнаго возраста расти и развиваться въ городахъ. Возможно ли при городской жизни здоровое физическое развитіе дѣтей, при какой угодно системѣ воспитанія, будь это англійская или нѣмецкая, Фребелевская или какая другая? Врядъ ли на этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно. Ребенку въ раннемъ возрастѣ нужно какъ можно больше свободы, простора, свѣжаго, не зараженнаго городскими міазмами, воздуха, а въ городѣ онъ этого не имѣетъ: многіе дома, въ которыхъ ростутъ дѣти, не имѣютъ даже порядочныхъ дворовъ, гдѣ они могли бы во всякое время безъ стѣсненія поиграть, порѣзвиться. Общественныя гулянья, городскіе сады не дадутъ ребенку того воздуха, того простора, того непринужденія, которые нужны ему для здороваго физическаго развитія. Здѣсь дѣти связаны и своимъ костюмомъ, который они должны бояться измять, запачкать, вообще какъ нибудь испортить, и являющимся здѣсь на сцену церемоніаломъ общественныхъ приличій, самыхъ тягостныхъ для дѣтей, причиняющихъ имъ наибольшую сумму огорченій. Когда въ Петербургѣ въ первый разъ я увидалъ дѣтей, выведенныхъ ихъ нянъками и мамками на прогулку въ Екатерининскій садикъ, мнѣ пришло въ голову, что это больные или выздоравливающія дѣти какой нибудь дѣтской больницы; до того они были блѣдны, худы и повидимому болѣзненны; когда я выразилъ свое удивленіе одной изъ нянекъ, она даже обидѣлась, принявъ меня почти за сумашедшаго. Въ провинціальныхъ городахъ дѣло стоитъ также, развѣ только немногимъ лучше. Правда, большинство городской интеллигенціи уѣзжаютъ со своими семьями на лѣто на дачи, но вѣдь эти дачи, скученныя по нѣскольку одна вблизи другой, въ сущности представляютъ для ребенка ту же городскую жизнь съ ея стѣсненіями свободы городскимъ этикетомъ и условными приличіями. Къ тому же дачи эти выбираются по возможности поближе къ городамъ, гдѣ глава семьи долженъ часто бывать по своимъ служебнымъ или инымъ занятіямъ, такъ что и воздухъ то на этихъ дачахъ почти тотъ же городской. Гдѣ же, при такихъ условіяхъ, запастись дѣтямъ той радостью жизни, тѣми физическими силами, которыя дали бы имъ возможность пройти потомъ безвредно и безболѣзненно, изсушающую умъ и тѣло, нашу среднюю школу? Доставятъ ли эту радость жизни дѣтямъ дѣтскіе балы, вечера, театры и проч., на которые многіе родители необдуманно вывозятъ своихъ дѣтей? Конечно—нѣтъ, не только не доставятъ, но всѣ эти несвоевременныя общественныя удовольствія самымъ гибельнымъ образомъ отзовутся на дѣтяхъ, развивая въ нихъ только одни дурныя качества—зависть, тщеславіе, самолюбіе и проч., а затѣмъ безотрадную пустоту и скуку домашней семейной жизни. Для примѣра я укажу на бывшій 2 января настоящаго

года въ Петербургѣ, въ залѣ Пазловой, дѣтскій вечеръ въ пользу общества „Дѣтская помощь“ (Новости 1897 № 4). На этомъ вечерѣ, между прочимъ, исполняется пьеска, подъ названіемъ „Золотая рыбка“, имѣющая, впрочемъ, мало отношенія къ „Золотой рыбкѣ“ Пушкина, такъ какъ вся состоитъ изъ разнообразныхъ танцевъ, которые исполняютъ маленькія дѣти, едва видныя отъ земли, карапузики. Но вотъ какъ исполняются эти танцы; я выписываю подлинныя слова хроникёра. „Въ особенности поучительны для дѣтей танцы чухонъ и цыганки. Первая парочка продѣлываетъ самый откровенный „пантомимъ любви“. Онъ къ ней „и такъ, и этакъ“, и за талію ее возьметъ, и на колѣни передъ ней упадетъ, а она, эта неприступная чухонка, остается непреклонной и на всѣ заигрыванія своего кавалера отвѣчаетъ лишь кокетливыми угрозами. Но, въ концѣ концовъ, дѣло все-же таки кончается къ обоюдному удовольствію и чухонская парочка весело кружится на сценѣ. Не менѣе характеренъ и танецъ цыганки. Надо отдать должное учителю маленькой танцовщицы, исполнявшей этотъ танецъ, и самой танцовщицѣ: она такъ реально передаетъ порывистыя движенія страстной цыганки, такъ правдиво вздрагиваетъ плечиками и всѣмъ своимъ дѣтски-неразвитымъ бюстомъ, что хоть-бы настоящей цыганкѣ въ пору. Хорошъ и финалъ 3-го акта, когда три пары кружатся по сценѣ подъ какой то развеселый мотивъ и своими развязными манерами очень напоминаютъ канканъ, который ужъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться дѣтскимъ танцемъ. Повидимому, мы присутствуемъ въ данномъ случаѣ при первыхъ шагахъ той эволюціи, которая несомнѣнно совершится при такой постановкѣ дѣла. Отъ волшебныхъ сказокъ труппа перейдетъ къ живой дѣйствительности, отъ безцвѣтной фееріи къ пикантной опереткѣ и... глядишь, черезъ нѣсколько лѣтъ мы будемъ имѣть дѣтскую опереточную труппу, которая преподнесетъ намъ и „Прекрасную Елену“, и „Орфея“, и „Маленькаго Фауста“, и, можетъ быть, даже и „Цыганскія пѣсни въ лицахъ“.

И это дѣлается въ пользу общества „Дѣтская помощь“,—не насмѣшка ли это надъ самымъ обществомъ и надъ тѣмъ святымъ дѣломъ, которое оно взяло на себя? Что мудренаго, что намъ нерѣдко приходится слышать или читать, что тамъ или тутъ случилось самоубійство молодого человѣка или молодой дѣвушки, еще въ юношескомъ, почти дѣтскомъ возрастѣ, изъ за того, что имъ жизнь надоѣла! И повидимому никто не задумывается надъ такимъ безобразнымъ явленіемъ... Жалуемся мы на какой-то нервный вѣкъ, сваливая на наше время всю вину разныхъ нравственно-болѣзненныхъ явленій въ нашемъ молодомъ поколѣніи, а сами развиваемъ въ этомъ поколѣніи съ самаго ранняго возраста одни только нервы.

Но что же дѣлать, спросятъ меня? Я думаю, что для воспитанія маленькихъ дѣтей до школьнаго возраста нужно возвратиться къ деревенской жизни, тѣмъ, конечно, кто, по своему состоянію и по своимъ занятіямъ, это можетъ сдѣлать; вѣдь разъ мы обзавелись семьей, то долгъ нашъ требуетъ, чтобы мы, отказавшись отъ разныхъ удовольствій, доставляемыхъ намъ городской жизнью, посвятили себя воспитанію этой семьи, а не о себѣ только заботились; вѣдь даже всѣ животныя даютъ намъ въ этомъ примѣръ. А кто, по своимъ служебнымъ или другимъ занятіямъ и по своему состоянію, этого исполнить не можетъ, то пусть хоть на весну и лѣто отправляетъ свою семью въ деревню, но не въ пригородную, какъ это дѣлаютъ у насъ, а какъ можно подальше отъ зловонной физической и нравственной атмосферы городовъ. А зимой, если ужъ необходимость заставляетъ держать дѣтей въ городѣ, не возить ихъ по дѣтскимъ баламъ и вечерамъ, а тѣмъ болѣе не заставлять ихъ разыгрывать сцены, подобныя вышеописанной.

Никто конечно не станетъ отрицать того благодѣтельнаго вліянія, которое можетъ имѣть деревенскій чистый, не зараженный городскими міазмами, воздухъ, деревенскій просторъ, луга, лѣса, отсутствіе условныхъ приличій, на физическое развитіе дѣтей,— конечно когда дѣтямъ дозволяютъ пользоваться всѣмъ этимъ. Нужно доставлять дѣтямъ всѣ тѣ удовольствія, которыя могутъ только веселить и радовать ихъ, какъ напр. уженье рыбы, катанье на лодкѣ, поѣздки въ поля, въ лѣсъ, собиранье насѣкомыхъ, растеній и проч. Да, не надо бояться общенія дѣтей съ ихъ сверстниками дѣтьми нашего простого деревенскаго народа, не надо бояться и ихъ простыхъ игръ, какъ игра въ бабки, въ городки, въ мячъ, катанье на салазкахъ и проч., тогда деревенская жизнь не испортитъ нравственно дѣтей, а самымъ благотворнымъ образомъ отразится на физическомъ ихъ развитіи, давъ имъ задатки такого здоровья, которое въ состояніи будетъ бороться впослѣдствіи съ разными недугами, съ которыми не въ силахъ бороться организмъ, съ дѣтства воспитанный въ городѣ.

Но не на одно физическое развитіе дѣтей благотворно дѣйствуетъ природа, ея вліяніе на нравственную сторону ихъ глубже и сильнѣе, нежели это думаютъ. Взгляните на ребенка, съ какою радостью смотритъ онъ на попавшуюся ему на глаза птичку или бабочку, порхающую по полевымъ цвѣткамъ или между листьями деревьевъ; съ какимъ восторгомъ онъ ловитъ струи журчащаго у его ногъ ручья, какъ онъ радуется, брызгая мокрыми ручонками на свою няню, на своихъ братьевъ и сестеръ—вѣдь эта радость, этотъ восторгъ зарождаютъ въ душѣ ребенка любовь къ той природѣ, которая его окружаетъ и которая даетъ ему эту радость.

Ребенокъ ростетъ, но воспоминаніе о первой поѣздкѣ въ лѣсъ, о первой бабочкѣ, первомъ ручейкѣ никогда не изгладится изъ его памяти и онъ всегда будетъ радъ новымъ подобнымъ поѣздкамъ, соединеннымъ съ новыми для него удовольствіями; въ немъ пробуждается любовь къ природѣ, которая составляетъ залогъ будущей его любви и къ жизни, какъ драгоцѣннѣйшему дару природы, хотя бы эта жизнь по временамъ и омрачалась въ послѣдствіи разными невзгодами; она же, эта любовь къ природѣ, и какъ слѣдствіе ея радость жизни сдѣлаетъ его нравственно чище, добрѣе, вообще лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Я глубоко убѣжденъ и знаю вообще по многолѣтнему опыту, что воспитаніе дѣтей въ общеніи съ природою самымъ благотворнымъ образомъ отражается на всей ихъ послѣдующей жизни; и какъ хорошо было бы, еслибы и во время школьной жизни, всѣ дѣти и юноши могли пользоваться, хотя во время лѣтней вакаціи, деревенскимъ просторомъ полей и лѣсовъ, деревенскими, не стѣсняемыми разными условными приличіями, удовольствіями, охотами, въ особенности съ ружьемъ, которое теперь почему то считается запретнымъ даже для юношей; тогда, можно быть увѣреннымъ, мы не встрѣтились бы съ безобразными случаями самоубійства юношей, даже почти дѣтей.

Такъ воспитывались дѣти—большинство, такъ называемаго, интеллигентнаго класса людей, когда постояннымъ мѣстопребываніемъ помѣстнаго дворянства была деревня; вѣдь такія семьи, какія выведены Щедринымъ въ его знаменитыхъ сатирахъ „Братья Головлевы“ и „Пошехонская старина“, хотя и встрѣчались, но представляли уродливыя исключенія, были и иного сорта семьи и они составляли большинство. Я не вѣрю, чтобы нельзя было вернуться къ такому воспитанію дѣтей въ общеніи съ природой и при настоящихъ условіяхъ жизни, а это право необходимо, если мы не желаемъ въ конецъ испортить наше подростающее поколѣніе.

Я опишу какъ мы жили и воспитывались до школьнаго возраста полстолѣтія тому назадъ.

II.

Наша деревенька и наша семья.

Мѣсто, гдѣ прошло мое раннее дѣтство, была маленькая деревенька, въ 25 верстахъ отъ Бузулука, называлась она сельцомъ Малымъ Гасвицкимъ. Небольшой господскій домъ, окруженный садомъ со старыми липами и соснами, пріютился на берегу рѣчки, Грязнушки, разливавшейся довольно широкимъ, хотя и неглубокимъ прудомъ почти предъ самымъ домомъ. По тому же берегу рѣчки, на которомъ стоялъ барскій домъ, былъ и крестьянскій поселокъ, состоявшій изъ 6 или 7 избъ съ ихъ надворными постройками крестьянъ. На другомъ берегу рѣчки, немного правѣе господской усадьбы, былъ протянутъ довольно длинный рядъ избъ крестьянъ, принадлежавшихъ генералу Веселитскому; этотъ рядъ избъ и вся та сторона рѣчки поэтому назывались *генеральскими*.—Куда идешь? спросите вы кого нибудь, переходящаго по плотинѣ на ту сторону рѣчки, — къ генеральскимъ, на генеральскую сторону, отвѣтятъ вамъ.

Прудъ рѣчки былъ окаймленъ ветлами, разросшимися изъ вбитыхъ по берегу кольевъ; эти ветлы назывались Кулешовыми ветлами, такъ какъ ихъ выростилъ мужикъ Иванъ, по прозванію Кулешъ. За ветлами, прямо противъ усадьбы, на той сторонѣ рѣчки, виднѣлось деревенское наше кладбище, съ нѣсколькими крестами и голубцомъ, построеннымъ надъ могилою нашей бабушки. Рядомъ съ кладбищемъ влѣво шли крестьянскія и барскія гумна. За гумнами рѣчка извивалась въ нѣсколько загибовъ, образуя два полуострова, на которыхъ впослѣдствіи, во время моего студенчества, былъ разведенъ садъ, но въ то время, о которомъ я хочу говорить теперь, во время моего ранняго дѣтства, эти полуострова были покрыты бурьяномъ и окаймлены ивнякомъ и вѣтлами. Еще дальше къ верховью рѣчка текла въ довольно крутыхъ берегахъ, образуя нѣсколько довольно глубокихъ омутовъ — любимое мѣстопребываніе осеннихъ утокъ. Правый берегъ рѣчки поднимался пологими скатами въ довольно большія возвышенности, прорѣзанныя мѣстами оврагами, поросшими лѣсомъ; самыя же возвышенности и ихъ склоны были покрыты густыми зарослями вишенника. Лѣвый берегъ рѣчки тотчасъ за кладбищемъ поднимался въ крутую и довольно большую возвышенность, называвшуюся Крутою горою; эта гора, любимое мѣсто нашихъ прогулокъ, принадлежала генеральскимъ, межа которыхъ шла прямо за нашими гумнами и кладбищемъ.

Ниже пруда, тотчасъ за нашими крестьянскими избами рѣчка почти совершенно терялась, разливаясь по обширнымъ лугамъ,

образуя мочажины, болота, а мѣстами и непроходимыя топи. На этихъ лугахъ были разбросаны колки изъ ольхи и березы, большею частью окружающіе тинистыя, заросшія камышами и тростникомъ, озера. Эти луга съ ихъ болотами, топями и озерами были жилищемъ баснословнаго количества разнообразнѣйшей дичи. Гуси, лебеди, различныхъ породъ утки и кулики гнѣздились здѣсь, выводили дѣтей и размножались въ безчисленномъ количествѣ, не смотря на истребленіе множества ихъ лицъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Къ осени утокъ и гусей было такое множество, что близь лежащія поля, съ поставленными на нихъ скирдами хлѣба, буквально опустошались ими. Налѣво эти луга тянулись на десятокъ верстъ до сосѣдней деревни, Ключей; направо они шли до другой сосѣдней деревни, Дементѣевки, отстоявшей отъ нашей на четыре версты, эта полоса луговъ была версты въ четыре шириною и ограничивалась, за нашей деревней, многоводной, омутистой рѣчкой, Токомъ, окаймленной густою, широкою полосой уремы. Сколько было рыбы въ этой рѣчкѣ, и какой рыбы—чудо! Паралельно съ Токомъ прямо противъ нашей деревни, въ трехъ верстахъ отъ нея, было Березовое озеро, тянувшееся въ длину почти на версту, а шириною отъ 30 до 70 саженъ; озеро это, весьма глубокое, съ превосходною прозрачною водой, заливалось весною разливомъ Тока и было истиннымъ садкомъ всякой рыбы. Группы березъ, которыя росли на берегу озера, и дали ему названіе; озеро это принадлежало Веселитскимъ.

Между Дементѣевкой и нашей деревней, почти на половинѣ разстоянія, тянулся довольно широкій логъ, покрытый солончаками и мочажинами, которыя питались двумя ключами, вытекавшими изъ сосѣднихъ враговъ. Логъ этотъ, называвшійся Любимымъ доломъ, направо ограничивался небольшими возвышенностями, покрытыми пашней, а налѣво соединялся съ лугами, примыкавшими къ Току.

За нашею усадьбой, на противоположной отъ луговъ сторонѣ, начиналась сравнительно возвышенная мѣстность, въ шести верстахъ отъ нашей деревни покрытая чернолѣсьемъ, перерѣзаннымъ во многихъ мѣстахъ полянами, поросшими бобовникомъ и вишенникомъ, и врагами, изъ которыхъ брала свое начало Грязнушка. Лѣсъ этотъ, въ нѣсколько сотъ десятинъ, назывался Харей. Разсказывали, что въ верховьѣ Грязнушки, у одного изъ ключей, давшихъ ей начало, въ самой срединѣ лѣса стояла старая береза, на которой была вырѣзана уродливая человѣческая рожа, что рожа эта была вырѣзана во времена Пугачева и около нея гдѣ-то былъ зарытъ кладъ; эта рожа и дала названіе всему лѣсу; когда мы стали себя помнить, этой березы уже не было. Лѣсъ этотъ принадлежалъ нѣсколькимъ сосѣднимъ помѣщикамъ. Безчисленное множество тете-

ревовъ и куропатокъ гнѣздилось въ этомъ лѣсу, на полянахъ и въ оврагахъ. За Харею еще верстахъ въ шести видпѣлся превосходный сосновый боръ, тянувшійся на протяженіи слишкомъ ста верстъ полосою, которая достигала ширины отъ 12 до 20 верстъ. Въ бору этомъ водились глухари, а раньше даже медвѣди и лоси.

Надо вообще сказать, что мѣстность нашей деревеньки, по обилію водъ и лѣсовъ, была одною изъ самыхъ счастливыхъ въ степной вообще, тамошней сторонѣ.

Отецъ нашъ, Петръ Марковичъ, родился и воспитывался въ Кіевѣ, въ довольно зажиточной прежде семьѣ дѣдушки Марка Ивановича, старожила Кіевскаго, который былъ извѣстенъ тамъ больше подъ прозваніемъ Безсмертенко. Дѣдушка впослѣдствіи потерялъ состояніе, поручившись за какого то подрядчика или поставщика въ казну, оказавшагося потомъ несостоятельнымъ, вслѣдствіе чего у дѣдушки подъ старость остался только небольшой въ Кіевѣ домъ въ Александровской улицѣ на Подолѣ, да и тотъ долгое время, уже и послѣ его смерти, находился подъ опекою, для уплаты изъ доходовъ, долга за подрядчика. Но все это случилось уже тогда, когда отецъ нашъ былъ молодымъ человѣкомъ и учился въ Московскомъ университетѣ, въ дѣтствѣ же онъ жилъ въ довольствѣ, вмѣстѣ съ братомъ Кирилломъ и сестрами Степанидой и Ольгой. Изъ воспоминаній отца о его дѣтствѣ у меня удержалось въ памяти только то, что дѣдушка нашъ былъ человѣкъ строгій, даже суровый; дѣти рѣдко видѣли отъ него ласку, да и жили они отдѣльно отъ дѣдушки, во флигелѣ дома, который занималъ онъ самъ; дѣтей приводили къ нему только утромъ здороваться и вечеромъ прощаться. [1]) О своей бабушкѣ, женѣ Марка Ивановича, я ничего не помню, не помню даже, какъ ее звали, помнится только, что она умерла, когда дѣти ея еще не были взрослыми. Сестры нашего отца, а наши тетки, Степанида Марковна и Ольга Марковна вышли впослѣдствіи замужъ, одна за Крыловскаго, другая за Борзаковскаго, дядя же Кириллъ Марковичъ умеръ еще молодымъ человѣкомъ. Никого изъ нихъ мы не знали и никогда не видали, такъ какъ жили они въ Кіевѣ, а намъ не привелось никогда тамъ быть. Послѣдніе годы своей жизни дѣдушка сильно страдалъ отъ каменной болѣзни, которая и свела его въ могилу,—онъ не рѣшился на

[1]) Изъ своего дѣтства отецъ съ удовольствіемъ вспоминалъ только о празднованіи маевокъ, въ продолженіи трехъ первыхъ дней мая мѣсяца, когда дѣти учебныхъ заведеній отпускались на прогулки съ ихъ семьями и со всѣми учителями, обыкновенно на острова Днѣпра, эти прогулки были единственнымъ отраднымъ воспоминаніемъ дѣтскихъ лѣтъ нашего отца.

операцію и умеръ, какъ говорилъ отецъ, отъ разрыва мочеваго пузыря. Смерть эта послѣдовала вѣроятно уже въ то время, когда отецъ нашъ находился на службѣ, такъ какъ онъ разсказывалъ о своемъ пріѣздѣ къ здоровому еще дѣдушкѣ по окончаніи курса въ университетѣ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Въ нашихъ семейныхъ документахъ не сохранилось свѣдѣнія о времени рожденія нашего отца, но изъ аттестата его видно, что онъ поступилъ въ 1799 году въ Кіевскую академію, въ которой пробылъ до 1811 года; въ этомъ году онъ былъ выпущенъ изъ академіи, съ званіемъ студента философіи, для поступленія въ Московскій университетъ. Кіевская академія въ то время не называлась духовной, и была скорѣе общеобразовательнымъ заведеніемъ, въ которомъ учились дѣти и духовныхъ лицъ и многихъ дворянъ и чиновниковъ; однакоже профессора и вообще всѣ преподаватели и начальники академіи были лица духовныя и преимущественно монахи. Образованіе въ академіи, судя по аттестату отца, давалось весьма солидное, только математика очевидно шла плохо, такъ какъ отецъ, впослѣдствіи занимаясь съ нами, самъ долженъ былъ учиться даже началамъ алгебры и геометріи, а при поступленіи въ университетъ такъ плохо зналъ математику, что не сумѣлъ, какъ онъ разсказывалъ, на экзаменѣ раздѣлить кругъ на шесть равныхъ частей, что не помѣшало однако ему поступить на юридическій факультетъ, въ виду отличныхъ познаній изъ другихъ предметовъ. Особенное вниманіе въ академіи обращалось на латинскій языкъ и разнаго рода сочиненія, какъ на этомъ языкѣ, такъ и на русскомъ. Въ философскомъ классѣ познанія въ латинскомъ языкѣ достигались такія, что ученики свободно могли объясняться на немъ и писали сочиненія не только прозой, но и стихами, подражая Овидію и Горацію. Русскія сочиненія задавались преимущественно на темы духовнаго содержанія, иногда въ видѣ проповѣдей, которыя ученики говорили даже въ академической церкви. Отецъ разсказывалъ, что однажды, когда онъ, въ присутствіи дѣдушки, сказалъ сочиненную имъ проповѣдь, то дѣдушка сталъ убѣдительно его уговаривать поступить въ духовное званіе, предсказывая ему блестящую карьеру въ монашествѣ; отецъ однакоже на это никакъ не согласился, хотя и скрылъ тогда отъ дѣдушки причину этого, а причина состояла въ томъ отвращеніи, которое онъ получилъ къ монахамъ именно въ академіи. Дѣло въ томъ, что въ то суровое время во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ розги были главнымъ воспитательнымъ средствомъ и единственнымъ пособіемъ преподаванія; но въ Кіевской академіи, гдѣ воспитателями и учителями были черствые сердцемъ монахи, сѣченіе было доведено до невѣроятныхъ размѣровъ: учениковъ за всякую шалость, за невниманіе, за незнаніе урока, за все нещадно сѣкли *мочеными въ*

соленой водѣ розгами, причемъ наказуемаго привязывали къ скамьѣ, надъ которою висѣлъ большой колоколъ для того, чтобы звономъ заглушать стоны и крики ученика. Отецъ съ ужасомъ вспоминалъ, какъ, идя домой, ему приходилось выдергивать обломки прутьевъ изъ спины послѣ сѣченія! Пожаловаться своему отцу онъ и подумать не смѣлъ и, какъ оказалось впослѣдствіи, дѣдушка и понятія не имѣлъ объ этихъ наказаніяхъ. Когда отецъ, уже послѣ окончанія курса въ университетѣ, пріѣхалъ на родину, къ дѣдушкѣ пришелъ въ гости ректоръ или инспекторъ академіи и сталъ хвалиться тѣмъ, что они въ лицѣ нашего отца воспитали такого отличнаго молодого человѣка, тутъ только отецъ нашъ не могъ удержать своего негодованія и скрыть своей ненависти къ этому воспитателю, и разсказалъ при немъ дѣдушкѣ о всѣхъ тѣхъ мукахъ, которыя онъ перенесъ въ академіи, причемъ высказалъ, что воспитатели эти уничтожали въ своихъ ученикахъ всѣ лучшія человѣческія чувства, развивая наушничество, ябеду, зависть, все, что только было мерзкаго въ ихъ тогдашней монашеской средѣ. Дѣдушка въ ужасъ пришелъ, когда его гость-монахъ, послѣ такой тирады, схватилъ свой клобукъ и бросился вонъ; и долго потомъ не могъ успокоиться старикъ и все уговаривалъ отца, чтобы онъ пошелъ извиниться передъ монахомъ; но отецъ, несмотря на все свое уваженіе къ дѣдушкѣ, такъ и не согласился на это, и монахъ съ тѣхъ поръ не бывалъ у нихъ въ домѣ.

Въ 1811 году отецъ нашъ, какъ я уже говорилъ, поступилъ въ Московскій университетъ; въ это время дѣдушка не имѣлъ уже прежнихъ хорошихъ средствъ, и отцу первое время пришлось жить крайне бѣдно; онъ разсказывалъ, что зачастую всю его пищу составляли одни гречневики, которые онъ покупалъ у разносчиковъ на нѣсколько копѣекъ. Въ такомъ положеніи засталъ его 1812 годъ; ѣздилъ ли отецъ въ этомъ году на вакацію въ Кіевъ, я не знаю, но нашествіе французовъ застало его въ Москвѣ. Передъ вступленіемъ Наполеона въ Москву, при той суматохѣ, какая была въ это время тамъ, отецъ, не имѣя средствъ, чтобы выѣхать изъ города, рѣшительно не зналъ, что съ собою дѣлать и хотѣлъ уже, по уговору одного изъ товарищей студентовъ, поступить въ формировавшееся тогда ополченіе; товарищъ его взялся исполнить все, что было для этого нужно, даже достать казенное ополченское платье; но по несчастію, а можетъ быть и по счастію, этотъ товарищъ куда-то пропалъ, и отецъ опять остался въ безвыходномъ положеніи среди города, который покидали уже всѣ жители, и по улицамъ котораго тянулись только вмѣстѣ съ бѣглецами безконечные обозы раненыхъ. На счастіе, во время своихъ безцѣльныхъ скитаній по улицамъ, отецъ столкнулся со своимъ землякомъ — кіевляниномъ Лакердой, котораго зналъ и въ Кіевѣ и въ университетѣ, гдѣ тотъ

былъ тоже студентомъ. Лакерда былъ человѣкъ богатый и, также какъ и отецъ, искалъ въ это время случая какъ бы выбраться изъ Москвы; онъ тотчасъ же предложилъ отцу искать вмѣстѣ съ нимъ какого нибудь извозчика, который бы взялся довезти ихъ, если не до Кіева, то хоть до какого нибудь города, минуя французовъ. Для отца это предложеніе было конечно истиннымъ кладомъ, и онъ несказанно ему обрадовался. Задача ихъ, разумѣется, была не легкая, но видно ужъ Богъ захотѣлъ имъ помочь: не знаю, долго-ли они скитались по городу въ своихъ поискахъ, но наконецъ, уже передъ самымъ вступленіемъ французовъ въ Москву, на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ они встрѣтили хохла съ парой воловъ, который что-то привозилъ въ городъ и почему-то запоздалъ выѣхать; за порядочныя деньги хохолъ согласился продать своихъ воловъ вмѣстѣ съ телѣгой нашимъ бѣглецамъ, которые были чрезвычайно рады, хоть и не скоро, а все-таки ѣхать, а не идти пѣшкомъ, на что въ крайности уже хотѣли рѣшиться. Долго ли они путешествовали, я изъ разсказа отца уже не помню, но, дѣлая большіе объѣзды, чтобы избѣгнуть области занятой и своими и непріятельскими войсками, они на этихъ самыхъ волахъ благополучно добрались до Кіева, гдѣ и пробыли все время французскаго нашествія.

Когда Москва снова начала оживать послѣ перенесенныхъ ею бѣдствій, когда наконецъ снова былъ открытъ университетъ, отецъ вернулся изъ Кіева оканчивать курсъ. Съ этого времени отцу жилось уже, сравнительно, хорошо: онъ поступилъ учителемъ дѣтей въ домъ богатыхъ и весьма добрыхъ людей, Пехтеревыхъ, которые были тоже, кажется, Кіевляне и которые остались и впослѣдствіе лучшими знакомыми отца въ Москвѣ; Пехтеревъ былъ и крестнымъ отцомъ всѣхъ насъ, старшихъ дѣтей, родившихся въ Москвѣ. Въ 1815 году отецъ окончилъ курсъ со степенью кандидата этико-политическихъ наукъ и вскорѣ затѣмъ поступилъ въ канцелярію 7-го (московскаго) департамента сената, гдѣ и оставался все время своей службы до 1829 года. О его службѣ въ Сенатѣ можно сказать только, что онъ былъ честный труженикъ, какихъ рѣдко встрѣтить и въ нынѣшніе время; но, онъ дослужился только до должности повытчика, съ весьма скромнымъ, даже и по тогдашнему времени, содержаніемъ; но зато, къ тѣмъ теоретическимъ знаніямъ, которыя онъ получилъ въ университетѣ, въ канцеляріи Сената онъ пріобрѣлъ отличныя практическія знанія тогдашняго гражданскаго дѣлопроизводства, знанія, которыя очень потомъ ему пригодились, какъ объ этомъ будетъ сказано впослѣдствіе.

Въ 1823 или 22-мъ году въ Москву пріѣхалъ по какому-то дѣлу Яковъ Ивановичъ Харитоновъ изъ Оренбургской губерніи;

Яковъ Ивановичъ былъ мелкопомѣстный дворянинъ Бузулукскаго уѣзда, въ которомъ ему, или, лучше сказать, его дочери, Варварѣ Яковлевнѣ, принадлежало маленькое имѣньице, Малое-Гасвицкое, состоявшее изъ десятковъ двухъ душъ крестьянъ и изъ полутораста десятинъ земли. Яковъ Ивановичъ служилъ въ своемъ уѣздѣ какимъ то земскимъ засѣдателемъ или чѣмъ-то въ родѣ этого; онъ былъ въ то время уже вдовцомъ и кромѣ дочери никого дѣтей не имѣлъ. Вѣроятно онъ имѣлъ какое нибудь дѣло въ Сенатѣ, по поводу котораго познакомился съ нашимъ отцомъ. Молодой, услужливый и дѣльный чиновникъ, какимъ былъ тогда нашъ отецъ, чрезвычайно понравился Якову Ивановичу, которому, какъ человѣку практическому, тогда же запала мысль, что чиновникъ этотъ могъ бы быть хорошимъ женихомъ его дочери; справки объ отцѣ и дальнѣйшее съ нимъ знакомство укрѣпили въ немъ эту мысль, а отличныя душевныя качества и счастливая наружность отца заставили Якова Ивановича искренно его полюбить, и онъ сталъ уговаривать отца поѣхать съ нимъ въ деревню, отдохнуть отъ служебныхъ трудовъ. Такъ какъ отецъ служилъ нѣсколько лѣтъ безъ перерыва, до того времени отпускомъ не пользовался, а усиленныя занятія въ Сенатѣ и дѣйствительно требовали отдыха, да къ тому же и въ деревнѣ отецъ никогда не жилъ, то онъ охотно согласился на предложеніе Якова Ивановича; при этомъ отецъ и самъ подумалъ, что если ему приглянется дочь Якова Ивановича, то почему и не жениться, ему тогда было около тридцати лѣтъ, стало-быть самая пора.

Дочь Якова Ивановича, Варвара Яковлевна осталась послѣ смерти своей матери, Анны Васильевны, урожденной Гасвицкой, еще маленькой дѣвочкой, и потому жила и воспитывалась у дальнихъ своихъ родственниковъ, Неплюевыхъ, въ семьѣ которыхъ было пять дѣвушекъ, ея сверстницъ; съ ними вмѣстѣ она получила и тогдашнее, общее всѣмъ мелкопомѣстнымъ барышнямъ, образованіе, у сельскаго дьякона или дьячка, да выучилась танцовать разные менуеты и гавоты—у кого ужъ не знаю. Варвара Яковлевна была въ то время весьма недурная собою, бѣлокурая, здоровая, русскаго типа дѣвушка, чрезвычайно веселая, затѣйница разныхъ игръ и шалостей, всѣми, и своими сверстницами и стариками, очень любимая. Понятное дѣло, что пріѣздъ съ Яковомъ Ивановичемъ московскаго гостя, человѣка молодого, образованнаго, въ такую глушь, какой былъ уголокъ, въ которомъ жилъ онъ, былъ событіемъ для взрослыхъ барышенъ, а для дочери Якова Ивановича и тѣмъ болѣе, такъ какъ на отца нашего прямо уже смотрѣли какъ на жениха ея. По счастію и она понравилась нашему отцу, а онъ ей и подавно, и сватство было недолгое—отецъ рѣшился жениться.

Кромѣ принадлежавшаго матери нашей имѣньица, о которомъ

я говорилъ выше, дѣдушка Яковъ Ивановичъ далъ за нею въ приданое пять тысячъ рублей асс. Отецъ говорилъ, что много хлопотъ ему было съ этимъ приданымъ; дѣдушка, копившій его грошами, далъ всѣ пять тысячъ рублей мѣдными деньгами—цѣлый сундукъ! кое-какъ удалось отцу размѣнять эти мѣдяки въ Бузулукѣ у знакомыхъ на серебро и ассигнаціи.

Вскорѣ послѣ женитьбы отецъ съ матерью уѣхалъ въ Москву, гдѣ и прожилъ до 1829 года, служа по прежнему въ Сенатѣ. Тѣмъ временемъ пошли дѣти; къ 1829 г. насъ родилось уже четверо: Александръ и Петръ, умершіе очень маленькими, затѣмъ Николай и я; жить въ Москвѣ на то жалованье, которое получалъ отецъ, съ семьей было уже трудно, къ тому-же большую часть полученныхъ въ приданое отъ дѣдушки денегъ, пришлось истратить какъ на первоначальное обзаведеніе для семейной жизни, такъ въ особенности еще во время тяжкой болѣзни матери, которая захворала разлитіемъ молока послѣ рожденія сына Петра; объ этой болѣзни мать часто вспоминала, разсказывая какъ докторъ, ее лѣчившій, на консиліумѣ говорилъ по латыни, причемъ немилосердно коверкала латинскія слова, заставляя этимъ очень смѣяться отца. Я родился 5 марта 1829 года ребенкомъ большимъ, крѣпкимъ, здоровымъ крикуномъ; мать особенное значеніе придавала обстоятельству, сопровождавшему мое рожденіе: она разсказывала, что когда еще была беременна мною, ей во снѣ кто-то сказалъ, что она родитъ сына и велѣлъ назвать его Ерастомъ, между тѣмъ, въ случаѣ рожденія сына, она желала ему дать имя Аркадія; когда я родился, рѣшили поэтому написать на билетикахъ имена Ераста и Аркадія и заставили брата Николая вынуть жребій; три раза повторяли это и три раза вынималось имя Ераста, считая, что уже судьба этого хочетъ, назвали меня при крещеніи Ерастомъ. Мать, по этому поводу, все ждала отъ меня какихъ то великихъ подвиговъ, которыхъ такъ и не дождалась.

Какъ только мать оправилась отъ родовъ, отецъ вышелъ въ отставку и въ маѣ мѣсяцѣ, со всей семьей, поѣхалъ въ деревеньку матери намѣреваясь прожить здѣсь лѣто, а къ осени ѣхать на свою родину, въ Кіевъ, гдѣ думалъ снова искать службы. Не такъ однакоже случилось. Приняли отца всѣ сосѣди, родные и знакомые черезвычайно радушно и всѣ, вмѣстѣ съ дѣдушкой Яковомъ Ивановичемъ, стали уговаривать его остаться въ деревнѣ; въ Кіевѣ, къ тому же, у отца къ этому времени никого не оставалось родныхъ, кромѣ двухъ племянницъ, а доставшійся отъ дѣдушки, Марка Ивановича, домъ все еще былъ въ опекѣ за его долги. Не рѣшаясь ни ѣхать, ни остаться окончательно, отецъ съ матерью откладывали отъѣздъ день за день и дотянули до глубокой осени, когда ѣхать было уже трудно—и отецъ наконецъ рѣшился окончательно посе-

литься въ деревнѣ, тѣмъ больше, что деревенская жизнь ему очень полюбилась, да и мѣстечко, въ которомъ была деревенька нашей матери, было такое славное, богатое и водою и лѣсомъ и всякаго рода птицей и рыбой. Счастливы были мы, дѣти, что такое рѣшеніе было принято: намъ удалось провести ранніе годы своей жизни не въ душномъ городѣ, а среди деревенской простоты и природы.

Мать наша отъ этого рѣшенія была въ восторгѣ, ей вообще была не по душѣ городская жизнь и, живши въ Москвѣ, она сильно тосковала по своей родинѣ.

Когда отецъ окончательно рѣшился поселиться въ деревнѣ, дѣдушка нашъ, Яковъ Ивановичъ, переѣхалъ на житье въ Бузулукъ, въ небольшой домикъ, который онъ тамъ себѣ купилъ; жилъ онъ въ Бузулукѣ съ своей побочной дочерью, Марфой Яковлевной, бывшей замужемъ за Бузулукскимъ мелкимъ торговцемъ Дубининымъ, и съ матерью Марфы Яковлевны, не помню какъ ее звали. У дѣдушки былъ еще побочный сынъ Иванъ Яковлевичъ, котораго я помню уже есауломъ оренбургскаго казачьяго войска. Наша семья была всегда очень ласкова съ этой побочной семьей дѣдушки; всѣ они часто у насъ въ деревнѣ бывали и принимались нашимъ отцомъ и матерью какъ родные. Дѣдушку я помню уже старикомъ, но бодрымъ и свѣжимъ, съ темными, чуть впросѣдь, кудрявыми волосами, съ очень симпатичнымъ, умнымъ лицомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ, стараго времени, людей, которые при дѣятельной, подвижной и вмѣстѣ простой деревенской жизни, сроду не знали, что такое болѣзнь и доживали до глубокой старости. Дѣдушка умеръ ста слишкомъ лѣтъ и умеръ не отъ болѣзни какой нибудь, а просто заснулъ, сидя послѣ обѣда въ своемъ креслѣ. Онъ часто пріѣзжалъ къ намъ изъ Бузулука по субботамъ и оставался на воскресенье. Въ субботу къ вечеру ему готовилась баня, очень жарко натопленная, такъ какъ онъ любилъ страшно париться, для чего уже и были готовы два парильщика, кучеръ Федулъ и скотникъ Харитонъ, которые и парили его поочередно въ два вѣника до полнаго изнеможенія; съ полка его снимали краснаго, какъ ракъ, уже почти безъ чувствъ и клали въ передбанникѣ, гдѣ онъ съ полчаса отдыхалъ, затѣмъ отдѣвался или, особенно въ морозные дни зимой, повторялъ еще разъ эту операцію паренья, а потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, приходилъ въ домъ пить чай вмѣстѣ съ нами. Только скажетъ, бывало — ну спасибо Варинька, такая банька— чудо, два раза парился.—Да и нельзя было быть ей дурной: еще за два дня до пріѣзда дѣдушки ее начинали протапливать, опаривать, а въ самый день пріѣзда такъ натапливали, что рукп жгло. И такъ дѣдушка парился до самыхъ послѣднихъ дней своей долговѣчной жизни.

Дѣдушка ѣздилъ къ намъ на своей лошадкѣ въ телѣжкѣ съ ко-

роткимъ ходомъ, страшно тряской, не соглашаясь ни подъ какимъ видомъ поѣхать въ покойномъ тарантасѣ, говоря, что ему въ немъ совсѣмъ будетъ неудобно и неловко. При томъ только въ послѣднее время онъ сталъ брать съ собой кучеромъ мальчишку, а то ѣздилъ всегда одинъ.

Рѣшившись окончательно поселиться въ деревнѣ, отецъ нашъ съ большимъ усердіемъ занялся хозяйствомъ и весьма скоро освоился съ этимъ, правда въ то время несложнымъ, дѣломъ, да и хозяйство то наше тогда было крошечное. Хотя земли было немного, но она была отличная, хлѣбъ родился хорошо, луговъ было достаточно и потому хозяйство вести было нетрудно и весело, да притомъ же сначала небольшая семья и требовала немного; по этому отецъ съ матерью, ведя жизнь крайне скромную, не проживали и тѣхъ небольшихъ доходовъ, которые получали со своего имѣньица. Къ тому же сосѣди помѣщики, скоро по пріѣздѣ отца въ деревню, стали поручать ему разныя дѣла свои, по которымъ приходилось хлопотать не только въ губернскомъ городѣ Уфѣ, но и въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Хотя въ то время платилось за хлопоты по дѣламъ далеко не такъ щедро, какъ нынче платятъ адвокатамъ, но все-таки и нѣсколько десятковъ, а за поѣздку въ Москву или Петербургъ даже сотни двѣ или три рублей асс. были значительнымъ для отца подспорьемъ. Откладывая свои сбереженія, отецъ черезъ три-четыре года нашелъ возможность прикупить у сосѣда, помѣщика Дементѣева, около двухсотъ десятинъ земли, прилегавшихъ къ нашей межѣ около деревни, съ небольшимъ участкомъ лѣса по берегу Тока, что совсѣмъ округлило нашу земельку и дало возможность имѣть свои дрова, въ чемъ чувствовался прежде сильный недостатокъ; этотъ участокъ лѣса назывался у насъ Займищемъ, такъ какъ его заливалъ весенній разливъ Тока. Имѣя теперь большое количество луговъ, которые давали до тысячи возовъ сѣна, отецъ увеличилъ скотоводство, завелъ очень выгодныхъ тогда шпанскихъ овецъ; а мать, большая любительница рогатаго скота, развела отличныхъ коровъ отъ нѣсколькихъ штукъ, полученныхъ отъ Карамзиныхъ. Мать была отличная хозяйка,—и чего только у нея не было и куры, какихъ ни у кого изъ сосѣдей не было, и гуси, какіе-то огромные, и свиньи вислоухія,—всего было вдоволь.

Всѣ сельскія работы, особенно при увеличеніи скотоводства, конечно одними своими людьми справить было нельзя, поэтому отецъ, во время самаго разгара работы, жнитвы или сѣнокоса, дѣлалъ раза два или три *помочи*, т. е. въ праздникъ созывалъ какъ своихъ, такъ и сосѣднихъ крестьянъ помочь въ работѣ; причемъ рабочіе угощались водкой, обѣдомъ и ужиномъ, а иногда давались бабамъ и дешевенькіе платки. Эти помочи были тогда обычнымъ дѣломъ у всѣхъ мелкихъ помѣщиковъ, которые своими рабо-

чими не могли осилить нужныя и спѣшныя полевыя работы. Замѣчу здѣсь кстати, что въ нашемъ отцовскомъ хозяйствѣ никогда не употреблялись никакія наказанія а объ розгахъ никто и не слыхалъ. Крестьяне, кромѣ трехдневной барщины, никогда не отрывались отъ работы; кромѣ пахотной земли они имѣли и достаточно луговъ для своей скотины.

Между тѣмъ семья наша стала прибывать; по лѣ переѣзда въ деревню родились сестры—близнецы Анюта и Катя, а потомъ братъ Борисъ и сестра Аделаида; изъ нихъ Анюта и Катя умерли вскорѣ одна послѣ другой, когда были, кажется, лѣтъ пяти, а Аделаида умерла ребенкомъ лѣтъ двухъ. Прибыль семьи заставила отца позаботиться объ увеличеніи нашего маленькаго домика, который оказался уже тѣснымъ: отецъ пристроилъ къ нему два крыла, изъ которыхъ въ одномъ былъ его кабинетъ, а въ другомъ помѣстили наши дѣтскія; вслѣдствіе этого домикъ принялъ форму подковы, внутри которой былъ разведенъ палисадникъ; въ половинѣ стараго дома образовалось довольно порядочное зальце, выходившее окнами въ старый тѣнистый садъ. Такимъ, уже перестроеннымъ, нашъ домикъ представляется въ моихъ самыхъ раннихъ вспоминаніяхъ. Помню хорошо отдѣлку этого перестроеннаго домика; отецъ изъ поѣздки въ Петербургъ по чьему-то дѣлу, кажется, по дѣлу Карамзиныхъ привезъ намъ довольно много игрушекъ, между которыми очень насъ обрадовали оловянные солдатики и большой, отлично гудѣвшій волчекъ, но особенно насъ заняли обои, привезенныя отцомъ для оклейки комнатъ нашего дома; обои тогда и для всѣхъ въ нашемъ краю были невиданной рѣдкостью, а для насъ, дѣтей, и подавно. А ужъ какое удовольствіе доставила намъ самая оклейка этими обоями комнатъ,—этого и сказать нельзя! Отецъ самъ, при помощи лакея, занимался этимъ дѣломъ, и сколько было при этомъ хлопотъ—безъ конца! Куски обоевъ сначала легонько прибивали гвоздиками, пригоняя узоры а потомъ наварили цѣлую кадушку клейстера и начали приклеивать; вся эта возня и пачкотня доставляла намъ невыразимое удовольствіе, причемъ мы, тоже стараясь помогать, только мѣшали дѣлу и пачкались; а когда наконецъ оклеили залу голубыми обоями съ золотыми по нимъ звѣздами, то нашему дивованью и радости не было конца! Кадушка съ клейстеромъ причинила однакоже намъ не мало и горя: работа эта была осенью, и мы въ это время ловили чепками синичекъ, которыхъ у насъ въ саду было множество, и пускали ихъ въ комнаты; отыскивая себѣ пищу, синички лѣзли въ кадушку и нерѣдко тонули въ клейстерѣ; каждый разъ, вытаскивая утопленницу, мы горевали до слезъ; отецъ велѣлъ наконецъ всѣхъ синичекъ выпустить на волю и перестать ловить.

III.

Дѣтство.

До начала нашего ученья, лѣтъ до 6, мы находились подъ присмотромъ старой няни Дарьи; этотъ присмотръ однакоже ограничивался лишь нашимъ платьемъ, да постельками, а какъ бо́льшую часть времени мы проводили на дворѣ и на улицѣ, гдѣ старуха няня не могла за нами и поспѣвать, то можно сказать, что въ это время мы жили на полной свободѣ; съ нами посылали только иногда, если не было дѣла въ домѣ, лакея Алексѣя, молодого парня лѣтъ двадцати, незадолго взятого въ горницу изъ одной крестьянской семьи. Алексѣй, по своей неловкости, неуклюжести и неповоротливости, былъ самымъ плохимъ лакеемъ, но для насъ, дѣтей, онъ былъ находкой; онъ былъ отличнымъ помощникомъ и затѣйникомъ въ нашихъ дѣтскихъ играхъ и забавахъ, дѣлал для насъ луки и стрѣлы, которыми мы стрѣляли голубей, никогда впрочемъ не попадая въ нихъ, выдѣлывалъ онъ изъ липы топоры и лопаты, которыми мы зимою, вмѣстѣ съ мальчишками, выкапывали въ сугробахъ около заборовъ пещеры и разные переходы, воображая себя какими-то разбойниками, скрывавшимися въ нихъ, о которыхъ мы наслушались разныхъ страшныхъ сказокъ и проч.

Отецъ и мать никогда не запрещали намъ общенія и игръ съ деревенскими мальчишками; и право хорошо дѣлали, сколько я вспоминаю теперь, никогда ничему дурному мы отъ нихъ не научились и не позаимствовались. И надо сказать, ни они въ отношеніи къ намъ, ни мы въ отношеніи къ нимъ, ничѣмъ не высказывали различія нашего, такъ сказать, общественнаго положенія; называли они насъ, правда, барчатами, но, нисколько не церемонясь, обыгрывали насъ въ бабки; при игрѣ въ городки, или, какъ мы называли тогда, въ чушки, въ случаѣ, если партія, въ которой мы были, проигрывала, то выигравшіе преспокойно ѣздили на насъ отъ одного городка до другого, также какъ и мы на нихъ, если нашей партіи удавалось выигрывать; и все это безъ всякой фальши; отецъ, бывало, только смѣется, когда увидитъ, что веземъ на себѣ какого нибудь мальчугана лапотника. Если только погода не была совсѣмъ ужъ гадкою, то мы все время и лѣтомъ и зимой были на воздухѣ, на улицѣ или въ полѣ со своими товарищами мальчишками. Кромѣ городковъ, бабокъ, бѣганія, пусканія змѣя (по-казански московки) у насъ было не мало и другихъ забавъ, какъ напримѣръ очень любимыя нами *жигалки*, это бросаніе въ цѣль, при помощи упругихъ прутьевъ, кусочковъ глины, хорошо смятыхъ и скатанныхъ въ небольшіе шарики, которые насажива-

лись на тонкій конецъ прута. Игра въ бабки, которыя у насъ назывались кознами (игра извѣстная кажется во всей Россіи) также доставляли намъ много удовольствія; помню, передъ отъѣздомъ въ ученье мы съ братомъ Николаемъ тихонько отъ всѣхъ зарыли въ землю на подволокѣ нашего дома порядочную кучу бабокъ, думая по возвращеніи на вакаціонное время воспользоваться ими. Впослѣдствіи однако же кладъ этотъ достался меньшимъ нашимъ братьямъ Борису и Александру, которые, какъ намъ потомъ разсказывали, долго искали его, перерывши всю землю на подволокѣ.

Зимой, какъ только замерзалъ нашъ прудъ на рѣчкѣ, мы очень любили игру, которая называлась *шлой*; подробности этой игры я теперь не помню, знаю только, что она состояла въ катаньи дубинками деревяннаго шара, причемъ, какъ и въ игрѣ въ городки, играющіе раздѣлялись на двѣ равныя партіи и игра кончалась тѣмъ, что проигравшая партія возила на себѣ выигравшихъ на извѣстное разстояніе; на гладкомъ льду, это очень было забавно, потому что возня эта сопровождалась множествомъ паденій и много было смѣху. Принадлежности этой игры приготовлялись нами самими; сколько, бывало, хлопотъ, чтобы ножемъ обдѣлать хорошій, правильный шаръ изъ корня березы и сколько удовольствія, если онъ выйдетъ совсѣмъ ровный, гладкій, красивый. Много также было хлопотъ съ отеской дубинокъ — тонкихъ березокъ, выкопанныхъ съ корнемъ, который обдѣлывался въ шаровидное, нѣсколько загнутое утолщеніе. А сколько доставляла удовольствія поѣздка въ лѣсъ за этими дубинками—сказать нельзя. Къ масляницѣ отецъ устроивалъ для насъ довольно порядочную гору на пруду; при этомъ не одно катанье съ горы доставляло намъ удовольствіе,—главную заботу для насъ составляло заранѣе еще устраиванье ледянокъ для этого катанья; ледянки состояли изъ небольшого деревяннаго корыта, заостреннаго съ одного конца; дно корыта снаружи обмазывалась какъ можно ровнѣе свѣжимъ коровьимъ пометомъ и затѣмъ на слой этой смазки намораживался поливаньемъ водою слой льда; къ узкому концу привязывалась веревочка и ледянка готова; большая была радость, если намороженный слой льда выходитъ совершенно ровнымъ и гладкимъ. Помню, какое горе мнѣ было, когда на такую отлично намороженную ледянку кто-то изъ дѣвокъ положилъ горячую крышку отъ самовара, отъ чего протаялъ на ледянкѣ глубокій кружокъ; сколько было хлопотъ мнѣ уничтожить этотъ кружокъ! На такой ледянкѣ отлично было кататься: взвеземъ ее на гору, поставимъ острымъ концомъ впередъ, усядемся въ нее хорошенько съ ногами, и пошелъ внизъ,—только сердце замираетъ! Мальчишки, а за ними и мы, дѣлали эти ледянки и проще—брали старое рѣшето или какое

нибудь лукошко и на дно намазывали и намораживали слои коровьяго намета и льда, также какъ и на корытахъ; на ледянкѣ-рѣшетѣ я очень любилъ кататься—и внизъ съ горы на ней летишь и въ тоже время вертишься—такъ славно! Однажды кто-то изъ товарищей-мальчишекъ придумалъ это катанье въ болѣе широкихъ размѣрахъ: вздумали взвезти на Крутую гору, что за нашими гумнами, цѣлыя розвальни и на нихъ оттуда пуститься. Сказано-сдѣлано: вывезли со двора розвальни, съ десятокъ насъ уцѣпились за нихъ и потащили на гору. Крутая гора, хотя и носила такое названіе, но не была на самомъ дѣлѣ очень крута, однакоже порядочная, намъ пришлось тащить розвальни съ полверсты; съ большими усиліями и хлопотами, вспотѣвши какъ мокрыя курицы, взвезли мы наконецъ розвальни на гору; установили ихъ какъ слѣдуетъ, насѣли всѣ и пустились. Сначала все шло хорошо, но чѣмъ дальше, тѣмъ сани начали катиться быстрѣе, править ими, разумѣется, было невозможно, стали онѣ забирать въ сторону. и вдругъ въ рытвинѣ—трахъ! перевернулись—и мы всѣ полетѣли со всего размаху въ снѣгъ! Счастливо, что въ этомъ мѣстѣ снѣгу оказалось много, и никто изъ насъ даже не ушибся, только снѣгу и за воротники и въ валенки набилось пропасть и пришлось долго провозиться, чтобы отъ него отдѣлаться. Въ другой разъ ужъ не пытались взвозить сани; мальчишки рѣшили, что ежели баринъ или барыня увидятъ, такъ спасибо не скажутъ,—да и правда, навѣрное была бы порядочная всѣмъ теребачка. А чего дѣтьми только мы не ѣли! Не говоря уже о ягодахъ, за которыми мы ходили вмѣстѣ съ деревенскими бабами и дѣвками, не говоря о борцахъ, шкердѣ или кугѣ, о коровкахъ, о щавелѣ,—ѣли мы какихъ то косматиковъ и козлятиковъ, за которыми ходили въ поле на жнитву, и отъ которыхъ сильно чернѣли губы; ѣли какихъ то курушекъ, которыя въ изобиліи росли на Крутой горѣ; ѣли стебли молодого репейника—и все сходило съ рукъ, не разстраивали себѣ желудка, да должно быть и желудки то были иные, чѣмъ теперь.

Большое удовольствіе доставляло намъ время уборки сѣна; я уже говорилъ, что сѣна у насъ заготовлялось много, и хотя луга были очень близко отъ деревни, но все сѣно свозилось на особое гумно, гдѣ и ставилось длинными, высокими ометами. У отца было довольно много рабочихъ лошадей, и возить сѣно посылались всѣ мальчишки и дѣвченки, которые только чуть умѣли править лошадью; мы принимали въ этой возкѣ горячее участіе. Любо было сидѣть на высокомъ возу душистаго сѣна, кувыркаться на приготовленныхъ къ возкѣ копнахъ, бѣгать между длинными рядами омётовъ—не дозовутся, бывало, домой и обѣдать!

Тогдашнее обиліе всякаго рода птицы и рыбы въ нашихъ мѣстахъ и свобода деревенской жизни способствовали съ ранняго

времени развитію въ насъ любви къ охотѣ; и сколько счастливыхъ минутъ доставила она намъ еще въ дѣтскихъ годахъ, сколько пріятныхъ воспоминаній оставила къ старости!—Какъ живые встаютъ образы дорогого далекаго прошлаго... Вотъ дѣвичье крылечко нашего домика, выходящее на обширный дворъ, окруженный разными хозяйственными постройками. Начало мая; теплый, почти лѣтній вечеръ; Грязнушка давно уже пробурлила, давно унесла прибылую воду въ Токъ и течетъ теперь мирнымъ ручьемъ, въ которомъ и куриць по колѣни, такъ какъ плотина, за спѣшными полевыми работами, еще не запружена. Отецъ съ матерью сидятъ на крылечкѣ; возлѣ матери пріютились и мы съ братомъ Николаемъ, старшіе изъ дѣтей. Отецъ, окончивши разговоръ со старостой, обращается къ намъ:—Ну, дѣти, завтра воскресенье, можете утромъ идти съ пастухами за куличиными яйцами.—Позволеніе это, разумѣется, принимается нами съ восторгомъ. Мать посылаетъ за пастухомъ, въ это время уже пригнавшимъ стадо, и приказываетъ ему, когда завтра будутъ выгонять стадо, взять насъ съ собой, да только беречь, чтобы мы какъ нибудь не попали въ воду, не ушиблись и т. д. Мы находимся въ самомъ восторженномъ состояніи, заранѣе представляя себѣ во всѣхъ подробностяхъ завтрашнее удовольствіе, мы уже слышали отъ мальчишки-подпаска, что вчера онъ нашелъ нѣсколько куличиныхъ гнѣздъ, въ которыхъ было по три и по четыре яйца, еще не насиженныхъ. Въ этотъ день мы ложимся спать раньше обыкновеннаго, такъ какъ на завтра надо вставать раньше, до солнышка,—стадо задерживать нельзя.

Рано утромъ насъ будятъ; быстро встаемъ мы съ своихъ постелей, наскоро умываемся и одѣваемся и, захвативъ въ карманъ приготовленную булку, бѣжимъ на крыльцо; передъ крыльцомъ стоитъ подпасокъ Гришка, а за воротами, на улицѣ, все стадо уже въ полномъ сборѣ. Что за чудное утро! Въ ясномъ свѣжемъ воздухѣ не шелохнетъ, солнце еще не взошло, но лучи его уже видны на горизонтѣ бѣлыми, высоко подымающимися и расходящимися полосами; все тихо, раздается только нетерпѣливое мычаніе коровъ и блеянье, въ кучу сбившихся на пыльной дорогѣ, овецъ. Мы выходимъ на улицу; стадо съ огромнымъ племяннымъ быкомъ, Магнусомъ, во главѣ, двигается къ околицѣ; изъ подъ ногъ овецъ поднялась столбомъ черная пыль, но не надолго: стадо повернуло съ дороги на выгонъ, начинающійся за самой околицей,—и пыль пропала. Весело, въ прискочку, бѣгутъ, перегоняя коровъ, овцы, сопровождаемыя ягнятами, которые прыгаютъ вокругъ матерей, подсовывая имъ подъ брюхо свои красивыя мордочки и стараясь на бѣгу схватить отвисшія ихъ соски. Въ ароматномъ воздухѣ раздается бой перепеловъ изъ разбросаннаго куртинами по выгону бобовника, чилижника и таволги, а съ высоты неумолкаемо

льются трели жаворонковъ навстрѣчу косымъ лучамъ восходящаго солнца. И сколько ихъ тутъ! Безпрестанно взрываются они изъ ковыля и, трепеща крылышками, быстро, столбомъ поднимаются въ высоту—и новыя, новыя трели льются оттуда на ликующую землю. Какъ весело всѣмъ! Полной грудью вдыхаемъ мы ароматный, напоенный гармоническими весенними звуками, воздухъ, и намъ хорошо, намъ весело, также прыгаемъ мы, какъ тѣ ягнята, которые рѣзвятся вокругъ насъ.

Вмѣстѣ со стадомъ приближаемся мы къ такъ называемымъ колочкамъ,—это небольшія куртины березы, боярышника, калины и другихъ кустарниковъ, окружающихъ небольшія, почти круглыя, покрытыя кочками и осокой, озерки. Здѣсь много гнѣздится утокъ, но намъ до нихъ не добраться,—мы всѣ вымочились бы и загрязнились; но не сюда и стремятся наши мечты: за этими колочками разстилается широкій логъ, называемый Любимымъ доломъ, туда нетерпѣливо бѣжимъ мы, перегоняя стадо, съ нашимъ товарищемъ Гришкой. Мы подбѣгаемъ къ окраинѣ небольшой возвышенности, на которой расположены колочки и передъ нами изумрудным ковромъ разстилается широкій лугъ, съ прорѣзывающею его во всю длину широкою полосой темнозеленаго молодого камыша—это и есть Любимый долъ. Въ долу все тихо: не видать ни куликовъ, ни чибисовъ, можно пожалуй подумать, что тутъ ничего и нѣтъ; но это напрасно—обитатели его сидятъ смирно около своихъ жилищъ, они еще и не подозрѣваютъ въ насъ опасныхъ хищниковъ. Но вотъ мы осторожно спускаемся въ самый долъ, и вдругъ, почти изъ подъ самыхъ ногъ, взрывается чибисъ и оглашаетъ своимъ пискливымъ крикомъ до сихъ поръ сонный долъ; это сигналъ ко всеобщей суматохѣ, которая немедленно поднялась кругомъ: множество нетигелей, песочниковъ и другихъ куликовъ разныхъ породъ безпрестанно начинаютъ взрываться со всѣхъ сторонъ, все это кружится въ воздухѣ, наполняя его разнообразнѣйшимъ крикомъ и пискомъ; обитатели дола поняли, что ихъ гнѣздамъ грозитъ неминуемая гибель; каждый изъ нихъ, взлетая съ гнѣзда, старается отвести отъ него хищниковъ—летитъ въ сторону, припадаетъ будто подстрѣленный, садится, опять взлетаетъ, но все это напрасно, не обращая вниманія на всѣ эти продѣлки и на жалобные крики несчастной птицы, мы стараемся только замѣтить—съ которой кочки сорвался куликъ: тутъ навѣрное мы найдемъ гнѣздо съ красивыми пестрыми яичками. Проходя осторожно по окраинѣ дола,—въ средину его идти слишкомъ мокро,—мы мало по малу наполняемъ свою корзину разнообразными, разныхъ цвѣтовъ и величинъ, куличиными яйцами. Оставляя за собою горе и разореніе, мы, напротивъ радостные и торжествующіе, идемъ въ колочки, чтобы отдохнуть подъ свѣжей зеленью душистыхъ кустовъ; осторожно

поставивъ свою корзинку съ яйцами, мы садимся въ тѣни на мягкую траву, и съ какимъ удовольствіемъ и аппетитомъ завтракаемъ своими булками! А въ долу все еще стоитъ стоитъ отъ куличинаго крика и писка.... Варварское это дѣло—разореніе гнѣздъ; но да простятъ дѣтямъ это удовольствіе, эту прогулку полную веселья и радости, она бывала одинъ разъ въ году, въ лучшую его пору, когда степной весенній воздухъ такъ живительно дѣйствуетъ на молодой организмъ, а что за бѣда, если десятка два куличиныхъ гнѣздъ бывало разворено, и куликамъ приходилось еще разъ свить гнѣзда и нанести яицъ—они успѣвали еще это сдѣлать.

Позавтракавъ и отдохнувъ подъ тѣнью кустовъ въ колочкахъ, мы отправляемся домой съ нашей добычей. Несмотря на раннее еще утро, солнце начинаетъ уже сильно припекать, въ воздухѣ становится душно; но мы не чувствуемъ усталости, идти притомъ же было недалеко, да и дома въ этотъ день насъ ожидало еще новое удовольствіе. Выше нашей усадьбы, верстахъ въ двухъ, на Грязнушкѣ была мельница помѣщика Поздюнина; въ широкомъ, мѣстами тинистомъ и омутистомъ, прудѣ этой мельницы водилось великое множество разной рыбы, которая была еще издавна въ него насажена; тутъ были прекрасные лини, налимы, караси, водились и щуки весьма большой величины и много разной бѣли. Часть этой рыбы, вмѣстѣ съ весеннею водой, уходила изъ пруда и оставалась въ омутцахъ, которые находились на рѣчкѣ ниже мельницы. Недалеко отъ нашего дома былъ одинъ такой омутокъ, соединявшійся ниже съ остальною частью рѣчки узкимъ, но довольно глубокимъ рукавомъ. Когда прудъ, что около дома, наполнялся, то къ этому рукаву подойти было нельзя—онъ соединялся тогда съ общей массой пруда, но теперь плотина наша еще не была запружена, къ рукаву рѣчки было легко подойти съ обѣихъ сторонъ черезъ тальникъ, который его окаймлялъ; рыбѣ же изъ омутка нельзя было идти иначе, какъ черезъ этотъ рукавъ. Вотъ здѣсь, на этомъ рукавѣ, дня три тому назадъ, была сдѣлана нами, т. е. конечно только при нашемъ присутствіи, загородь изъ вбитыхъ довольно плотно одинъ къ другому кольевъ между двумя жердями, положенными поперекъ рукава, только самая средина рукава, въ аршинъ шириною, оставлена свободной. Здѣсь, въ этомъ свободномъ пространствѣ, была наканунѣ поставлена, сплетенная нами самими, подъ руководствомъ Алексѣя, изъ ивовыхъ прутьевъ морда. Понятно съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы осмотра нашей затѣи, еще утромъ, отправляясь за куличиными яйцами, мы безпокоились объ этомъ и наказывали, чтобы безъ насъ не вынимали морды.

Придя домой и наскоро напившись чаю,—было еще около десяти часовъ утра,—мы тотчасъ же побѣжали смотрѣть морду, за-

хвативши съ собой и ведро для рыбы. Но тутъ намъ однимъ дѣлать было нечего, потому что по жердочкамъ, надъ довольно глубокимъ рукавомъ рѣчки, намъ ходить было не позволено; поэтому съ нами туда отправился Алексѣй, главный затѣйникъ этой охоты. Пройдя по жердямъ до половины загороди, Алексѣй выдернулъ колъ, придерживавшій морду на днѣ, и началъ ее осторожно приподнимать открытымъ концомъ вверхъ; мы по необходимости должны были только стоять на берегу и сгорать отъ величайшаго нетерпѣнія. Но вотъ уже почти половина морды наружѣ, очевидно, что въ ней что то есть и даже, кажется, много; радость и волненіе наши достигаютъ крайнихъ предѣловъ, и вдругъ въ головѣ мелькаетъ ужасная мысль—а что если связанные на концѣ морды прутья развяжутся и рыба уйдетъ? Но нѣтъ не можетъ быть, вѣдь прутья связывалъ Алексѣй, мы сами видѣли какъ онъ крѣпко, черезъ колѣнку, затягивалъ ихъ! Но наконецъ морда уже вся вынута изъ воды; Алексѣй держитъ ее обѣими руками за верхній конецъ, и едва подвигаясь по жердочкамъ, осторожно несетъ на берегъ. Мы ясно видимъ, что въ мордѣ бьется и трепещетъ дѣйствительно много отличной рыбы; волнуемся мы непомѣрно; намъ кажется рыбы ужъ такъ много, что Алексѣй пожалуй и не донесетъ ее до берега, уронитъ или вообще сдѣлается что-то необыкновенное и рыба уйдетъ непремѣнно. Но, слава Богу, ничего необыкновеннаго не сдѣлалось, морда наконецъ на берегу; мы тотчасъ же бросаемся развязывать задній конецъ ея, чтобы вынуть рыбу.—Да что ты, Алексѣй, какъ закрутилъ, ничѣмъ не развяжешь!—Мы забываемъ уже нашъ прошедшій страхъ и не можемъ догадаться, что намокшую веревку намъ, конечно, не подъ силу развязать.—Да пустите, я самъ развяжу; а вы глядите, какъ вы перепачкались.—Но до того ли намъ, мы, разумѣется, ничего не видимъ, кромѣ бьющейся въ мордѣ рыбы. Алексѣй наконецъ развязываетъ веревку и вытрясаетъ рыбу на лужайку. Боже мой, какая прелесть! Три или четыре довольно крупныхъ линя, два большихъ, пузатыхъ палима и нѣсколько штукъ разной мелочи. Съ большими хлопотами укладываемъ мы линей и выскальзывающихъ изъ рукъ налимовъ въ ведро и съ торжествомъ несемъ его домой. Сколько пережитыхъ волненій, сколько удовольствія,—вѣдь это первая рыба, пойманная нами самими въ нами же сплетенную морду!

Развитію въ насъ любви къ охотѣ способствовало еще особенное обстоятельство. Не помню сколько мнѣ было въ это время лѣтъ, но мы начали уже учиться, когда отецъ купилъ у помѣщика Ратькова семью людей, состоявшую изъ отца и матери, уже стариковъ, четырехъ взрослыхъ сыновей и двухъ, тоже взрослыхъ, дочерей; покупку эту доставилъ особенный случай: купленное семейство происходило отъ природнаго калмыка, отца того старика, который по-

палъ къ намъ. Калмыкъ этотъ какимъ то образомъ былъ добытъ Ратьковымъ, окрещенъ имъ и затѣмъ обращенъ, вѣроятно по праву завоевателя, въ крѣпостные. Произшедшее отъ него семейство, по прозванію Калмыковыхъ, вздумало отыскивать *волю*; вотъ за эту то попытку, изъ которой, разумѣется, въ то простое время ничего не вышло, Ратьковъ и продалъ это семейство нашему отцу. Семейство это было чрезвычайно замѣчательно необыкновенной даровитостью всѣхъ его членовъ: старикъ отецъ, Николай Артемьичъ, и старшій его сынъ, Петръ, были отличные сапожники; второй сынъ, Евлогій, взятый отцомъ въ лакеи, вмѣсто Алексѣя, отпущеннаго въ крестьяне, былъ страстный охотникъ, отличный стрѣлокъ, рыболовъ,—все что угодно; онъ и сдѣлался нашимъ неизмѣннымъ учителемъ, а затѣмъ товарищемъ и затѣйникомъ по всѣмъ возможнымъ родамъ охоты, кромѣ псовой, которой у насъ никогда не бывало; чего только онъ не умѣлъ — и вынашивать ястребовъ для ловли перепелокъ, и устраивать отличныя дудочки для подманиванья перепеловъ, и плести какія угодно рыболовныя снасти—все это онъ зналъ въ совершенствѣ; а ужъ найти изобильныя мѣста для ловли рыбы или для стрѣльбы, никто не могъ лучше его. Евлогій къ тому же обладалъ удивительнымъ юморомъ при разсказахъ о различныхъ эпизодахъ охоты, и неистощимой веселостью и находчивостью. Понятно, что въ насъ, при такомъ товарищѣ, развилась, не только любовь, но и страсть къ охотѣ во всѣхъ ея видахъ. Изъ двухъ меньшихъ его братьевъ, одинъ былъ отданъ отцомъ нашимъ въ Москву, въ столяры, другой къ помѣщику Еселеву въ ткачи, и оба впослѣдствіи стали отличными мастеровыми. Что касается дочерей Артемьича, то вскорѣ отецъ нашъ старшую изъ нихъ отдалъ замужъ за бывшаго лакея, Алексѣя, а меньшую за молодого парня Пахома, на рукахъ котораго были шпанскія овцы. Эти дочери Артемьича также отличались рѣдкими способностями: никто лучше ихъ не прялъ тончайшихъ, какъ паутина, нитокъ изъ козьяго пуха; если бабъ посылали за грибами или ягодами, то никто не могъ набрать такихъ мелкихъ, молодыхъ грибовъ, или спѣлыхъ чудныхъ ягодъ, какъ онѣ. Словомъ, все семейство Калмыковыхъ было истиннымъ кладомъ для нашей деревни и для насъ. О главѣ же этого семейства, Артемьичѣ, мы сохранили самое лучшее воспоминаніе; онъ былъ впослѣдствіи нашимъ дядькой во время гимназической и студенческой жизни; такихъ людей нынче нѣтъ, о немъ мнѣ много разъ придется говорить впослѣдствіи.

Когда семейство Калмыковыхъ поступило къ намъ, мы со старшимъ моимъ братомъ Николаемъ, какъ я уже говорилъ, начали учиться. Отецъ занимался съ нами ежедневно по утрамъ, въ опредѣленные часы, приготовляя насъ къ поступленію въ кадетскіе корпуса, куда мы были записаны имъ кандидатами—я въ морской, а

братъ Николай въ артиллерійскій. Помню, съ какимъ умѣньемъ и съ какимъ необыкновеннымъ терпѣніемъ занимался съ нами отецъ; учить дѣтей было для него удовольствіемъ,—онъ родился истиннымъ педагогомъ; мало того, что всѣхъ насъ приготовилъ въ учебныя заведенія, онъ бралъ къ себѣ дѣтей сосѣдей, училъ и ихъ; а когда мы всѣ уже выросли и учить стало не кого, то, въ старости уже, переучилъ онъ грамотѣ почти всѣхъ нашихъ деревенскихъ мальчишекъ и даже дѣвченокъ, на что мужики смотрѣли какъ на необыкновенное чудачество стараго барина.

Вслѣдствіе этихъ занятій, намъ приходилось принимать участіе въ разныхъ затѣяхъ, устраиваемыхъ Евлогіемъ, только въ праздники; за то съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы этихъ праздниковъ,—мы знали, что наканунѣ Евлогій непремѣнно устроитъ что нибудь такое, чего мы еще не видывали. Такъ однажды, прикормивъ за гумнами стайку куропатокъ, онъ разставилъ на снѣгу возлѣ привады вятель, къ которому провелъ отъ привады дорожку изъ мякины, смѣшанной съ просомъ; на снѣгу подъ вятелемъ также было насыпано немного проса, а въ самомъ вятелѣ и въ его горлѣ было положено нѣсколько былинокъ овса и проса. И чтоже, дуры куропатки, за исключеніемъ кажется одной или двухъ, всѣ залѣзли въ вятель! Рано утромъ Евлогій повелъ насъ смотрѣть на эту диковину; то-то у насъ было радости безъ конца, когда мы бѣжали, сломя голову, домой впереди Евлогія, несшаго нашу добычу въ коробкѣ! Не чувствовалъ я ни холода, ни того, что, вбѣжавши на замерзшій прудъ рѣчки, который былъ на прямомъ пути къ дому, я раза два здорово шлепнулся на льду! Опередивши Евлогія, я ворвался въ комнату весь растрепанный и въ снѣгу.—Мама, мама, посмотри-ка какую штуку мы поймали!—Какую еще штуку? Да ты посмотри-ка лучше на что ты похожъ, вѣдь ты весь въ снѣгу, весь растрепался, вѣдь ты простудишься; ну ужъ мнѣ этотъ Евлогій!—Владычица! да на что онъ похожъ, вступилась еще наша старая няня Дарья, вѣдь у него и носъ и уши отморожены, глядите-ка всѣ какъ снѣгъ бѣлые; батюшки, да и въ валенкахъ то снѣгъ!—Но я ничего не слышу и не чувствую никакого холода; запыхавшись и разгорѣвшись на бѣгу, я тороплюсь только разсказать, какъ мы пришли на гумно, какъ увидали, что куропатки уже залѣзли въ вятель, и какія онѣ дуры, что залѣзли туда, но какія хорошенькія, жаль только, что мы не видали какъ онѣ залѣзли въ вятель!—И никакой простуды; изъ валенокъ вытряхнули кучу снѣга, перемѣнили чулки, да оттерли снѣгомъ носъ и уши—вотъ и все.

Не всегда конечно была такъ удачна наша охота; я и теперь съ досадой вспоминаю одинъ неудачный случай, который долго тогда насъ мучилъ и служилъ темою нескончаемыхъ разговоровъ съ Евлогіемъ и горькихъ сожалѣній и сѣтованій и съ его и съ нашей сто-

роны. Это было по первозимью; снѣгъ покрывалъ уже всю землю, но былъ еще не глубокъ, проѣхать на саняхъ было можно вездѣ. Верстахъ въ пяти отъ нашей деревни, за Крутой горой, около Микулинскаго лѣса, въ которомъ было много тетеревовъ, Евлогій прикормилъ ихъ на *приваду*, состоящую изъ нѣсколькихъ сноповъ овса, съ разсыпанною около нихъ мякиной; все пространство привады занимало кругъ сажени въ двѣ въ діаметрѣ. Когда тетерева побывали раза два или три на привадѣ, Евлогій устроилъ саженяхъ въ десяти отъ нея небольшую изъ вѣтвей и соломы шалашку, а надъ привадой поставилъ *шатеръ*. Тетерева перестали было летать на приваду, но дня черезъ четыре, присмотрѣвшись къ шатру, начали понемногу, не только подлетать къ привадѣ, но и подлѣзать подъ шатеръ; еще дня черезъ два они побывали подъ шатромъ уже въ большомъ количествѣ: стая очевидно была многочисленная. Все это время Евлогій постоянно слѣдилъ за тетеревами; каждый день часовъ въ двѣнадцать, когда тетерева обыкновенно не бываютъ на привадѣ, ходилъ туда и осторожно осмотрѣвшись и увѣрившись, что вблизи нигдѣ нѣтъ тетеревовъ, подходилъ къ привадѣ осмотрѣть ихъ слѣды на снѣгу; по этимъ слѣдамъ легко судить—были-ли тетерева на привадѣ, что они дѣлали и въ какомъ количествѣ прилетали. Свои наблюденія Евлогій, конечно, сообщалъ намъ, что и служило темой для разговоровъ каждый вечеръ. Понятно, что мы сгорали нетерпѣніемъ—когда наконецъ настанетъ время покрыть тетеревовъ. Наконецъ однажды Евлогій, возвратившись съ осмотра, объявилъ намъ, что такъ какъ тетерева стали бывать подъ шатромъ каждый день, а прошлую ночь нѣсколько штукъ даже ночевали тамъ, то завтра онъ думаетъ ихъ покрыть. Хотя были будни, но въ виду необыкновенности случая, отецъ позволилъ намъ назавтра ѣхать смотрѣть окончаніе такъ долго подготовляемой охоты. Цѣлую ночь я бредилъ тетеревами, волненіе было чрезвычайное.

Рано утромъ, еще задолго до свѣта, Евлогій отправился въ шалашку, а мы съ поваромъ, на маленькихъ санкахъ, поѣхали къ привадѣ уже на зарѣ. Объѣхавши приваду довольно далеко, чтобы случайно не испугать тетеревовъ, еслибы они были близко, мы остановились въ небольшомъ перелѣскѣ, довольно далеко отъ привады, но такъ, что намъ было ее видно какъ на ладонкѣ. И на привадѣ и въ шалашкѣ была совершенная тишина; Евлогій не подавалъ никакихъ признаковъ жизни. Ярко горѣла и рѣзала глаза снѣжная поверхность поля подъ косыми лучами восходящаго солнца; на полѣ, даже далеко, были видны, веревочкой идущіе слѣды лисицы и плетешки бѣгавшаго ночью русака; утро было хотя морозное, но тихое и съ совершенно прозрачнымъ воздухомъ; ясно были видны даже нити шатра, покрытыя, какъ алмазными искрами, блестящимъ инеемъ. Прошло часа полтора томительнаго ожиданія; ни на при-

вадѣ, ни даже вблизи отъ нея—ни одного тетерева, точно все вымерло. Между тѣмъ крѣпкій морозъ сталъ сильно сказываться: при неподвижномъ сидѣньѣ начали зябнуть руки и ноги, на глазахъ показались слезы отъ напряженнаго смотрѣнія на ослѣпительно бѣлую снѣжную поверхность; пришлось голыми рученками нѣсколько разъ протирать смерзающіяся рѣсницы. Наконецъ и Евлогій очевидно потерялъ терпѣніе и его, вѣрно, донялъ морозъ: мы видимъ, что онъ осторожно вылѣзъ изъ шалашки и идетъ къ намъ; должно быть тетеревовъ уже нечего ждать. Но каково же наше изумленіе—не прошелъ онъ и половины дороги, какъ мы видимъ, что огромная стая тетеревовъ, прямо изъ лѣсу, не присаживаясь на опушкѣ, подлетѣла къ привадѣ, обсѣла ее кругомъ и быстро вся подобралась подъ шатеръ,—вся привада стала совсѣмъ черною. Мы такъ и ахнули! Евлогій замеръ на мѣстѣ; черезъ нѣсколько секундъ видимъ, что онъ сталъ тихонько опускаться, сначала на колѣни, потомъ на брюхо и осторожно поползъ къ шалашкѣ. Вѣдь, Боже мой, сслибы онъ не выходилъ изъ нея, вѣдь стоило бы только дернуть за веревку,—какая куча тетеревовъ была бы покрыта! Но не тутъ то было: тетерева тотчасъ его замѣтили, вся стая всполошилась и, выбравшись изъ подъ шатра, улетѣла на опушку лѣса и начала преспокойно клевать сережки съ березъ. Горе наше было неописанное. Евлогій всетаки проползъ въ шалашку, ожидал, что тетерева опять вернутся на приваду, но напрасно; прождавши еще часа два, онъ долженъ былъ окончательно уйдти изъ шалашки, оставивъ тетеревовъ на тѣхъ же мѣстахъ, на опушкѣ. Мы вернулись еще раньше его, иззябшіе донельзя и ужъ конечно въ страшномъ горѣ. И вѣдь вотъ чудо—ни на эту приваду, ни на другія, которыя устраивалъ въ эту зиму Евлогій, тетерева—ни ногой!

Когда отцу приходилось уѣзжать куда нибудь по разнымъ дѣламъ, занятія наши совсѣмъ почти прекращались, такъ какъ кромѣ отца мы не имѣли никакого учителя, а мать наша въ этомъ случаѣ не могла замѣнить намъ отца. Въ это время мы постоянно принимали участіе во всѣхъ охотахъ, устраиваемыхъ Евлогіемъ; то ѣздили съ нимъ осматривать разставленные въ озерахъ вятели, то отправлялись удить рыбу на Токъ или на Березовое озеро, то ставили разныя поставушки и капканчики на горностаевъ на гумнѣ, въ которыя впрочемъ больше попадали крысы и мыши, а не горностаи. Помню одинъ выдающійся случай изъ такого времени, случай, показывающій, какое невѣроятное количество дичи было тогда въ нашихъ мѣстахъ. Отецъ уѣзжалъ съ помѣщикомъ Н. И. Хрѣстомъ покупать у башкиръ землю (которую онъ и купилъ въ количествѣ 500 десятинъ, въ сорока верстахъ отъ нашей деревни, по рѣчкѣ Боровкѣ; земля эта впослѣдствіи у насъ называлась Новою землей, или Новымъ полемъ). Дѣло было въ началѣ августа.

Однажды послѣ обѣда мы отправились удить рыбу на Токъ; проѣхать туда по топкимъ лугамъ, вслѣдствіе разливавшейся по нимъ Грязнушки, можно было двоякимъ путемъ,—или черезъ гать, устроенную на генеральской сторонѣ,—эта дорога хотя и была самая длинная, но безопасная, по ней мы обыкновенно и ѣздили; или же можно было проѣхать болѣе короткимъ путемъ, черезъ наши луга, причемъ приходилось, въ одномъ мѣстѣ, переѣзжать черезъ животрепещущій мостикъ, на которомъ можно было иногда и завязнуть. На этотъ разъ мы выбрали этотъ послѣдній путь. Съ нами былъ, кромѣ нашего заводни Евлогія, поваръ, недавно возвратившійся изъ Москвы, куда онъ отданъ былъ учиться поварскому искусству. Едва въѣхали мы въ ваши луга, отстоящіе отъ дома саженъ на двѣсти, какъ изъ подъ ногъ лошади такъ и посыпали въ разныя стороны долгоносые кулики. Поваръ нашъ всплеснулъ руками,—батюшки, да вѣль это дупеля!—Ну такъ чтоже что дупеля, ихъ здѣсь конца-краю нѣтъ, да видишь, какіе они маленькіе, ихъ и бить то не стоитъ, возразилъ Евлогій, который, какъ оказалось, и самъ не зналъ въ нихъ толку. Мы, разумѣется, были того же мнѣнія какъ и Евлогій.—Да что вы, говоритъ поваръ, вѣдь это самая дорогая дичь, я двухъ утокъ не возьму за одного дупеля; вы набейте ка ихъ, какое я вамъ кушанье изготовлю, пальчики оближете.—Возвратившись домой послѣ ужинья, мы конечно разсказали нашъ разговоръ о дупеляхъ съ поваромъ, по убѣжденію котораго мать позволила Евлогію настрѣлять этихъ куликовъ на пробу. На другой день мы имѣли дѣйствительно отличное жаркое, какого прежде не ѣдали; одно только смущало насъ—это то, что дупеля были зажарены не потрошеные; но какъ поваръ насъ увѣрилъ, что дупелей всѣ такъ ѣдятъ и въ Москвѣ, то мы и успокоились. Только наша прежняя кухарка Хавронья такъ и осталась убѣжденной, что поваренокъ, какъ она называла ученаго повара Петра, на озорство накормилъ господъ птицей съ кишками.

Такъ какъ въ это время ожидали скораго пріѣзда отца, то мать велѣла Евлогію настрѣлять дупелей побольше. И чтоже, въ два или три дня онъ набилъ ихъ такое множество, что ими наполнили цѣлую кадушку, врубленную во льду въ погребѣ. Отецъ дня черезъ четыре дѣйствительно пріѣхалъ вмѣстѣ съ Христомъ. Надо сказать, что Н. И. Христъ самъ былъ страстнымъ охотникомъ, но въ нашихъ мѣстахъ онъ на охотѣ никогда не бывалъ, такъ какъ жилъ отъ насъ довольно далеко, верстахъ въ 60, въ своей деревнѣ Мойкѣ; это былъ отставной ротмистръ, маленькій, чрезвычайно живой человѣчекъ, юркій до крайности, дѣлавшій турецкую компанію съ Паскевичемъ и имѣвшій за нее Георгія; храбръ и задоренъ онъ былъ необыкновенно, точно маленькій мопсъ, на котораго походилъ и лицомъ; впрочемъ это былъ очень умный и образованный чело-

вѣкъ; до страсти любилъ онъ математику, которой занимался постоянно до самой старости, и зналъ ее весьма основательно. Когда мы показали ему набитыхъ Евлогіемъ дупелей,—онъ въ ужасъ пришелъ, разругалъ Евлогія за безсовѣстное истребленіе драгоцѣнной дичи, причемъ наговорилъ и накричалъ съ три короба. Однакоже, когда Евлогій ему сказалъ, что дупелей въ лугахъ еще больше, чѣмъ было прежде, то Христъ, всегда возившій съ собою прекрасное двухстволъное ружье, которое и на этотъ разъ было съ нимъ, тотчасъ послѣ обѣда и самъ, вмѣстѣ съ Евлогіемъ, отправился стрѣлять дупелей. Вотъ пошла пальба, Боже мой! Христъ былъ страшно горячимъ охотникомъ, а встрѣтивъ такое количество дупелей, какое было у насъ въ лугахъ, онъ совсѣмъ растерялся: дупеля вылетали изъ подъ ногъ по два и по три разъ; въ какой нибудь часъ времени онъ разстрѣлялъ весь патронташъ и долженъ былъ оставить охоту, убивъ только двухъ или трехъ дупелей. Возвратился онъ съ охоты совсѣмъ шальной и все бѣгалъ по залѣ и кричалъ—это царская, царская охота!

Не всегда отецъ могъ оставлять насъ, уѣзжая по разнымъ дѣламъ изъ деревни; оставить насъ надолго безъ занятій онъ боялся, такъ какъ мы могли среди удовольствій охоты все перезабыть, а между тѣмъ приближалось время везти насъ въ корпуса; поэтому, когда отцу привелось, на довольно продолжительное время, поѣхать по дѣлу помѣщиковъ Новосильцевыхъ въ Саратовскую губернію, онъ взялъ съ собой и насъ со старшимъ братомъ Николаемъ. Дѣло, по которому привелось на этотъ разъ ѣхать отцу, состояло въ раздѣлѣ имѣнія между братьями Новосильцевыми, изъ которыхъ старшій жилъ съ семьей въ Саратовскомъ ихъ имѣніи, а мать и два другихъ брата жили въ Бузулукскомъ уѣздѣ, въ нашемъ сосѣдствѣ. Вся трудность дѣла состояла въ соглашеніи на какія нибудь опредѣленныя условія раздѣла старшаго брата, или не его, собственно, такъ какъ онъ былъ человѣкъ очень добрый, а его жены, женщины крайне капризной. Отцу нужно было ѣхать осенью, а какъ онъ разсчитывалъ вернуться только уже по зимнему пути, то пришлось взять съ собой довольно много всякаго и теплаго платья; поэтому Новосильцевы, кромѣ помѣстительнаго тарантаса, въ которомъ должны были мы съ отцомъ ѣхать, дали еще телѣгу для поклажи. Поѣхали, разумѣется, на лошадяхъ Новосильцевыхъ, иначе *на долгихъ*, какъ тогда было въ обычаѣ ѣздить; кромѣ кучера и мужика съ телѣгой, съ нами отпустили еще Новосильцевскаго лакея Гаврилу.

Мать проводила насъ до Мойки, деревни Н. И. Хрйста, гдѣ съ нами и разсталась. Не помню сколько времени мы ѣхали этотъ дальній путь, но онъ намъ не казался скучнымъ; все было для насъ ново: и кормежки, и ночевки въ деревняхъ, и прибаутки му-

жика, ѣхавшаго на телѣгѣ, который оказался большимъ забавникомъ; забавляло насъ и то, какъ однажды раскольники, у которыхъ мы остановились почевать, чуть не выгнали насъ изъ избы, когда Гаврила принесъ папушу табаку и началъ крошить ее топоромъ на лавкѣ, намѣреваясь закурить трубку; заняла насъ и переправа черезъ Волгу на паромѣ, кажется въ Вольскѣ, все насъ интересовало.

Наконецъ доѣхали мы до мѣста, не помню въ какомъ это уѣздѣ, далеко ли отъ Вольска, но это было довольно большое село, съ большой, покрытой лужайкой, площадью посрединѣ, съ бѣлой каменной церковью и съ господской усадьбой, выходившей фасадомъ на площадь, а сзади примыкавшей къ обширному саду .Для насъ съ отцомъ былъ приготовленъ особый флигель, недалеко отъ господскаго дома, выходившій окнами на туже площадь; въ немъ мы очень удобно помѣстились. Александръ Захаровичъ Новосильцевъ намъ показался очень добрымъ; что касается до его жены, не помню какъ ее звали, и до его дѣтей, помнится, нашихъ сверстниковъ, то всѣ они намъ крайне не понравились, а мы имъ взаимно, кажется, и подавно; жена Новосильцева намъ показалась слишкомъ злою, а дѣти какими-то запуганными, будто забитыми. Мы съ ними совсѣмъ не сошлись, да потомъ и не бывали у нихъ въ домѣ вовсе. Привыкши дома къ полной почти свободѣ и простотѣ, мы и здѣсь скоро нашли себѣ товарищей въ деревенскихъ мальчишкахъ, съ которыми и проводили свободное время на лужайкахъ площади; бѣгали, играли въ бабки, пускали московки, приводя всѣмъ этимъ въ большое негодованіе жену Новосильцева. А свободнаго времени у насъ было много; отецъ хотя постоянно каждый день занимался съ нами, но только по утрамъ и не подолгу, а большую часть времени проводилъ въ переговорахъ съ Новосильцевыми у нихъ въ домѣ, по вечерамъ же писалъ. Помню, что отецъ иногда возвращался отъ нихъ крайне разсерженный и въ отчаяніи говорилъ, что вѣроятно придется бросить все это дѣло и уѣхать, такъ какъ съ этими людьми ни въ чемъ нельзя договориться. Тогда къ намъ приходилъ Александръ Захаровичъ и начиналъ уговаривать отца остаться и не сердиться, и они опять шли въ домъ и опять начинались переговоры. Наконецъ, къ большой радости отца, все кончилось благополучно,—договорились, и отецъ вмѣстѣ съ Новосильцевымъ поѣхалъ въ Саратовъ.

Между тѣмъ наступала зима, сталъ выпадать снѣгъ. По возвращеніи изъ Саратова, отцу пришлось только дожидаться, чтобы установился санной путь и встала Волга. Не знаю долго ли мы ждали этого, но помню, что въ это время мы стали сильно скучать, такъ какъ пришлось большею частью сидѣть дома вслѣдствіе наступившаго ненастья. Не помню также, какъ мы отправились от-

туда, кажется уже на почтовыхъ; помню только, что мы ѣхали въ большомъ крытомъ возкѣ и что сильно я напугался при переѣздѣ черезъ Волгу, по только что ставшему льду. Почему то намъ привелось переправляться ночью или поздно вечеромъ; помню, что ледъ сильно трещалъ и зыблился, и поэтому отецъ вмѣстѣ съ нами вышелъ изъ возка и всѣ мы шли пѣшкомъ сзади него. Было все время очень страшно, но перепугались мы особенно, подъѣзжая уже къ другому берегу,—оказалось, что ямщикъ припялъ за берегъ то, что было огромною полыньей, и если мы не попали въ нее, то благодаря только тому, что лошади остановились на самомъ почти ея краю и никакъ не хотѣли идти дальше. Пришлось вернуться назадъ, и долго еще мы плутали, дѣлая разные объѣзды, пока наконецъ выбрались на берегъ. Это впечатлѣніе страха до того сильно на меня подѣйствовало, что я съ тѣхъ поръ и до сего времени ничего въ дорогѣ такъ не боюсь, какъ переѣзда черезъ рѣку по льду. Остальной нашъ путь я не помню, вѣроятно ничего особеннаго не случилось, и мы благополучно пріѣхали домой.

Приготовленія наши къ поступленію въ кадетскіе корпуса и всѣ предположенія отца относительно насъ были разрушены совершенно неожиданнымъ образомъ, страшнымъ несчастіемъ, которое постигло насъ. Такъ какъ старшій мой братъ, ребенкомъ, страдалъ золотухой, да и всѣ мы не были отъ нея свободны, къ тому же у отца разболѣлась нога, то ему и посовѣтовали ѣхать со всѣми нами на Сергіевскія сѣрныя воды, которыя находятся отъ нашей деревни въ 170 верстахъ. Не помню, въ которомъ году это было, кажется въ 1836. Въ началѣ іюня мы всѣмъ семействомъ поѣхали туда, оставивъ домъ, какъ говорится, полною чашей: трудами отца и при необыкновенномъ умѣньи нашей матери вести хозяйство, у насъ всего было вдоволь; домикъ нашъ, построенный подковой, съ полисадникомъ въ срединѣ, съ отличнымъ, тѣнистымъ, хотя и небольшимъ садомъ, примыкавшимъ къ одной его сторонѣ, былъ точно игрушечка; залъ, гостинная и кабинетъ были оклеены обоями, которыми мы такъ любовались. Уѣзжая изъ этого хорошенькаго, уютнаго домика, мы и не думали, что больше его не увидимъ: въ то время, когда мы были на сѣрныхъ водахъ, нашъ домикъ, со всѣми надворными строеніями и службами, сгорѣлъ до тла; сгорѣлъ также нашъ садъ, кромѣ трехъ липъ, одиноко торчащихъ около нашего новаго дома. Изъ всѣхъ строеній осталась одна только баня, построенная въ самомъ отдаленномъ углу сада. Мы узнали объ этомъ несчастіи на возвратномъ уже пути съ сѣрныхъ водъ, когда пріѣхали къ роднымъ нашей матери, Неплюевымъ. Безпредѣльно было горе нашихъ отца и матери! Потеряны были всѣ плоды ихъ многолѣтнихъ трудовъ, терпѣнія и бережливости; у насъ не осталось ничего, ни хозяйственныхъ запасовъ, ни посуды, ни теплаго

платья, ничего, кромѣ необходимаго лѣтняго платья, взятаго нами на воды; во время пожара всѣ люди были на полевыхъ работахъ, и потому ни изъ дому, ни изъ службъ ничего не было вынесено. Сильно убивался отецъ при мысли о невозможности, въ настоящемъ положеніи, везти насъ въ Петербургъ въ корпуса. Помню, какъ богатые наши родные, Неплюевы, утѣшая его, говорили:—полно тебѣ, братецъ, убиваться, мы давно тебѣ говорили, что ты напрасно вздумалъ везти ихъ въ Петербургъ; выучилъ бы ихъ хорошенько писать, да и отдалъ бы въ уѣздный судъ, и хорошо бы было.— Не послушалъ отецъ нашъ этихъ совѣтовъ; мысль объ ученьѣ въ Петербургѣ имъ была оставлена; но онъ рѣшилъ отдать насъ въ Казанскую гимназію, имѣя въ виду дальнѣйшее наше образованіе въ тамошнемъ университетѣ. Рѣшеніе это, конечно, было принято только впослѣдствіи, теперь было не до того, надо было думать— какъ бы провести предстоящую зиму.

Горько плакали отецъ съ матерью, когда, подъѣзжая къ нашему имѣньицу отъ Хари, мы увидали съ пригорка, находящагося верстахъ въ двухъ отъ деревни, вмѣсто нашего уютнаго домика, однѣ закоптѣлыя трубы, безобразно торчавшія изъ груды пепла и мусора!—Только теперь, имѣя свою семью, я могу представить себѣ безъисходное горе отца, потерявшаго все, что было нажито тяжелымъ трудомъ и оставшагося безъ ничего, съ большою семьей на рукахъ....

Поселились мы въ оставшейся отъ пожара банѣ; отецъ съ матерью помѣстился въ передбанникѣ, представлявшемъ маленькую комнату для раздѣванья, а насъ, дѣтей, всѣхъ помѣстили въ самой банѣ. Вотъ дѣти-то! Правда, что для нихъ никакое горе—не горе: какъ весело было лазить на полокъ, на которомъ были постланы наши постельки; какое удовольствіе доставляло намъ рытье въ грудахъ пепла на пожарищѣ, гдѣ мы находили множество разнообразныхъ слитковъ сплавившагося стекла и посуды; сколько мы натаскивали ихъ себѣ, въ нашу импровизированную спальню! А тутъ Евлогій устроилъ намъ еще забаву: въ ямахъ сгорѣвшихъ погребовъ было много запасовъ коровьяго масла, которое частію сгорѣло, частію, испорченное пепломъ и гарью, разлилось по дну погребовъ, которые долгое время представляли открытыя ямы. Вотъ въ эти то ямы повадились, лакомыя до масла сороки и вороны; Евлогій устроилъ на лучкахъ сѣтки, которыя настораживалъ надъ ямами такъ, что стоило дернуть за веревку и сѣтка накрывала погребъ. Съ какимъ удовольствіемъ мы, бывало, сторожимъ когда какая нибудь воровка, не подозрѣвая западни, залетитъ въ погребъ, съ какой радостью бѣжимъ къ ямѣ, чтобы поймать накрытую сѣткой плутовку и, привязавъ какой нибудь красненькій лоскутокъ къ ногѣ или хвосту,—выпустить ее на волю! То-то пойдетъ потѣха: откуда

ни возьмутся цѣлыя стаи сорокъ, воронъ и галокъ и начнутъ гоняться за попавшейся въ просакъ товаркой, и гоняютъ и щиплютъ ее до тѣхъ поръ, пока не оторвутъ привязаннаго лоскутка или не угонятъ изъ виду.

Въ банѣ у насъ конечно было очень тѣсно, а кромѣ того мать была беременна и ждала скоро родить; поэтому на время болѣзни она рѣшила уѣхать къ Еселевымъ, это, кажется, верстъ за пятьдесятъ отъ нашей деревни. Еселевы были, сравнительно, довольно богатые помѣщики; отецъ съ матерью были давно съ ними знакомы, по родству ихъ съ Карамзиными—Еселевъ былъ женатъ на Марьѣ Александровнѣ Карамзиной, дочери Александра Михайловича, брата Исторіографа. Отецъ же нашъ былъ хорошо принятъ у Александра Михайловича и Ѳедора Михайловича Карамзиныхъ, по дѣлу которыхъ съ наслѣдниками Исторіографа онъ хлопоталъ и ѣздилъ въ Петербургъ, хотя и безуспѣшно. Помню очень хорошо, какъ отецъ горевалъ, что дѣло это имъ было проиграно, хотя и было, какъ онъ говорилъ, совершенно правое; вѣроятно отецъ часто говорилъ объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ оно хорошо удержалось у меня въ памяти. Дѣло состояло въ томъ, что Николай Михайловичъ Карамзинъ передалъ, не помню уже кому, по духовному завѣщанію, родовое имѣніе, доставшееся ему, между прочимъ, по раздѣлу съ братьями; имѣніемъ этимъ, хотя небольшимъ, очень дорожили его братья, особенно потому, что въ немъ былъ похороненъ ихъ отецъ, поэтому Александръ Михайловичъ и Ѳедоръ Михайловичъ поручили нашему отцу хлопотать объ уничтоженіи духовнаго завѣщанія. Отецъ разсказывалъ, что въ сенатѣ, вслѣдствіе большого вліянія, которымъ пользовались наслѣдники Исторіографа, дѣло было проиграно, но онъ надѣялся выиграть его кажется въ общемъ собраніи департаментовъ; однакоже жестоко ошибся: апелляціонную жалобу его оставили и здѣсь безъ послѣдствій, потому только, что въ этой жалобѣ было употреблено выраженіе: *Сенатъ, забывъ законъ...*, признанное дерзкимъ. Отецъ горевалъ о своей неудачѣ въ этомъ дѣлѣ тѣмъ больше, что за него была обѣщана ему семья людей и 1000 р. асс. денегъ, чего онъ, вслѣдствіе проигрыша дѣла, лишился.

Долго ли прожила мать у Еселевыхъ, я не помню, но возвратилась она уже по зимѣ и привезла съ собою намъ сестру Софью, которая изъ всѣхъ сестеръ одна только выросла и впослѣдствіи вышла замужъ за Булгакова. Тѣмъ временемъ одинъ изъ нашихъ сосѣдей, Н. В. Племянниковъ, подарилъ отцу большой срубъ для избы, который вскорѣ перевезли и поставили невдалекѣ отъ бани; насъ, двоихъ старшихъ дѣтей, переселили туда, въ банѣ было слишкомъ уже тѣсно; въ этой избѣ мы прожили цѣлую зиму. Изба топилась *по черному*, т. е. въ ней печь была сбита просто изъ глины и не имѣла трубы; дымъ изъ печи выходилъ прямо въ избу и гу-

стыми клубами разстилался подъ потолкомъ, уходя затѣмъ въ волоковое окно (отверстіе подъ потолкомъ) и въ отворенную дверь избы. Съ большимъ интересомъ, лежа на своей постелькѣ, рано утромъ, смотрѣлъ я на разстилавшіяся надо мною облака дыма; нижняя поверхность ихъ была совсѣмъ ровная, слегка колеблющаяся, какъ улегающіяся волны, и не больше какъ четверти на двѣ не доходила до нашихъ кроватокъ. Вскочишь, бывало, на постели на ноги и, зажмуривши глаза, окунешь голову въ облако дыма— очень было весело! Когда изба истопится, дрова хорошо перегуляются, закроютъ волоковое окно и затворятъ дверь, въ избѣ становится тепло, сухо; воздухъ здоровый, отдающій нѣсколько запахомъ карболки. Въ прежнее время рѣдкая крестьянская изба въ нашей мѣстности не топилась по черному; теперь это уже невозможно, дровъ теперь тамъ нѣтъ, а топить избы по черному *кизякомъ* (навозомъ, смятымъ съ небольшимъ количествомъ соломы) невозможно—будетъ сильный навозный запахъ.

Въ теченіи зимы отецъ, при помощи сосѣдей, заготовлялъ лѣсъ для постройки новаго дома. Занятія его съ нами почти совсѣмъ прекратились—и негдѣ было, да и не по чему заниматься, всѣ наши учебники сгорѣли. Въ это время намъ свободно было ѣздить съ Евлогіемъ на охоту; особенно любили мы и часто ѣздили осматривать разставленные съ вечера на Току крючья на налимовъ; ѣздили и сами разставлять крючья, что было нетрудно, нужно только было знать болѣе глубокія мѣста рѣчки, въ которыхъ зимою держатся налимы, а Евлогій это зналъ какъ свои пять пальцевъ. На крючья насаживалась маленькая, вершка въ два, рыбка, хотя и не живая— не бѣда, налимъ этого не разбираетъ, не то что щука; крючекъ съ насаженною рыбкой и съ довольно большимъ грузиломъ опускался на дно на тонкой бичевкѣ, верхній конецъ которой привязанный къ небольшой дощечкѣ, обыкновенно примораживался на льду у края проруби. Такихъ крючковъ Евлогій, бывало, наставитъ штукъ двадцать въ разныхъ мѣстахъ по омутамъ Тока. На другой день утромъ мы ѣхали съ Евлогіемъ осматривать крючья; штукъ пять-шесть отличныхъ налимовъ было нашей добычей. Въ особенности хорошо брали налимы на крючья во время великаго поста. Какое удовольствіе было вытащить на ледъ большого, пузатаго налима! Тащить его было нетрудно намъ самимъ, потому что онъ идетъ наверхъ совершенно легко, точно полѣно. Иногда на такіе крючья попадались сомы, фунтовъ въ 15—20, то-то было радости!

Ранней весной слѣдующаго года началась постройка новаго дома. Къ сожалѣнію домъ этотъ вышелъ далеко не такъ хорошъ, какъ прежній; онъ имѣлъ видъ простого сундука, какъ и большая часть тогдашнихъ помѣщичьихъ домовъ, которые, если и принимали иную форму, то вслѣдствіе разныхъ пристроекъ, вызываемыхъ

увеличеніемъ семьи; по той же причинѣ и нашъ прежній домъ принялъ красивую форму подковы. Лѣтомъ, во время постройки, отецъ ѣздилъ въ Нижегородскую губернію по какому то дѣлу Неплюевыхъ; этой поѣздкѣ онъ былъ чрезвычайно радъ, такъ какъ ему заплатили за нее 200 р. ассигнаціями, что было очень кстати въ виду отстройки дома.

Къ осени мы перешли въ отстроенный вчернѣ домъ; а съ зимы начались уже вполнѣ правильно наши занятія, надолго прерванныя пожаромъ. Тогда то отецъ рѣшилъ отдать насъ въ гимназію и, добывши программы, сталъ готовить меня и брата Николая въ третій классъ. Утромъ онъ спрашивалъ, заданные наканунѣ и приготовленные нами вечеромъ, уроки, разсказывалъ и толковалъ дальше, а затѣмъ уходилъ осматривать хозяйственныя работы, а мы шли гулять, играть въ бабки, городки и проч. О своей гимназической и студенческой жизни я уже писалъ раньше. Перейду теперь черезъ десять лѣтъ—къ нашей деревенской жизни по окончаніи курса въ университетѣ и къ описанію нашихъ сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ.

IV.

Жизнь въ деревнѣ. Наши сосѣди, родные и знакомые.

Прошло десять лѣтъ со времени перваго нашего отъѣзда изъ деревни для поступленія въ гимназію; теперь мы съ братомъ Николаемъ были молодыми людьми вполнѣ уже возмужавшими и окрѣпшими—мнѣ пошелъ двадцать второй годъ, брату Николаю двадцать четвертый. Окончили мы курсъ въ университетѣ отлично: я получилъ золотую медаль, а диссертація брата Николая, по постановленію Совѣта Университета, была напечатана въ Ученыхъ Запискахъ, и если онъ не былъ награжденъ медалью то только потому, что писалъ диссертацію не на заданную факультетомъ тему. Радостно и весело прошли наши учебные годы, перемежавшіеся еще болѣе радостными поѣздками въ нашу деревеньку, гдѣ насъ всегда ожидали ласки и попеченія отца и въ особенности матери, безпредѣльно радовавшейся нашимъ успѣхамъ въ ученьѣ. При окончаніи курса въ Университетѣ, за нами, по обыкновенію, прислали лошадей изъ деревни, причемъ неизмѣнный нашъ кучеръ Федулъ сообщилъ, что мать ожидаетъ насъ у нашихъ родныхъ Неплюевыхъ. Теперь насъ заботило только одно—какъ намъ

явиться домой? у насъ были только уже совершенно негодные вице-мундиры, да до тряпокъ изношенные халаты, которые хотя и были, по увѣренію, извѣстнаго тогда въ студенческомъ мірѣ татарина, по прозванію мусью, продававшаго эти халаты „изъ самой лучшей бухаринской термаламы", но были проношены до дыръ, да притомъ же и не совсѣмъ приличное платье представляли для молодыхъ людей, вступающихъ въ свѣтъ; тогда то мы, по совѣту и съ Артемичемъ, нашимъ дядькой, рѣшили продать мою золотую медаль и одѣться какъ слѣдуетъ. За 79 рублей сер. которыя я получилъ за медаль, мы сшили себѣ у лучшаго тогда портнова Банарцева по парѣ сюртучной и по парѣ фрачной, да еще достало купить, бывшія тогда въ модѣ, хорошенькія соломенныя фуражки. Артемичъ все наше старое платье, включая и халаты изъ „бухаринской термаламы", снесъ тотчасъ же на толчекъ, чтобы не мозолили глаза, какъ онъ говорилъ, и продалъ за цѣлковый, хотя долго потомъ бранилъ себя, что не догадался отрѣзать отъ мундировъ воротники—на выжигу бы, говоритъ, петлички то, такъ по малой мѣрѣ еще бы на двугривенный было.

Мать впослѣдствіи очень горевала, что ей не удалось и посмотрѣть на мою медаль; но мы съ отцомъ утѣшили ее тѣмъ, что имѣя аттестатъ на медаль, все равно ее можно будетъ пріобрѣсти когда будутъ лишнія деньги, а увидавши наше новое платье, она и совсѣмъ успокоилась.

Пока намъ шили платье, меньшіе братья Борисъ и Александръ окончили свои экзамены и мы отправились наконецъ въ деревню, гдѣ давно уже съ нетерпѣніемъ ожидалъ насъ отецъ.

Отпраздновавъ окончаніе курса обѣдомъ, на который съѣхались ближайшіе наши сосѣди Дементѣевы, Марковы, Масляниковы, мы зажили беззаботной и счастливой деревенской жизнью. Мать не могла налюбоваться на своихъ дорогихъ кандидатовъ; трудно представить сколько было у нее безграничной любви къ намъ, можно сказать, что она жила и дышала только нами; сколько мелкихъ, тогда невидимыхъ для насъ заботъ и хлопотъ было у нее, чтобы доставить намъ возможное удовольствіе, возможное удобство.

На лѣто мы съ братомъ Николаемъ поселились въ устроенномъ въ саду гротѣ, о которомъ я говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ о студенческой жизни. Гротъ этотъ, съ его постоянной прохладой, съ окружающими его развѣсистыми вѣтлами и молодыми зелеными березками, казался намъ тогда лучшимъ въ мірѣ угол-

комъ, да онъ и былъ такимъ въ то счастливое время нашей юности. Садъ, окружающій этотъ гротъ, былъ тогда уже въ цвѣтущемъ состояніи, хотя и былъ разведенъ только четыре года назадъ, почва здѣсь была такъ хороша, что большинство деревьевъ, особенно посаженныхъ по берегамъ рѣчки душистыхъ тополей и осокорей, давали уже хорошую тѣнь; средина сала на большемъ островкѣ была вся покрыта разнообразными цвѣтами, за которыми особенно ухаживала мать. Въ гротѣ мы не только ночевали, но и проводили бо́льшую часть дня, здѣсь были у насъ и книги для чтенія и всѣ ружейныя принадлежности; сюда часто приходилъ отецъ посидѣть, поговорить; часто мать приносила сюда отличной земляники съ грядъ или полевой клубники, иногда здѣсь же всей семьей пили и вечерній чай. Каждый вечеръ Евлогій, провожая насъ послѣ ужина въ гротъ, долго оставался у насъ, разсказывая разныя разности о деревенскихъ происшествіяхъ, объ охотѣ, о рыбной ловлѣ; здѣсь составлялись и планы поѣздокъ на гулянье или на охоту за молодыми тетеревами и куропатками, или на уженье на Березовомъ озерѣ и на Току.

Съ общаго семейнаго совѣта рѣшено было, что братъ Николай поступитъ на службу въ Оренбургскую Пограничную Коммиссію, о чемъ хотѣлъ похлопотать дядя Иванъ Яковлевичъ Харитоновъ, служившій въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ (о немъ я упоминалъ въ началѣ этой хроники); что касается до меня, то послѣ полученія золотой медали я рѣшилъ продолжать занятія математикой и держать экзаменъ на магистра; это было и завѣтнымъ желаніемъ отца и въ особенности матери, которая, лаская меня, и тогда уже называли своимъ профессоромъ. Но все это было въ будущемъ, ѣхать изъ деревни мы рѣшили не раньше какъ по первозимью, лѣто и осень рѣшили хорошенько отдохнуть отъ усиленныхъ занятій въ четвертомъ курсѣ, что было въ особенности нужно брату Николаю, такъ какъ онъ въ то время былъ крайне худъ и сильно страдалъ геморроемъ. Охоты, поѣздки на гулянье съ нашими сосѣдями, скоро насъ такъ поправили, что худобы и болѣзненности какъ не бывало. Въ промежутки между охотами мы часто въ этотъ разъ ѣздили и по гостямъ, чего до окончанія курса мы по возможности избѣгали, тѣмъ больше, что и сверстниковъ по годамъ между всѣми нашими сосѣдями и родными у насъ не было; теперь мы имѣли много времени, да и мать хотѣла непремѣнно всѣмъ показать, со всѣми познакомить своихъ кандидатовъ.

Наши тогдашніе сосѣди, наши родные и тѣ помѣщики, съ которыми намъ пришлось познакомиться уже послѣ, составляли ту среду, то большинство не крупныхъ и не знатныхъ владѣль-

цевъ, которая сразу рухнула тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, и, какъ отжившая среда, представляетъ нѣкоторый интересъ для людей новаго поколѣнія, выросшаго уже совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ жизни. Я познакомлю читателей съ тѣми изъ этихъ помѣщиковъ, которыхъ мы знали въ то время. Начну съ ближайшихъ нашихъ сосѣдей, у которыхъ мы чаще бывали—Дементѣевыхъ и Марковыхъ.

Дементѣевыхъ было тогда два брата—Степанъ и Николай Ипполитовичи, оба женатые; учились они въ Нелюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, служили недолго въ военной службѣ и вышли въ отставку послѣ смерти отца, Ипполита Афанасьевича, котораго, уже старикомъ, я едва помню. Старшій изъ Дементѣевыхъ, Степанъ Ипполитовичъ, женатый на дочери помѣщика Поздюнина, Зинаидѣ Петровнѣ, жилъ въ четырехъ верстахъ отъ насъ, въ доставшемся ему по раздѣлу съ братомъ сельцѣ Дементѣевкѣ, въ старомъ отцовскомъ домѣ, съ довольно большимъ садомъ, въ которомъ въ дѣтствѣ я помню много кустовъ великолѣпныхъ розъ, которыя старикъ очень любилъ. Старикъ Ипполитъ Афанасьевичъ, какъ я помню изъ разсказовъ отца нашего, былъ отличнымъ хозяиномъ, весьма добрымъ человѣкомъ и очень уважаемымъ сосѣдями. Наслѣдовавъ отъ отца доброту, Степанъ Ипполитовичъ не наслѣдовалъ его умѣнья хозяйничать; несмотря на всю простоту тогдашняго хозяйства, онъ не умѣлъ ничѣмъ распорядиться, а такъ какъ и жена его не отличалась способностью къ хозяйству, то доставшееся имъ хорошенькое имѣньице они вскорѣ такъ разстроили, что прежняго довольства въ ихъ домѣ не осталось и слѣда; домъ и всѣ надворныя постройки видимо разрушались, садъ заглохъ и запустѣлъ; на дворѣ ничего не было видно, кромѣ двухъ-трехъ голодныхъ борзыхъ собакъ, да и тѣ неизвѣстно для чего держались, такъ какъ Степанъ Ипполитовичъ вовсе не былъ охотникомъ; не было у нихъ ни своей птицы, ни скотины, дѣло доходило до того, что когда кто нибудь пріѣзжалъ къ нимъ, то посылали на деревню къ мужикамъ искать курицу, горшокъ молока. Хлѣбопашество было въ самомъ жалкомъ положеніи, кажется, всѣ доходы Степана Ипполитовича состояли въ тѣхъ деньгахъ, которыя получались съ довольно хорошей мельницы, принадлежавшей ему съ братомъ на Току и отдаваемой ими въ аренду.

Другой сынъ Ипполита Афанасьевича, Николай Ипполитовичъ, получилъ послѣ отца землю ближе къ лѣсу, Харѣ, и построился, съ доставшимся ему крестьянами, на берегу той-же рѣчки Грязнушки, на которой стояла и наша деревенька. Домъ, который онъ здѣсь построилъ, былъ небольшой, какой то такой простой, что и

физіономіи не имѣлъ никакой—просто четырехсторонній срубъ съ окошками со всѣхъ сторонъ и съ небольшими крылечками, заднимъ и переднимъ. Мѣстность, въ которой построилась эта деревенька, была тоже неприглядная, совершенно ровная, пыльная, окруженная со всѣхъ сторонъ пашнею; садикъ, или палисадникъ, который пытались развести около дома, такъ и остался пустыремъ, заросшимъ крапивой и полынью, между которыми кое-гдѣ торчали тощія, засыхавшія или уже засохшія березки. Николай Ипполитовичъ былъ, какъ говорили, похожъ и лицомъ и характеромъ на своего отца; средняго роста, довольно полный, съ широкимъ круглымъ лицомъ и добрыми глазами, онъ и дѣйствительно былъ очень добрымъ человѣкомъ и отличнымъ семьяниномъ. Былъ онъ женатъ на Катеринѣ Ивановнѣ, дочери отставного генерала Рейха, откуда-то пріѣхавшаго и зачѣмъ-то поселившагося въ Бузулукѣ. Катерина Ивановна въ свое время была очень не дурная собою брюнетка, съ томными глазами, большая мечтательница, очень любившая сантиментальные романы, и въ этомъ отношеніи была совершенной противоположностью своему мужу, любившему хорошо поѣсть, хорошо поспать и вовсе неспособному ни къ какой мечтательности; если при немъ и говорили о какомъ нибудь романѣ или повѣсти, то онъ, лѣниво слушая, замѣчалъ только—а вѣдь это должно быть все выдумано! Николай Ипполитовичъ былъ, что называется, скопидомъ; жилъ очень аккуратно, у него всегда было достаточно и хлѣба и скотины, водились и деньжонки. Держалъ онъ, также какъ и всѣ тогдашніе помѣщики, нѣсколько борзыхъ собакъ, но для какой нѣли—онъ вѣроятно и самъ не зналъ, такъ какъ никогда, не только не охотился, но и верхомъ на лошадь не садился; намъ эти борзыя, которыя расплодились во всей его деревнѣ, ужасно надоѣдали, бросаясь на нашихъ лягавыхъ собакъ, когда мы проѣзжали черезъ эту деревню, а миновать ее, ѣхавши къ Харѣ за тетеревами, было нельзя. Николай Ипполитовичъ вѣрилъ въ разныя примѣты: сказала ему какая то повитуха, что когда жена его родитъ, то онъ самъ долженъ мучиться, что отъ этого женѣ его будетъ легче. Вотъ и ходитъ бывало, Николай Ипполитовичъ, когда придетъ такое время, по залѣ, схватившись за спину или за животъ, и стонетъ во всю мочь—охъ, охъ батюшки, ой, ой, ой!—Услышитъ его жена, позоветъ въ спальню.—Не кричи ты, ради Христа, Николай Ипполитовичъ, проситъ его, вѣдь мнѣ тошно тебя слушать, и безъ того мнѣ тяжело.—Не мѣшай ты мнѣ, матушка, отвѣтитъ только, и опять въ залу, и опять стонетъ, точно и въ самомъ дѣлѣ мучится.

Впослѣдствіи, послѣ освобожденія крестьянъ, Николай Ипполитовичъ оставилъ свой деревенскій домикъ и переселился въ Бузулукъ, гдѣ, чуть ли не съ самаго открытія мировыхъ учрежденій, служилъ до самой смерти мировымъ судьей и пользовался всеобщей

любовью и уваженіемъ именно за свою безхитростность, доброту и честное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ.

Въ одной деревнѣ со Степаномъ Ипполитовичемъ Дементѣевымъ, незадолго до окончанія нами курса, поселились новые помѣщики, Марковы; пріобрѣли ли они часть имѣнія отъ Дементѣевыхъ, или оно досталось имъ какъ нибудь иначе,—я ужъ не помню. Семейство Марковыхъ состояло изъ старика отца, Никифора Васильевича, женатаго его сына, Василія Никифоровича, и вдовы дочери, Лизаветы Никифоровны Масляниковой, съ двумя дочерьми ея, молоденькими дѣвушками. Старикъ Марковъ служилъ въ Сибири и послѣднее время передъ отставкой былъ исправникомъ, помнится, въ Тобольской губерніи. Это былъ стараго времени служака, изъ той породы чиновниковъ сибиряковъ, которые въ томъ отдаленномъ краю были полными хозяевами и для которыхъ и подчиненные и въ особенности инородцы были безропотными данниками; говорили, что у старика были хорошія деньги, что было и немудрено; но чего было у Марковыхъ много, такъ это отличныхъ мѣховъ, которые въ то время въ Сибири, не говоря уже объ исправникѣ, а и всѣмъ собирать было нетрудно. Долговременная служба въ Сибири и тамошняя суровая природа наложила свою печать на старика; онъ былъ довольно высокій, плотный и еще бодрый старикъ, смотрѣлъ какъ-то изъ подлобья, хмуро, говорилъ грубымъ, нѣсколько сиплымъ голосомъ, имѣлъ вообще рѣзкія манеры и особенный характерный выговоръ на крѣпкое *о*; выговоромъ этимъ отличалось и все его семейство, не исключая и молодыхъ дѣвицъ. Сынъ старика, Василій Никифоровичъ, я не знаю, гдѣ служилъ и почему оставилъ службу, будучи еще человѣкомъ не старымъ, но въ то время онъ былъ въ отставкѣ, женатъ на сестрѣ жены Степана Ипполитовича Дементѣева и имѣлъ дочь лѣтъ 8—9. Физіономія Василія Никифоровича мнѣ всегда казалась крайне непріятной: сухой, длинный, съ висками жидкихъ волосъ, зачесанными напередъ, онъ представлялъ характерный типъ приказнаго стараго времени. Ходилъ онъ, обыкновенно заложивши руки за спину и перебирая крючковатыми пальцами, которые какъ будто ловили что то, въ нихъ попадавшее. Послѣ освобожденія крестьянъ Василій Никифоровичъ переселился въ Самару (старика въ это время уже не было въ живыхъ), а когда введены были новые судебные уставы, онъ занялся адвокатурой и получилъ, мѣтко характеризовавшее его, прозвище *голоднаго*. Жили Марковы въ новымъ довольно помѣстительномъ домѣ, построенномъ противъ дома Дементѣева, на противоположномъ берегу маленькой, протекавшей посреди селенія, рѣчушки, черезъ которую былъ пе-

рекинутъ кое-какъ державшійся, плохой мостикъ. Домъ Марковыхъ стоялъ на самомъ солнцепёкѣ, ни кустика, ни деревца кругомъ, и всегда поэтому лѣтомъ въ немъ была духота страшная. Старикъ былъ человѣкъ прижимистый, и Марковы жили весьма скромно; чай только у нихъ, еще изъ старыхъ сибирскихъ запасовъ, былъ всегда отличный, и имъ они любили похвастать; причемъ Лизавета Никифоровна обыкновенно говорила старшей дочери — Людмилка, завари-ко чаю-то, да напой Янишевскихъ-то.

Въ шести верстахъ отъ Демептѣевки, и въ десяти отъ нашей деревни, было село Племянниково, съ небольшой деревянной бывшей и нашей приходской церковью; село это принадлежало двоимъ помѣщикамъ, двоюроднымъ братьямъ, Андрею Васильевичу и Николаю Ѳедоровичу Племянниковымъ; оба въ то время были уже старики, оба женатые; у Андрея Васильевича было нѣсколько человѣкъ дѣтей, Николай Ѳедоровичъ былъ бездѣтнымъ. Андрей Васильевичъ имѣлъ еще старшаго брата, Николая Васильевича, котораго помѣстье было верстъ за сорокъ отъ нашей деревни, совсѣмъ уже въ другую сторону; онъ кажется не былъ женатъ. Хотя съ Николаемъ Васильевичемъ Племянниковымъ мы домами не были знакомы, да, кажется, и никто изъ бузулукскихъ помѣщиковъ у него не бывалъ, но объ немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. И въ то старое время, когда власть помѣщиковъ надъ крестьянами была почти безгранична и когда нерѣдки были случаи дикаго произвола и звѣрскихъ поступковъ помѣщиковъ со своими крѣпостными людьми, и въ то время Николай Васильевичъ Племянниковъ былъ человѣкомъ выдающимся въ этомъ отношеніи; онъ былъ изъ числа тѣхъ, противъ которыхъ правительство и въ Николаевское время должно было принимать мѣры для огражденія крестьянъ отъ дикаго помѣщичьяго произвола. Лично я Николая Васильевича не зналъ; въ то время онъ уже не жилъ въ своемъ имѣніи, взятомъ по распоряженію правительства въ опеку, а поселился верстахъ въ шести отъ имѣнія брата, въ лѣсу, въ небольшомъ домикѣ, гдѣ и слылъ между крестьянами подъ именемъ соловья-разбойника. Охотясь въ тѣхъ мѣстахъ за тетеревами, мы всегда старались подальше объѣзжать это его гнѣздо. По разсказамъ, мученіе и истязаніе людей составляли для него наслажденіе; засѣкалъ онъ крестьянъ до полусмерти; разсказывали, что у него были такія, напримѣръ, наказанія: сажаніе провинившагося, совершенно раздѣтаго въ ящикъ, который насыпался муравьями; навинчиваніе на голову какихъ-то роговъ, съ обручемъ, сжимающимъ черепъ и другія пытки, достойныя среднихъ вѣковъ. Кромѣ того jus primae noctis было для

него обычным правом, и каждая подростающая деревенская дѣвка платила ему извѣстную дань. Выведенные изъ терпѣнія, крестьяне Племянникова нѣсколько разъ, въ числѣ двухъ-трехъ человѣкъ, бѣгали въ Петербургъ жаловаться на жестокость помѣщика; но ихъ тамъ ловили и отправляли этапнымъ порядкомъ на родину, причемъ они, конечно, попадали изъ огня въ полымя. Наконецъ однажды такимъ бѣглецамъ удалось, прежде чѣмъ попались они въ руки полиціи, поймать гдѣ-то Государя во время прогулки и пасть къ его ногамъ съ просьбой о защитѣ. Государь, выслушавъ ихъ, сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ слѣдствія. Пріѣхалъ жандармскій полковникъ и началось дѣло, которое, подтвердивъ жалобу крестьянъ, открыло ужасныя злоупотребленія власти помѣщика и тѣ его неистовства, о которыхъ говорено выше. Дѣло это кончилось тѣмъ, что Племянниковъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, лишенъ права участія на дворянскихъ выборахъ, ему было велѣно выѣхать изъ имѣнія, а имѣніе было взято въ опеку. Слѣдователь заглянулъ и въ Племянниково къ братьямъ Николая Васильевича, которые тоже не отличались кротостью, но предупрежденные о грозящей бѣдѣ, они, какъ говорили, успѣли скрыть разныя орудія наказаній, а крестьяне побоялись слишкомъ много показывать противъ своихъ господъ, и здѣсь все дѣло окончилось только страхомъ.

У Андрея Васильевича Племянникова мы бывали рѣдко; но если случалось ѣздить въ праздникъ въ нашу приходскую церковь, то послѣ обѣдни всегда къ нему заѣзжали. Знакомство это, поддерживаемое въ силу приличія, было для насъ не совсѣмъ пріятно; несмотря на то, что Андрей Васильевичъ принималъ насъ всегда радушно, я не только не любилъ его, но положительно боялся. Андрей Васильевичъ былъ старикъ высокаго роста, нѣсколько уже сгорбленный, но еще весьма бодрый, съ вѣжливыми въ отношеніи къ гостямъ манерами, которыя онъ усвоилъ въ обществѣ кавалерійскихъ офицеровъ во время своей службы въ полку; но его лицо, съ большимъ орлинымъ носомъ, съ большими нахмуренными бровями и положительно злымъ взглядомъ сильно косыхъ глазъ, изъ которыхъ одинъ онъ постоянно прищуривалъ, производило, по крайней мѣрѣ на меня, отталкивающее впечатлѣніе. Его рѣзкій, повелительный голосъ и взгляды, которые онъ бросалъ на своихъ домашнихъ, при малѣйшей неловкости кого нибудь изъ нихъ, заставляли мгновенно блѣднѣть и трепетать ихъ. Я никогда не видалъ его непритворно веселымъ; его смѣхъ не возбуждалъ веселости, а, напротивъ, наводилъ невольный страхъ, такъ какъ сопровождалъ иногда разсказъ о какомъ нибудь звѣрскомъ поступкѣ. Помню, однажды онъ разсказывалъ, какъ, будучи молодымъ еще офицеромъ, онъ пріѣхалъ въ гости къ своему товарищу, причемъ верховую лошадь свою оставилъ сопровождавшему его солдату; какъ затѣмъ, выйдя

отъ товарища, онъ не нашелъ солдата на мѣстѣ, а лошадь была привязана у крыльца, и какъ онъ за эту оплошность велѣлъ дать несчастному восемьсотъ розогъ, послѣ чего солдата унесли безъ чувствъ въ госпиталь; при этомъ Андрей Васильевичъ раскатился своимъ ужаснымъ смѣхомъ, который заставилъ поблѣднѣть и своихъ, и гостей. Понятно, что намъ было всегда не по себѣ бывать у Племянникова.

Жены Андрея Васильевича, Лизаветы Ѳедоровны, дочери Ѳедора Михайловича Карамзина, въ то время не было уже въ живыхъ, домашнее хозяйство было на рукахъ старшей его дочери, дѣвушки лѣтъ двадцати, которую онъ очень любилъ, но которая со страхомъ смотрѣла ему въ глаза, боясь чѣмъ нибудь ему не угодить или сдѣлать какую нибудь неловкость.

У Николая Ѳедоровича Племянникова мы бывали еще рѣже. Хотя онъ жилъ въ одномъ селѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ, но они, кажется, не видѣлись между собою, по крайней мѣрѣ я никогда не видалъ, чтобы они были другъ у друга. Николай Ѳедоровичъ былъ человѣкъ иного типа; толстый, низенькій съ довольно густыми, съ просѣдью, всегда взъерошенными волосами, онъ одѣвался небрежно, ходить не любилъ, а больше валялся на турецкомъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ, причемъ его большой, какой-то мѣшкообразный животъ пресмѣшно переваливался со стороны на сторону. Вся физіономія Николая Ѳедровича не представляла на взглядъ ничего свирѣпаго или страшнаго; но это былъ человѣкъ жестокій; на него, какъ говорили, было страшно смотрѣть, когда онъ наказывалъ кого нибудь изъ своихъ людей, имѣя обыкновеніе при этомъ подшучивать, издѣваться надъ своей жертвой. Андрея Васильевича сосѣди помѣщики, хотя и недолюбливали, но ѣздили къ нему, потому что, несмотря на свой свирѣпый видъ, онъ всегда держался съ посторонними какъ человѣкъ порядочный и благовоспитанный; къ Николаю Ѳедоровичу почти никто не ѣздилъ, и онъ ни у кого не бывалъ, жизнь онъ велъ вполнѣ животную, никогда ничего не читалъ, да и вообще книгъ не любилъ, псалтирь—единственная книга, которую я у него видѣлъ. Изрѣдка поѣздки въ поле, посмотрѣть хлѣба или работы, а по праздникамъ въ церковь, гдѣ онъ любилъ, сиплымъ, дребезжащимъ голосомъ, подпѣвать дьячку, а затѣмъ по возвращеніи домой лежаніе въ кабинетѣ и куреніе трубки были его единственнымъ занятіемъ. Служилъ онъ когда-то въ военной службѣ, но оставила-ли она ему какія нибудь воспоминанія, я не знаю, о ней онъ никогда ничего не говорилъ. Жена Николая Ѳедоровича была очень худая, высокая, блѣдная барыня, но ее я худо помню; въ то время, о которомъ я говорю, ея уже не было въ живыхъ.

Въ десяти верстахъ отъ нашей деревни, только въ сторону противоположную отъ Дементѣевки, было большое село Ключи, съ красивою, но недостроенною каменною церковью, съ большимъ деревяннымъ барскимъ домомъ и съ огромнымъ садомъ, спускавшимся по косогору къ небольшой, заросшей камышемъ и тростникомъ рѣчкѣ; въ саду было много отличныхъ яблонь, вишень, гряды разнородной смородины, крыжевника, земляники; село это принадлежало Аннѣ Ивановнѣ Новосильцевой. Анна Ивановна принадлежала къ старинному богатому роду Новосильцевыхъ и была въ родствѣ съ людьми знатными; она лишилась мужа еще задолго до того времени, какъ я сталъ себя помнить; я началъ помнить ее уже почтенной старушкой; помню ея невысокую, полную фигуру, ея серьезное, но доброе лицо, ея большой бѣлый чепецъ съ широкими оборками, ея всегда темное простое платье и большой ридикюль, въ которомъ, вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ, всегда лежала какая нибудь работа. Анна Ивановна была посаженной матерью моего отца во время его женитьбы и всегда пользовалась, какъ отъ него, такъ и отъ матери моей большимъ уваженіемъ. Отецъ и мать наши часто бывали у нея и всегда брали съ собою и всѣхъ насъ дѣтей; лѣтомъ, особенно когда поспѣвали фрукты, поѣздки эти были для насъ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ Анна Ивановна позволяла намъ гулять въ саду и ѣсть яблоки и ягоды сколько угодно. Новосильцева имѣла троихъ сыновей; старшій изъ нихъ, Александръ Захаровичъ, жилъ въ Саратовскомъ имѣніи, объ немъ я говорилъ уже выше, по поводу поѣздки нашего отца для раздѣла имѣнія Новосильцевыхъ; двое другихъ, Василій Захаровичъ и Владиміръ Захаровичъ жили съ матерью; средній изъ братьевъ, Василій, былъ сумашедшій. Въ раннемъ дѣтствѣ сыновья Анны Ивановны были отвезены на воспитаніе въ Парижъ; я не знаю, были ли они свидѣтелями великой французской революціи, или они были въ Парижѣ вскорѣ послѣ времени террора, когда впечатлѣнія его у всѣхъ были еще слишкомъ живы, и дѣти слышали разсказы обо всѣхъ ужасахъ этого времени; но сумашедшему Василію Захаровичу сцены террора, вѣроятно, постоянно рисовались въ воображеніи: сидя или лежа на кровати въ своей комнатѣ, онъ безпрерывно что-то бормоталъ по французски, большею частью сильнымъ шопотомъ, причемъ часто слышались слова bourreau français и guillotine. Василій Захаровичъ былъ очень красивый мужчина: высокаго роста, довольно полный, съ черными глазами, огромной черной бородой и черными же волнистыми волосами, которые онъ не позволялъ ни чесать, ни подстригать, онъ подвязывалъ ихъ большимъ платкомъ, обернутымъ нѣсколько разъ около головы; кромѣ широкаго бархатнаго халата, подпоясаннаго какою нибудь шалью или полотенцомъ, никакого другого верхняго платья онъ не зналъ; за пазухой халата онъ носилъ

множество разныхъ ненужныхъ вещей, различныхъ тряпокъ, костей, кусковъ хлѣба, а иногда туда же пряталъ ложки или другія блестящія вещи, которыя таскалъ у брата или матери; такія вещи у него уже трудно было выручить, и не иначе, какъ лаской, да и то въ этомъ успѣвалъ только одинъ, ходившій за нимъ, лакей, Гаврило; Гаврило же могъ его заставить перемѣнить бѣлье или выложить изъ-за пазухи разныя, слишкомъ уже громоздкія вещи. Помѣшательство его приписывали тому, что въ дѣтствѣ ему случайно упалъ камень на голову, причемъ произошло сотрясеніе мозга; но безъ всякаго сомнѣнія на его впечатлительную натуру имѣли вліяніе и ужасы французской революціи, такъ какъ представленіе о нихъ у него не выходило изъ головы. Мы, дѣтьми, боялись его явно сумашедшаго взгляда, хотя онъ ни намъ, ни кому другому не дѣлалъ никакого зла; помѣшательство его было тихое, буйныхъ выходокъ не было никакихъ; если ему что нибудь не нравилось, или отъ него что нибудь требовали, чего онъ не хотѣлъ отдать, то онъ молча уходилъ въ свою комнату, ложился на постель, бормоча какія-то французскія фразы, и потомъ долго не выходилъ оттуда. Отвѣчая на вопросы, онъ говорилъ иногда по русски, но весьма плохо и съ большой неохотой. Сознавалъ ли онъ, что живетъ не въ Парижѣ, а въ деревенской глуши, зналъ ли, что у него есть мать, братья— трудно сказать; онъ ко всѣмъ относился совершенно одинаково и вполнѣ индеферентно, кажется онъ жилъ своею, давно прошедшею, жизнью. Если кто нибудь изъ часто видавшихъ его спрашивалъ— узнаетъ ли онъ его? Василій Захаровичъ или ничего не отвѣчалъ, или произносилъ фразу, обыкновенно по французски, и совершенно не идущую къ дѣлу. Посторонихъ онъ не чуждался, но не любилъ съ ними долго оставаться: войдетъ въ своемъ оригинальномъ костюмѣ въ гостинную, окинетъ всѣхъ какимъ-то сосредоточеннымъ взглядомъ, постоитъ двѣ-три минуты—и опять въ свою комнату; если подана закуска, онъ хладнокровно подойдетъ къ столу, выпьетъ рюмку водки, съѣстъ кусочекъ чего нибудь и уйдетъ. Никто никогда не слыхалъ его смѣха и не видалъ улыбки на его всегда серьезномъ лицѣ.

Владиміра Захаровича я, во время моего дѣтства, какъ-то совсѣмъ не помню, воспоминаніе о немъ въ моей дѣтской памяти совершенно заслоняется величавой, производившей на меня сильное впечатлѣніе, фигурой его сумашедшаго брата; помню только, что онъ любилъ выпить, что крайне безпокоило Анну Ивановну, которая неразъ говорила нашему отцу: повѣрь, онъ будетъ хуже и бѣднѣе жить, чѣмъ вы!

Такими я зналъ Новосильцевыхъ во время моего ранняго дѣтства; къ тому времени когда мы окончили курсъ въ университетѣ, въ семействѣ Новосильцевыхъ многое измѣнилось: старушка Анна

Ивановна умерла въ 1846 году; Владиміръ Захаровичъ женился, затѣмъ похоронилъ очень еще молодую жену, оставившую ему двоихъ маленькихъ сыновей, и ни чѣмъ не сдерживаемый, началъ сильно пить; это пьянство развилось, наконецъ, до такой степени, что его невозможно было застать трезвымъ ни въ какое время. Прекрасное Ключевское имѣніе начало сильно разстраиваться; довольно значительную часть земли онъ продалъ; въ домѣ, отличавшемся при старухѣ матери строгимъ порядкомъ, явился полный хаосъ и безурядица; великолѣпный фруктовый садъ пришелъ въ полное запустѣніе и даже въ большей части былъ вырубленъ. Сельское хозяйство велось самымъ нелѣпымъ образомъ.— Я, братецъ Петръ Марковичъ, говорилъ онъ нашему отцу, котораго называлъ братомъ, велѣлъ вспахать луга и засѣять ихъ клеверомъ, надо заняться раціональномъ хозяйствомъ; хочу и крестьянъ этому научить. И—прекрасные заливные луга, которые окружали Ключи со стороны Тока, были испорчены. Прикащики пользовались слабостью Владиміра Захаровича и тащили кто что можетъ. Подъ конецъ Владиміръ Захаровичъ до того опустился, что отъ пьянства весь трясся и мало чѣмъ отличался отъ своего сумашедшаго брата. Мы съ отцомъ однажды поѣхали провѣдать его; оказалось, что его нѣтъ дома, поѣхалъ онъ на свадьбу своей крестницы, деревенской дѣвушки, которая выходила замужъ за писаря въ сосѣднее село Ероховку; мы остались ожидать его возвращенія. Часа черезъ полтора онъ вернулся, конечно пьяный; но Боже! въ какомъ костюмѣ: въ одномъ только бѣльѣ, въ туфляхъ на босую ногу и въ черномъ фракѣ!—Что ты это, Владиміръ Захаровичъ, какъ нарядился? спрашиваетъ отецъ. —Нельзя, братецъ, благословлялъ крестницу, всетаки надо порядокъ соблюсти, noblesse oblige, какъ говорятъ французы.

Одинъ Василій Захаровичъ оставался въ Новосильцевскомъ домѣ неизмѣннымъ, со своимъ сосредоточеннымъ, серьезнымъ видомъ; и со своими воспоминаніями о французской революціи; только черная его борода стала свѣтлосѣрою, да износился до отрепьевъ его халатъ, а самъ онъ сталъ лишь неопрятнѣе, грязнѣе и нелюдимѣе.

По дорогѣ въ Ключи, въ семи верстахъ отъ насъ была деревня Микулино помѣщика Павла Андреевича Жданова; деревня эта была небольшая съ небольшимъ же помѣщичьимъ домомъ, окруженнымъ обширнымъ дворомъ, обстроеннымъ конюшнями, сараями и другими приспособленіями для большого количества содержавшихся здѣсь лошадей и собакъ. Съ перваго взгляда видно было, что здѣсь живетъ ярый псовый охотникъ. Павелъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Гавриловича Жданова, одного изъ богатыхъ и уважаемыхъ во всемъ Бузулукскомъ уѣздѣ помѣщиковъ. Я едва помню этого почтен-

наго старика; чуть помню его громадный помѣщичій домъ въ большомъ селѣ Ждановѣ, въ 25 верстахъ отъ нашей деревни, вѣковыя деревья и прудъ въ саду, окружавшемъ когда-то этотъ домъ. При старикѣ привольно и богато, на широкую барскую ногу, жилось въ этомъ домѣ; по цѣлымъ недѣлямъ проживали, съѣзжавшіеся сюда съ цѣлаго уѣзда, гости. Жена Андрея Гавриловича померла еще не на моей памяти; кромѣ сына у него были четыре дочери, которыхъ молодыми я не помню, но, судя по портретамъ, всѣ онѣ въ молодости были очень недурны собой, притомъ были онѣ богатыя невѣсты, а если присоединить къ этому необыкновенное хлѣбосольство, доброту и радушіе Андрея Гавриловича, то немудрено, что въ домѣ Ждановыхъ и гостямъ и домашнимъ жилось и весело и привольно.

Единственный сынъ Андрея Гавриловича, Павелъ Андреевичъ былъ баловнемъ и отца, и всей семьи и, вѣроятно, вслѣдствіе этого ничего путнаго изъ него не вышло: ничему онъ не учился, никогда нигдѣ не служилъ и впослѣдствіи едва умѣлъ подъ оффиціальными бумагами подписывать оригинальное свое общественное положеніе —Недоросль изъ дворянъ Павелъ Ждановъ.—Послѣ смерти отца и раздѣла имѣнія съ сестрами, онъ переселился изъ своего дѣдовскаго имѣнія, Жданова, ему почему-то неполюбившагося, въ ту деревню, о которой говорено выше; здѣсь, вдали отъ всего, что напоминало прежнюю барскую жизнь Ждановыхъ, не на глазахъ и у тѣхъ людей, которые привыкли къ этой барской жизни, Павлу Андреевичу жилось привольнѣе; здѣсь онъ окружилъ себя новыми молодыми людьми изъ своей дворни, завелъ огромную псарню, хоръ пѣсенниковъ и зажилъ совершенно своеобразной, ничѣмъ не стѣсняемой, жизнью. Ни у кого изъ сосѣдей помѣщиковъ онъ не бывалъ, и никто изъ нихъ къ нему не ѣздилъ; свелъ онъ знакомство съ башкирами, цыганами и другими торгашами лошадьми, личностями иной разъ весьма темными; въ домѣ его всегда было довольно этого сброда; обходился онъ со всѣми ими за панибрата, нерѣдко за какое нибудь надувательство колачивалъ ихъ, но часто и кутилъ съ ними напропалую. Все свое время онъ проводилъ съ этимъ людомъ, ѣздилъ съ ними по ярмаркамъ, тамъ пробовалъ самъ на скачкѣ лошадей, продавалъ, покупалъ, промѣнивалъ ихъ; нерѣдко выкидывалъ на ярмаркѣ какую нибудь, всѣхъ удивлявшую штуку и накуралесивши вдоволь, отправлялся въ свое гнѣздо, Микулино, до слѣдующаго выѣзда. Надо сказать однакоже, что онъ былъ въ душѣ человѣкъ добрый, готовъ было помочь какому нибудь бѣдняку и никогда не позволялъ себѣ надругаться или насмѣяться надъ нимъ, что зачастую бываетъ въ обычаѣ у подобныхъ натуръ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Уральскъ, гдѣ онъ часто бывалъ, Павелъ Андреевичъ, совершенно неожиданно для своихъ сестеръ, у которыхъ

онъ впрочемъ никогда не бывалъ, женился на дочери хорунжаго Аскитріе Ивановнѣ, очень хорошей молодой дѣвушкѣ, съ которою потомъ и жилъ спокойной семейной жизнью, не оставляя изъ прежнихъ своихъ занятій только псовую охоту, которую страстно любилъ. Женатымъ Павелъ Андреевичъ у сосѣдей помѣщиковъ тоже не бывалъ, вѣроятно уже вслѣдствіе того, что его сестры, а за ними и ихъ знакомые не относились съ уваженіемъ къ его женѣ, которую называли Осетрина Ивановна, намекая тѣмъ на ея казачье уральское происхожденіе.

Сестеръ у Жданова было четыре; только одна изъ нихъ, Анна Андреевна, вышла замужъ за Николая Алексѣевича Булгакова, три другихъ сестры: Любовь Андреевна, Лизавета Андреевна и Ираида Андреевна, остались въ дѣвушкахъ, хотя, говорятъ, женіховъ у нихъ въ свое время было много. Ираида Андреевна жила постоянно съ замужней сестрой, Любовь же Андреевна и Лизавета Андреевна выселились изъ села Жданова, вмѣстѣ со своими крестьянами, на доставшуюся имъ по раздѣлу землю, въ пяти верстахъ отъ села, на берегу маленькой рѣчки, въ мѣстности совершенно ровной, крайне неприглядной, лишенной всякой растительности кромѣ степнаго ковыля; небольшой садикъ, который онѣ старались развести около дома, плохо удавался и нѣсколько лѣтъ спустя въ немъ все еще торчали только чахлыя березки. Это сельцо барышни Ждановы называли Новымъ Ждановымъ и очень обижались, если кто нибудь нечаянно называлъ его Малымъ Ждановымъ—именемъ подъ которымъ оно собственно и было извѣстно у сосѣдей и у крестьянъ, и съ которымъ барышни никакъ не хотѣли примириться; здѣсь онѣ прожили до самой смерти.

Когда я окончилъ курсъ, барышни Ждановы были уже старушки; онѣ пользовались всеобщимъ уваженіемъ, были всегда привѣтливы, ласковы со всѣми и, что составляло ихъ особенность, не только сами ни о комъ дурно не говорили, никого не злословили, но не любили, чтобы и другой кто въ ихъ присутствіи сталъ злословить или сплетничать; это всѣ уже знали и никогда при нихъ не рѣшались говорить дурно о комъ-бы то ни было. Не имѣли онѣ также привязанности ни къ собакамъ, ни къ кошкамъ вслѣдствіе ихъ необыкновенной любви къ чистотѣ и опрятности, которая у старшей сестры, Любови Андреевны, доходила даже до крайности и до смѣшного и обратилась въ брезгливость. Такъ, она не любила, чтобы кто нибудь, а въ особенности мужчина, садился на ея обычное мѣсто на креслѣ, стоявшемъ у стѣны противоположной входной двери въ гостинной, не любила здороваться за руку, нетолько съ мужчинами, но и съ барынями, а если приводилось ей давать цѣловать свою руку, по старому обычаю, кому нибудь даже изъ близкихъ ей людей, то она тотчасъ же шла въ свою комнату

тщательно мыла руки и окачивала ихъ святой водой, которой обыкновенно заготовлялось большое количество. Эта необыкновенная брезгливость развилась у Любови Андреевны, и всегда любившей порядокъ, чистоту и опрятность, вслѣдствіе особеннаго случая, который имѣлъ вліяніе и вообще на ея судьбу. Я уже говорилъ, что у Ждановыхъ были женихи, но ужъ видно не судьба имъ была выйти замужъ. Одинъ изъ жениховъ Любови Андреевны, какой-то пріѣзжій военный, нравился ей, и дѣло почти слаживалось; женихъ жилъ въ Бузулукѣ, это отъ Жданова верстахъ въ тридцати; дѣло было зимой; ѣхалъ онъ однажды къ Ждановымъ въ сильный морозъ; какъ это случилось, неизвѣстно, но только на большихъ усахъ его оказалась сосулька такого вещества, которое должно бы было попасть въ носовой платокъ; не замѣтивъ этого, женихъ, по пріѣздѣ въ Жданово, снялъ шубу и тотчасъ же отправился въ гостинную, гдѣ, по обычаю того времени, всѣ барышни сидѣли на креслахъ, разставленныхъ полукругомъ справа и слѣва отъ дивана; по обычаю же женихъ долженъ былъ подходить къ каждой изъ нихъ къ ручкѣ, начиналось, разумѣется, съ невѣсты и, о ужасъ! упомянутая выше сосулька, оттаявшая въ теплѣ, вся осталась размазанною по рукѣ Любови Андреевны!—Вскочила она, какъ ужаленная, убѣжала изъ гостинной и послѣ того, не только объ этомъ женихѣ, но и ни о комъ другомъ слышать не хотѣла. Все это мнѣ разсказывала моя мать, которая тогда была молоденькой дѣвушкой и свидѣтельницей этого курьезнаго происшествія. Долго послѣ отъѣзда жениха, тотчасъ-же со стыдомъ ускакавшаго въ Бузулукъ, неумолкалъ хохотъ и шутки барышень, бывшихъ въ гостяхъ у Ждановыхъ. Сама Любовь Андреевна много лѣтъ спустя, когда напоминали объ этомъ происшествіи, брезгливо терла руку, говоря, что она и теперь чувствуетъ, будто слѣды этой гадости у нея еще остались на рукѣ.

Любовь Андреевна, по крайней мѣрѣ во все время, какъ я ее помню, никуда изъ своего дома не выѣзжала и не выходила, заглядывала только, и то очень рѣдко и не надолго, на террасу, выходившую въ садъ. Лизавета Андреевна, напротивъ, любила ѣздить въ гости и бывала иногда у Булгаковыхъ и Неплюевыхъ, но боялась оставаться долго у нихъ, такъ какъ безъ нее Любовь Андреевна очень скучала. Въ тоже время барышни Ждановы были весьма гостепріимны, любили, когда къ нимъ пріѣзжали гости, которыхъ во время ихъ имянинъ съѣзжалось всегда много. Конечно того широкаго барскаго довольства, къ которому онѣ привыкли при отцѣ, уже не было, но всетаки онѣ любили угостить всѣмъ, что давало ихъ деревенское хозяйство и въ особенности разнообразными наливками, между которыми была даже жасминовка—настоенная на цвѣтахъ жасмина.

Старушки Ждановы дожили до освобожденія крестьянъ, которое упало имъ, какъ снѣгъ на голову, и которое онѣ, въ особенности Любовь Андреевна, считали величайшей несправедливостью; да съ ихъ точки зрѣнія оно и немудрено—на старости лѣтъ пришлось имъ еще разъ привыкать къ совершенно новымъ условіямъ жизни, которыя онѣ никакъ не могли переварить. Любовь Андреевна долго жаловалась всѣмъ, кого только видѣла, на ужасную неблагодарность своей горничной дѣвушки, которая тотчасъ по освобожденіи крестьянъ оставила Любовь Андреевну и „вышла, мерзавка, замужъ", о чемъ въ прежнее время у Ждановскихъ горничныхъ дѣвушекъ не было и въ помышленіи.

Имѣніе старушекъ Ждановыхъ отстояло отъ нашей деревни верстъ на двадцать, и каждую вакацію мы съ отцомъ и матерью, которыхъ онѣ очень любили, обязательно бывали у нихъ раза два или три; намъ, молодежи, конечно было скучновато у нихъ, но скуку эту выкупала необыкновенная привѣтливость и радушіе старушекъ. Мы пріѣзжали къ Ждановымъ обыкновенно утромъ, часовъ въ одинадцать, обѣдали здѣсь; послѣ обѣда, походивши въ саду или посидѣвши на террасѣ, обставленной неприхотливыми комнатными растеніями, между которыми главное мѣсто занимали плющъ, жасминъ и китайскій розанъ, мы къ вечеру ѣхали дальше, къ Александру Петровичу Ляхову, котораго имѣніе отстояло отъ Ждановыхъ, помнится, верстъ на пятнадцать.

Александръ Петровичъ Ляховъ былъ единственнымъ въ нашихъ мѣстахъ представителемъ, отжившей уже въ то время, Екатерининской эпохи; Ляховъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ богатыхъ вельможъ, о которыхъ мы такъ много слыхали, онъ былъ мелкопомѣстнымъ дворяниномъ далекаго захолустья, незнакомый ни съ роскошью тогдашняго вельможнаго дворянства, ни съ иноземными обычаями, входившими въ жизнь высшаго сословія Екатерининскаго времени; простымъ солдатомъ прослужилъ онъ долгіе годы въ Суворовское время, дѣлалъ съ Суворовымъ Итальянскій походъ, переходилъ черезъ Альпы и вышелъ въ отставку сержантомъ безъ всякихъ знаковъ отличія за неимовѣрные труды и опасности, перенесенные въ походахъ. Александръ Петровичъ былъ едва грамотный человѣкъ, выучившійся кое-какъ читать и писать у деревенскаго дьячка, какъ и большинство мелкопомѣстныхъ дворянъ того времени. О себѣ, о своей службѣ, о походахъ, которые онъ дѣлалъ, Александръ Петровичъ самъ не любилъ начинать говорить, мы же, къ сожалѣнію, не разспрашивали его о его солдатской жизни. Сколько было Ляхову лѣтъ, я не знаю, но въ то время, когда я окончилъ курсъ въ университетѣ, онъ былъ еще бодрый старикъ, небольшаго роста, державшійся прямо, тщательно

выбритый, съ изжелта-сѣдыми волосами, которые онъ зачесывалъ за уши, оставляя назади довольно длинными, вслѣдствіе усвоенной прежде привычки носить косу, которую теперь и замѣняли, висѣвшія сзади, рѣдкія пряди волосъ. Вслѣдствіе той же старой привычки Ляховъ, не смотря на всеобщее измѣненіе стариннаго костюма на обыкновенные сюртуки, носилъ прежняго покроя кафтанъ, въ родѣ казакина, со сборками назади и съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ; въ обыкновенное время носилъ онъ кафтанъ сшитый изъ казинета, въ исключительныхъ, торжественныхъ случаяхъ надѣвалъ такой же кафтанъ сшитый изъ сукна; брюки заправлялъ въ сапоги изъ черной кожи съ закругленными довольно острыми носками; синяго цвѣта клѣтчатый носовой платокъ и небольшая табакерка, а на ночь длинный колпакъ на голову, вязаный изъ бѣлыхъ нитокъ, дополняли его костюмъ.

Ляховъ не былъ женатъ, но имѣлъ двухъ побочныхъ дѣтей, въ то время уже не молодыхъ, сына и дочь; сынъ его, Аристархъ Александровичъ, въ качествѣ прикащика, управлялъ всѣмъ сельскимъ хозяйствомъ, самъ старикъ въ это дѣло непосредственно уже не входилъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ — отдачи людей въ рекруты, женитьбы кого нибудь изъ нихъ и проч. Аристархъ Александровичъ жилъ въ небольшомъ особомъ флигелѣ, въ домѣ отца бывалъ только для полученія какихъ нибудь приказаній, при гостяхъ онъ никогда тамъ не показывался; вообще Ляховъ не держалъ его на равной ногѣ съ собой и своими гостями; я никогда не видалъ даже, чтобы Аристархъ Александровичъ садился въ присутствіи отца. Происходило это вѣроятно оттого, что Аристархъ Александровичъ любилъ выпить, чего не терпѣлъ его отецъ, нерѣдко съ нимъ за это ссорившійся. Другое дѣло дочь Александра Петровича, Любовь Александровна; я зналъ ее, когда она уже овдовѣла и жила у отца; она была хозяйкой въ домѣ, у нея были ключи ото всего, Александръ Петровичъ ее очень любилъ, она всегда выходила и къ гостямъ. Матери этихъ побочныхъ дѣтей Ляхова въ то время уже не было въ живыхъ.

Получивъ отъ отца небольшое имѣньице, Ляховъ, по выходѣ въ отставку, поселился въ немъ, занялся сельскимъ хозяйствомъ и при строгой экономіи и порядкѣ значительно увеличилъ свое имѣніе; онъ имѣлъ порядочныя деньги, которыя очень берегъ, хотя и не былъ скупъ. Отца нашего Ляховъ очень любилъ и нерѣдко ссужалъ его небольшими деньгами, въ которыхъ отецъ иногда очень нуждался, особенно въ послѣднее время нашего ученія въ университетѣ. Замѣчательно, что Ляховъ, самъ будучи человѣкомъ не образованнымъ, никогда однакоже не упрекалъ нашего отца, какъ нерѣдко это дѣлали другіе, за то, что, имѣя маленькія средства,

онъ не жалѣлъ ихъ на то, чтобы довести до конца наше образованіе; напротивъ, угадывая безденежье отца, при отправленіи насъ съ вакаціи въ Казань, Ляховъ всегда самъ предлагалъ отцу деньги; поэтому наша семья весьма справедливо считала Ляхова своимъ благодѣтелемъ.

Отецъ нашъ и мать часто бывали у Ляхова, да и мы во время вакаціи всегда ужъ пріѣзжали къ нему раза два или три. Александръ Петровичъ бывалъ радъ этому пріѣзду нашей семьи, радушно принималъ и, угощая за обѣдомъ простыми незамысловатыми кушаньями, зорко слѣдилъ, чтобы гости какъ можно больше ѣли; скажешь бывало—нѣтъ, Александръ Петровичъ, я больше не хочу. —Помилуй Богъ! какъ нѣтъ, слава Богу, у насъ достанетъ всѣмъ, кушай больше. — Но въ особенности онъ любилъ угостить чаемъ, который и самъ любилъ и въ которомъ считалъ себя знатокомъ. Оставались въ гостяхъ мы у него сутки, а иногда и двое; домикъ его былъ, хотя не большой, но довольно помѣстительный съ чисто вымытыми некрашенными полами и выбѣленными стѣнами, на которыхъ виднѣлись только тамъ и сямъ маленькія красноватыя пятнышки съ присохшими къ нимъ раздавленными мухами; это слѣды охоты старика Ляхова за мухами, которыхъ онъ убивалъ особенно приспособленной къ этому и всегда бывшей при немъ хлопушкой, состоявшей изъ небольшого кусочка кожи, прикрѣпленнаго къ деревянной ручкѣ. И надо сказать, что вслѣдствіе этого у Ляхова мухъ было мало, за то по времени стѣны дома все больше и больше пестрѣли кровяными звѣздочками, такъ что къ зимѣ ихъ бѣлили снова.

Ляховъ рѣдко выѣзжалъ изъ своей деревни; онъ не пропускалъ никогда только имянинъ Любови Андреевны Ждановой, да Петровской, 29 Іюня, ярмарки въ Бузулукѣ. Но эту ярмарку Ляховъ обязательно ѣздилъ каждый годъ для закупки запаса всего того, что не могла дать деревня, а главнымъ образомъ годовой пропорціи чаю и сахару; для этихъ пріѣздовъ Ляховъ имѣлъ въ Бузулукѣ свой небольшой домъ. Интересно было смотрѣть на старика, когда онъ, отдохнувъ съ дороги, на другой день одѣвался въ свой парадный суконный кафтанъ, надѣвалъ картузъ съ довольно длиннымъ козырькомъ и толстою на ватѣ тульей, садился на дроги, запряженныя старою смирною лошадью и отправлялся въ лавки. Все это имѣло какой-то торжественный видъ, необычный въ его простой деревенской жизни; эти поѣздки въ лавки совершались дня два, аккуратно по два раза въ день утромъ и вечеромъ и имѣли главной цѣлью выборъ чая; котораго Ляховъ привозилъ каждый разъ по нѣсколько пробъ. Въ это время начиналось постоянное чаепитіе и обсужденіе достоинствъ той или другой пробы, причемъ разговоры

тянулись иногда очень долго; наши отецъ съ матерью, которые всегда останавливались во время ярмарки у Ляхова, непремѣнно присутствовали при этомъ выборѣ, приглашались и другіе знакомые, а также и дѣти Ляхова, но всѣ они участвовали тутъ только съ совѣщательнымъ голосомъ—рѣшающій голосъ принадлежалъ исключительно самому старику; когда онъ окончательно рѣшался на какой нибудь сортъ, то всякіе дальнѣйшіе разговоры объ этомъ прекращались, и Ляховъ очень бы обидѣлся, еслибы кто нибудь отнесся къ его выбору не совсѣмъ довѣрчиво; всѣ его близкіе это хорошо знали и никогда ему не противорѣчили, а если кто изъ постороннихъ и не похвалилъ бы его выборъ то такой человѣкъ въ его глазахъ былъ бы совершенно ничего не смыслящимъ. Послѣ окончательнаго выбора Ляховъ отправлялся въ лавку и покупалъ цѣлый цыбикъ облюбованнаго чая, тамъ же бралъ и нѣсколько десятковъ пудовъ сахару; все это торжественно везлось на телѣгахъ, въ предшествіи самого Ляхова на его неизмѣнныхъ дрогахъ, къ нему въ домъ, откуда отправлялось въ деревню. Только послѣ этого начиналось уже покупка другихъ припасовъ и всего нужнаго для платья и хозяйства; выборъ всего этого Ляховъ предоставлялъ уже дочери.

Говоря о нашихъ сосѣдяхъ помѣщикахъ, нельзя пропустить одного семейства, съ которымъ мы, хотя и были знакомы, какъ и со всѣми сосѣдями, но въ которомъ мы бывали очень рѣдко—это семейство Нѣмчиновыхъ. Нѣмчиновы жили въ семнадцати верстахъ отъ нашей деревни, въ своемъ небольшомъ имѣніи, Твердиловкѣ, которое находилось на большомъ почтовомъ Бузулукско-Бугурусланскомъ трактѣ; въ Твердиловкѣ была и почтовая станція, съ давнихъ поръ содержимая въ то время Нѣмчиновымъ. Живо помню эту станцію, когда еще очень маленькимъ мальчишкой я ѣздилъ сюда съ отцомъ и матерью посмотрѣть, бывшаго тогда Наслѣдникомъ, въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, который проѣзжалъ этимъ трактомъ изъ Бузулука; сидѣлъ онъ въ открытой коляскѣ вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Видѣли мы Его нѣсколько минутъ, пока живо перепрягали лошадей въ Его коляску, изъ которой Онъ и не выходилъ; помню при этомъ разсказъ о томъ, какъ на крутую бузулукскую гору, съ версту длиной, лошади несли коляску въ карьеръ, какъ одна изъ лошадей при этомъ упала и околѣла и какъ ее на горѣ мгновенно замѣнили другой—все это живо врѣзалось въ моей памяти.

Глава семейства Нѣмчиновыхъ, Ардаліонъ Герасимовичъ, былъ замѣчательной личностью; при большомъ ростѣ онъ былъ такъ толстъ, что вѣсилъ около четырнадцати пудовъ; огромное, съ значительными рябинами, бритое лицо, коротенькій, ушедшій совсѣмъ во вздувшіяся щеки, носъ, подбородокъ и затылокъ въ нѣсколько этажей, всегда въ поту, съ пылью и грязью во всѣхъ складкахъ и морщинахъ, поросшихъ короткою щетиною, по невозможности ее выбрить, его огромныя какъ у слона, ноги, которыхъ, за громадной толщиной въ животѣ, Ардаліонъ Герасимовичъ, какъ самъ говорилъ, не видалъ уже много лѣтъ, въ чемъ впрочемъ было легко убѣдиться и каждому,—все это дѣлало его какимъ-то чудовищемъ, не похожимъ на настоящаго человѣка. При своей громадности и толщинѣ, Нѣмчиновъ страшно много ѣлъ: большой балакирь простокваши и каравай чернаго хлѣба были обыкновеннымъ и любимымъ его завтракомъ, на имянинныхъ обѣдахъ у сосѣдей онъ объѣдался ужасно, и это его обжорство служило иногда потѣхою для гостей. Такъ однажды на имянинахъ у Николая Ѳедоровича Карамзина, Нѣмчиновъ послѣ обѣда, на которомъ по обыкновенію ѣлъ за четверыхъ, съѣлъ еще на споръ цѣлый окорокъ ветчины, причемъ спрашивалъ только побольше хлѣба. Нѣмчиновъ очень любилъ эти имянинные обѣды и охотно на нихъ ѣздилъ, только не лѣтомъ, которое, при его толщинѣ, было тяжкимъ для него временемъ. Помню его чрезвычайно комичную фигуру, когда онъ пріѣхалъ къ намъ на имянины нашей матери, причемъ нарядился для чего-то въ старый фракъ, который на него едва влѣзъ и душилъ его страшнымъ образомъ, къ этому фраку онъ надѣлъ пестрый жилетъ и огромные, длиннѣйшіе сѣрые шаровары, которые складками лежали на его слоновыхъ ногахъ. При взглядѣ на эту фигуру никто не могъ удержаться отъ хохота, и отецъ нашъ, видя его отчаянное положеніе, уговорилъ снять фракъ и далъ ему какой-то балахонъ. Въ молодости Нѣмчиновъ служилъ въ военной службѣ, дѣлалъ компанію 12—14 годовъ, возвратившись изъ которой, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, гдѣ и прожилъ до самой смерти. Нѣмчиновъ любилъ разсказывать о своей военной службѣ, причемъ вралъ немилосердно; такъ онъ разсказывалъ, что Императоръ Александръ I очень будто бы любилъ его, часто шутилъ съ нимъ и не только прощалъ ему разныя шалости, но и смѣялся надъ ними; однажды, разсказывалъ Нѣмчиновъ, былъ онъ со своимъ полкомъ на царскомъ смотру и будучи вообще человѣкомъ очень веселымъ, выкинулъ какую то очень смѣшную штуку, такъ что всѣ офицеры расхохотались; Императоръ тоже не могъ удержаться отъ смѣха, при чемъ погрозилъ только Нѣмчинову пальцемъ, сказавши—Эй, Нѣмчиновъ, не шали, Герасиму Михайловичу (отцу Нѣмчинова) напи-

шу, онъ тебѣ спасибо не скажетъ!—Объ опасностяхъ, которымъ Нѣмчиновъ подвергался въ отечественную войну, можно судить, какъ онъ разсказывалъ, потому, что когда послѣ войны онъ пріѣхалъ домой и сталъ сбрасывать съ себя шинель, то изъ нея выпали 24 пули! Нѣмчиновъ впрочемъ нисколько не обижался, когда ему тутъ же говорили, что онъ все вретъ.

Женатъ Ардаліонъ Герасимовичъ былъ на Екатеринѣ Васильевнѣ, дочери одного изъ бузулукскихъ же помѣщиковъ. Екатерина Васильевна, по своей комплекціи, представляла совершенную противоположность своему мужу; это была женщина невысокаго роста, худенькая, съ востренькимъ носомъ и какими то странными, вытаращенными, какъ будто испуганными, глазами; плодовита она была однакоже необыкновенно: у Нѣмчиновыхъ дѣтей было что-то слишкомъ двадцать человѣкъ; когда я сталъ ихъ знать, у нихъ живыхъ дѣтей было, кажется, восемнадцать. Понятно, что при такой огромной семьѣ, да при весьма небольшихъ средствахъ, которыя имѣли Нѣмчиновы, имъ большого труда стоило воспитаніе дѣтей, однакоже нѣкоторые изъ старшихъ сыновей воспитывались въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ и самый старшій, не помню какъ его звали, занималъ впослѣдствіи весьма порядочное мѣсто. Куда разбрелось все это семейство, я не знаю; старики, да и старшія дѣти всѣ уже перемерли.

Недалеко, верстахъ въ пяти, отъ Нѣмчиновыхъ была небольшая деревенька Арзамасцевыхъ. Семейство Арзамасцевыхъ состояло только изъ мужа, Николая Ивановича, и жены, Елизаветы Тимофеевны, дѣтей у нихъ никогда не было. Николай Ивановичъ служилъ въ Бузулукскомъ земскомъ судѣ; онъ былъ небольшого роста, худой, съ физіономіей, которую часто можно встрѣтить въ изображеніяхъ приказныхъ стараго времени. На службѣ онъ сколотилъ кое-какія деньжонки, позволившія ему пріобрѣсти небольшое имѣньице, душъ въ пятнадцать, Рябцовку, гдѣ по выходѣ въ отставку онъ и жилъ въ маленькомъ домикѣ надъ оврагомъ, поросшимъ лѣсомъ. Онъ почти никогда не выѣзжалъ изъ своей деревеньки, за то жена его, Елизавета Тимофеевна, рѣдко бывала дома, она все время гостила у кого нибудь изъ сосѣдей и особенно часто и подолгу у барышень Жлановыхъ. Лизавета Тимофеевна была огромнаго роста, чуть не вдвое выше своего мужа, но этотъ большой ростъ весь приходился на длинныя ея ноги; когда она сидѣла, то вовсе не казалась высокой; она была очень не красива собой, а необыкновенно длинные зубы въ выдающихся челюстяхъ

и когда она жевала, то какое-то особенное вращеніе челюстями, какъ у жвачныхъ животныхъ, мнѣ всегда напоминало физіономію верблюда. Лизавету Тимофеевну всѣ очень любили за ея добрый характеръ и знаніе всѣхъ новостей и происшествій — это была живая газета уѣзда; къ тому же она умѣла такъ какъ-то держаться, что никого никогда не стѣсняла. У насъ Арзамасцева тоже бывала не рѣдко. Я помню ее въ неизмѣнномъ желтомъ платьѣ, всегда безъ чепца, съ большимъ ридикюлемъ въ рукахъ, наполненнымъ, кромѣ носоваго платка и табакерки, разнаго рода вязаньемъ, которое она никогда не оставляла.

Верстахъ въ сорока отъ нашей деревни, по дорогѣ къ Бугуруслану было имѣніе Николая Ѳедоровича Карамзина, сына Ѳедора Михайловича, отъ котораго это имѣніе ему и досталось. Когда мы окончили курсъ, Ѳедора Михайловича давно уже не было въ живыхъ, а Николай Ѳедоровичъ былъ уже не молодымъ человѣкомъ; онъ былъ въ то время красивый, особеннаго, Карамзинскаго, восточнаго типа довольно полный брюнетъ, съ усами и небольшой эспаньелкой, въ которыхъ пробивалась уже сѣдина. Въ молодости служилъ онъ въ военной службѣ, а по выходѣ въ отставку, кажется до самой смерти, былъ Бузулукскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Карамзинъ не былъ женатъ; имѣя хорошее состояніе, онъ жилъ открыто, радушно принималъ всѣхъ дворянъ бузулукскаго уѣзда, угощалъ ихъ отличными обѣдами въ дни своихъ именинъ; самъ имѣя огромную псарню, устраивалъ большія охоты, на которыя съѣзжалось много гостей охотниковъ, и такимъ образомъ прожилъ почти безвыѣздно въ своемъ родовомъ имѣніи, селѣ Михайловскомъ, оставивъ на немъ послѣ смерти весьма значительные долги. Кстати, село Михайловское, какъ говорилъ нашъ отецъ, хорошо знавшій Карамзиныхъ, было мѣстомъ рожденія историографа Николая Михайловича Карамзина, но имѣніе это досталось по раздѣлу его брату, Ѳедору Михайловичу.

Почти въ такомъ же разстояніи отъ насъ, какъ Карамзинъ, жили Булгаковы, семейство которыхъ состояло изъ отца, матери и нѣсколькихъ дѣтей, учившихся въ то время въ Казани въ гимназіи. Отецъ семейства, Николай Алексѣевичъ, женатый, какъ я уже говорилъ, на Аннѣ Андреевнѣ Ждановой, былъ чрезвычайно добрымъ и радушнымъ человѣкомъ, хотя по первому на него взгляду

никакъ бы этого ожидать нельзя: онъ былъ небольшаго роста, некрасивый собой, съ какимъ то точно сердитымъ взглядомъ и съ очень грубымъ голосомъ, носилъ онъ щетинистые рыжеватые усы и бакенбарды и съ своими рѣзкими движеніями казался вообще будто недовольнымъ и сердитымъ, но я не знаю человѣка, котораго наружность была бы настолько обманчива, какъ у Николая Алексѣевича Булгакова—это былъ добрѣйшій человѣкъ, какихъ только я знаю. И жена Николая Алексѣевича, Анна Андреевна, менѣе красивая изъ всѣхъ ея сестеръ, была въ полномъ смыслѣ ему подъ пару: добра, привѣтлива, ласкова со всѣми она была чрезвычайно. Когда Булгаковы отдали своихъ сыновей въ гимназію и по зимамъ стали жить въ Казани, то это семейство сдѣлалось какъ бы роднымъ намъ, въ ихъ домѣ мы часто весело проводили вечера, обласканные, наравнѣ съ ея родными дѣтьми, Анной Андреевной.

У Николая Алексѣевича Булгакова были еще два брата, Петръ Алексѣевичъ, бывшій генералъ-кригсъ-комисаръ, который въ то время жилъ постоянно въ Петербургѣ, и я его никогда не видалъ, и Сергѣй Алексѣевичъ, жившій въ сосѣдствѣ съ Николаемъ Алексѣевичемъ, но съ нимъ мы не были знакомы домами—онъ казался мнѣ чрезвычайно гордымъ.

Съ большинствомъ изъ описанныхъ мною сосѣдей нашихъ мы познакомились уже взрослыми; дѣтьми мы бывали только у Новосильцевой, Ляхова и Ждановыхъ. Но хотя не часто, за то подолгу мы гостили у своихъ родныхъ Неплюевыхъ, жившихъ далеко отъ насъ, верстахъ въ семидесяти. Когда мы были дѣтьми, поѣздки къ нимъ, въ особенности лѣтомъ, составляли для насъ величайшее удовольствіе; намъ нравилась больше всего самая дорога къ Неплюевымъ, по которой за деревней барышень Ждановыхъ вскорѣ начинался великолѣпный сосновый боръ, на протяженіи слишкомъ пятнадцати верстъ; боромъ дорога была песчаная, пересѣченная мѣстами громадными корнями придорожныхъ сосенъ, и поэтому нашему большому семейному тарантасу приходилось ѣхать всю эту дорогу шагомъ, но это-то и доставляло намъ удовольствіе: всѣ мы, дѣти, вылѣзали изъ тарантаса и съ наслажденіемъ бѣгали по сторонамъ между столѣтними соснами, срывая цвѣты, землянику или грибы, а устанемъ, залѣземъ въ тарантасъ или на козлы къ кучеру, отдохнемъ и опять въ лѣсъ; хорошо было побѣгать и подышать здѣсь живительнымъ смолистымъ воздухомъ.

У Неплюевыхъ мы гостили иногда по недѣлѣ и больше; поэтому понятно, что село Неплюево, въ которомъ жили наши родные, тѣсно связано съ моими и дѣтскими, и юношескими воспоминаніями, а жизнь его обитателей представляла такъ много оригинальнаго, что невольно глубоко врѣзалась въ память.

Большое село Неплюево расположено на склонѣ возвышенности, у подошвы которой протекаетъ рѣчка Кутулукъ; лѣвый берегъ рѣчки, противъ села, представляетъ равнину, тянущуюся на далекое разстояніе; на равнинѣ этой разбросано нѣсколько небольшихъ деревень, которыя всѣ видны отъ села какъ на ладонкѣ. Кутулукъ у села рѣчка небольшая, не глубокая, но быстрая съ необыкновенно прозрачною водой, струящеюся прихотливыми изгибами по песчаному дну, покрытому плоскими круглыми гальками. Часто, дѣтьми, ходили мы сюда собирать эти гальки и бросать по водѣ, стараясь, чтобы онѣ сдѣлали какъ можно больше рикошетъ на поверхности воды—большое это было удовольствіе. Выше села по рѣчкѣ была мельница, съ широкимъ прудомъ, котораго всѣ берега заросли зеленымъ камышемъ. Правый берегъ рѣчки, медленно поднимающійся въ гору, занятъ селомъ, которое тянется въ одну улицу на протяженіи слишкомъ двухъ верстъ; село разрѣзано въ двухъ мѣстахъ глубокими оврагами, идущими до самой рѣчки и раздѣляющими усадьбы на три части. Лѣвая состоитъ изъ двухъ рядовъ крестьянскихъ домовъ съ чрезвычайно широкою между ними улицею, въ концѣ которой, на пригоркѣ, стоитъ довольно красивая бѣлая каменная церковь, лѣвѣе церкви, на самомъ берегу Кутулука, окруженная небольшой осиновой рощицей, виднѣется отдѣльная небольшая усадьба, обнесенная высокимъ заборомъ,— это псарня помѣщика, съ которой вечерами доносится по временамъ неистовый вой и визгъ гончихъ собакъ. Въ средней части села, на первомъ планѣ помѣщичья усадьба; барскаго дома съ Кутулука впрочемъ не видно, онъ закрытъ садомъ, изъ-за котораго виднѣются только его красныя крыши. Помѣщичья усадьба состояла изъ довольно обширнаго одноэтажнаго деревяннаго дома, выходившаго главнымъ фасадомъ, съ балкономъ, въ садъ; видъ съ балкона на Кутулукъ и разстилающуюся за нимъ равнину былъ-бы прелестный, если-бы его не заслоняла густая высокая стѣна деревьевъ, окружавшихъ цѣлымъ полукругомъ фасадъ дома, и такимъ образомъ вся прелесть мѣстоположенія пропадала. Заднею стороной домъ выходилъ на обширный дворъ, весь заросшій зеленымъ лужкомъ, по которому тонкими линіями тянулись тропинки по разнымъ направленіямъ, отъ двухъ крылецъ дома къ хозяйственнымъ постройкамъ, со всѣхъ сторонъ окружавшимъ дворъ. Смотря по важности въ хозяйственномъ отношеніи службъ, дорожки къ нимъ были болѣе или менѣе утоптаны; самыя торныя тропинки были отъ лакейскаго крыльца (передняго подъѣзда) къ кухнѣ и людской, и отъ дѣвичьяго крыльца (задняго подъѣзда) къ кладовой. На дворѣ всегда стояли два-три тарантаса или брички пріѣзжихъ гостей, безъ которыхъ, кажется, не проходило ни одного дня; поджарыя борзыя собаки всюду сновали взадъ и впередъ или лежали на

солнышкѣ; онѣ были видны вездѣ—и на крыльцѣ, и подъ крыльцомъ, и въ сѣняхъ, на нѣкоторыхъ были привязаны за веревку къ ошейникамъ большіе чурбаны—эти собаки были особенныя блудни. Домъ старинный, барскій, съ большими пріемными комнатами, въ которыхъ могло помѣститься большое число гостей, наѣзжавшихъ не рѣдко не на одинъ или два дня, а на недѣлю и больше. Обширная зала, гостинная и угловая выходили окнами въ садъ; въ садъ выходилъ также пристрой къ старому дому, называвшійся новыми горницами, хотя онъ былъ построенъ уже очень давно; новыя горницы назначались для почлега семейныхъ гостей; прочія комнаты, состоявшія изъ кабинета, столовой, дѣтской, выходили окнами на дворъ. Новыя горницы отдѣляла отъ стараго дома чрезвычайно обширная дѣвичья, въ которой рядами стояли скамьи съ подушками для плетенія кружевъ; эта дѣвичья была наполнена множествомъ горничныхъ дѣвокъ, большихъ и маленькихъ, старыхъ и молодыхъ—все это были большею частью кружевницы. Съ передняго подъѣзда была также довольно большая лакейская, полная лакеями, которыхъ однакоже было меньше, чѣмъ дѣвокъ; всѣ лакеи сидѣли безъ всякаго дѣла и мгновенно вскакивали каждый разъ, когда черезъ лакейскую проходилъ кто нибудь изъ господъ; всѣ они, старые и молодые, назывались Елеськами, Фильками, Гришками и проч., хотя иные изъ этихъ Елесекъ, Филекъ и проч. были уже почтенные старики. При описаніи дома нельзя обойти этихъ лакеевъ и дѣвокъ—они составляли необходимую его принадлежность, безъ которой его нельзя было и представить. Изъ гостинной выходила дверь на балконъ, окруженный небольшимъ, но недурно содержимымъ цвѣтникомъ; за цвѣтникомъ были двѣ только тѣнистыхъ аллей, а направо нѣсколько грядъ съ ягодными кустами, за которыми еще дальше были парники и небольшая плодовая оранжерея. Больше въ саду ничего не было.

Отъ этой барской усадьбы село вправо тянулось также длинною улицею крестьянскихъ избъ до другого оврага, почти въ концѣ села, черезъ который по мосту вела дорога къ другой барской усадьбѣ, расположенной на пригоркѣ, отдѣльно отъ крестьянскихъ поселеній. Эта усадьба состояла также изъ большого дома, съ прекраснымъ старинным липовымъ садомъ, расположеннымъ по склону горы до самаго оврага. Домъ этотъ, равно какъ и всѣ окружающія его постройки и вся обстановка рѣзко отличались отъ перваго: насколько первый представлялъ патріархальную деревенскую простоту, настолько второму замѣтно старались придать видъ новой, скорѣе городской, чѣмъ сельской обстановки: въ комнатахъ полы раздѣланы подъ паркетъ; вездѣ драпировки и занавѣсы; въ гостинной новаго фасона мебель, разставленная въ безпорядкѣ, въ перемежку съ этажерками, наполненными разными бездѣлуш-

ками, со столиками, на которыхъ разложены альбомы. Въ домѣ прохладно, въ окнахъ вездѣ вставлены сѣтки отъ мухъ, которыя, если и залетаютъ черезъ балконъ, то постоянно тщательно истребляются разными морами, поставленными на блюдечкахъ. Передъ балкономъ прекрасный, тщательно содержимый цвѣтникъ, отъ котораго идетъ въ глубь сада длинная тѣнистая аллея, на половинѣ пересѣченная такою же аллею, идущею поперекъ сада. Въ домѣ нѣтъ ни безчисленнаго множества лакеевъ, ничего не дѣлающихъ, ни дѣвокъ, занятыхъ плетеньемъ кружевъ; весь домъ носитъ характеръ строгой чистоты и опрятности. Въ пемъ и жизнь начинается совсѣмъ иначе, чѣмъ въ первомъ: тогда какъ въ первомъ въ 6 часовъ утра все уже на ногахъ,—здѣсь, напротивъ, движеніе начинается только часовъ съ 10 или 11; за то и засыпаютъ здѣсь часа въ два ночи, тогда какъ тамъ часовъ въ 10 уже полное спокойствіе.

Въ двухъ описанныхъ мною усадьбахъ жили помѣщики—въ первой *старые* Неплюевы, во второй—*молодые* Неплюевы; эти два семейства были, кажется, только однофамильцами. Съ первыми мы состояли, со стороны нашей матери, въ дальнемъ родствѣ; кажется, они приходились намъ троюродными дядями, по крайней мѣрѣ отца и мать нашихъ они всегда называли братцемъ и сестрицей. Въ домѣ старыхъ Неплюевыхъ часто бывала и подолгу жила, какъ я уже говорилъ объ этомъ, наша мать еще до замужества.

Старые Неплюевы были люди очень богатые; имъ принадлежала не только большая часть села Неплюева съ обширными при немъ землями, но у нихъ были и другія большія имѣнія въ Оренбургской и Нижегородской губерніяхъ. Въ то время, къ которому относится мой разсказъ, семейство Неплюевыхъ состояло изъ двухъ неженатыхъ братьевъ и четверыхъ незамужнихъ сестеръ; младшей изъ сестеръ было уже около сорока лѣтъ. Я не знаю другого семейства, въ которомъ братья и сестры дожили бы до старости въ такой взаимной дружбѣ и въ такомъ повиновеніи старшему брату; старшій братъ, Владиміръ Васильевичъ, былъ полновластнымъ, неограниченнымъ распорядителемъ не только всего имущества, но и всего того, что дѣлалось и даже думалось въ этомъ домѣ; замѣчательны были любовь и уваженіе, смѣшанное даже съ какимъ то страхомъ, которое питали къ нему остальные члены семьи. Слово, сказанное Владиміромъ Васильевичемъ, считалось закономъ, мысль о противорѣчіи ему была до такой степени странна и невозможна, что она даже никому и въ голову не приходила. Хотя всѣ сестры и младшій братъ были всегда обо всемъ одного и того же мнѣнія, но между ними иногда, правда въ ничтожныхъ случаяхъ, допускалось и разногласіе, выраженное только въ весьма деликатной формѣ; въ случаяхъ болѣе важныхъ никто никогда не

смѣлъ выразить своего мнѣнія раньше, чѣмъ скажетъ свое мнѣніе Владиміръ Васильевичъ—мнѣніе это принималось всѣми уже какъ непогрѣшимое. Иногда, впрочемъ, въ очень важныхъ случаяхъ, напримѣръ, при покупкѣ имѣнія, при командированіи младшаго брата, Евграфа Васильевича, въ какое нибудь дальнее имѣніе и др., Владиміръ Васильевичъ собиралъ семейный совѣтъ и спрашивалъ мнѣніе сестеръ и брата, которыя и выслушивалъ со сниходительною улыбкой, но при этомъ всѣ мнѣнія высказывались обыкновенно въ такой формѣ—что, какъ братцу угодно, что братцу, конечно, это гораздо лучше извѣстно и т. п., притомъ мнѣнія эти высказывались только сестрами и въ особенности среднею, Вѣрой Васильевной, которая почиталась умнѣйшею и опытнѣйшею изъ всѣхъ; братецъ Евграфъ Васильевичъ никогда никакихъ мнѣній не высказывалъ, а молча сидѣлъ и курилъ свою пенковую трубку, поглядывая сверхъ очковъ на говорившаго. Совѣтъ всегда оканчивался рѣшеніемъ, которое еще заранѣе было принято Владиміромъ Васильевичемъ.

Я не помню, гдѣ воспитывались Владиміръ Васильевичъ и Евграфъ Васильевичъ, но оба они когда то служили въ военной службѣ, хотя и недолго, а затѣмъ, вышедши въ отставку, поселились въ Неплюевѣ. Владиміръ Васильевичъ никогда потомъ изъ деревни и не выѣзжалъ; онъ страдалъ какой-то, кажется, психической, болѣзнью: вообразилъ, что у него что-то сдѣлалось съ ногами такое, что ему нельзя ни ходить, ни даже встать на ноги, хотя его ноги были по наружности совершенно здоровы и ни на какую боль въ нихъ онъ никогда не жаловался; до этого страннаго обстоятельства никто не смѣлъ касаться и никогда объ этомъ его никто не спрашивалъ. Какъ я его началъ помнить, онъ постоянно лежалъ на кровати, которая стояла въ столовой; лежа онъ принималъ и гостей, лежа говорилъ, безпрестанно поправляя на головѣ вязанную шерстяную ермолку. Одѣтъ онъ былъ всегда въ длиннополый, со сборами назади и съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, коричневый суконный казакинъ, сѣрыя брюки и сапоги съ мягкой подошвой; казакинъ всегда былъ выпачканъ въ пуху отъ постели и подушки, на которыхъ онъ лежалъ. Борода и усы его всегда были чисто выбриты, торчали по бокамъ только рѣдкія бакенбарды, да изъ подъ ермолки висѣли довольно длинныя пряди волосъ на вискахъ въ родѣ пейсовъ, что, вмѣстѣ съ рѣзкими чертами лица, чрезвычайно напоминало еврея. Такимъ я зналъ Владиміра Васильевича съ самаго ранняго моего дѣтства, но въ то время, когда мы окончили курсъ, Владиміръ Васильевичъ началъ вставать на ноги и даже сталъ проходить отъ своей кровати шаговъ пять до комода, на которомъ постоянно стояла открытая табачница съ жуковскимъ табакомъ; подойдя къ табачницѣ, онъ выковыривалъ золу изъ глиняной трубки съ длиннымъ чубукомъ, на

концѣ котораго, вмѣсто мундштука, была налѣплена порядочная шишка сургуча; затѣмъ накладывалъ въ трубку табакъ и, зажегши спичку, втыкалъ ее въ средину трубки, которую такимъ образомъ раскуривалъ; совершивши эту операцію, онъ тотчасъ же ложился въ постель. Случалось даже, хотя весьма рѣдко, что Владиміръ Васильевичъ выходилъ въ гостинную посидѣть съ гостями минутъ пять или десять, но это было уже такое событіе, о которомъ долго потомъ говорилось. Когда это случилось въ первый разъ, то сестры, сидѣвшія въ то время въ гостинной, были поражены изумленіемъ, но, не смѣя его выразить, замерли на мѣстѣ, притаивъ дыханіе и со страхомъ поглядывая другъ на друга; гости тоже всѣ какъ будто остолбенѣли, но тотчасъ же постарались завести общій разговоръ, не показывая и вида изумленія, какъ будто ничего особеннаго не случилось; тѣмъ не менѣе у всѣхъ отлегло отъ сердца только тогда, когда Владиміръ Васильевичъ, посидѣвъ минутъ пять въ гостинной и самодовольно улыбаясь—вотъ, дескать, какую я штуку выкинулъ—пошелъ и снова легъ на свою постель. Несмотря на то, что всѣ сестры очень хорошо видѣли Владиміра Васильевича и испытывали одно и тоже чувство, меньшая, Алефтина Васильевна, какъ извѣстная вѣтренница, подошла къ старшей, Евпраксеѣ Васильевнѣ, и шопотомъ спросила:—Сестрица, видѣли?—Видѣла Левтинька (Сестрица Евпраксія Васильевна, какъ старшая, говоря съ сестрами, называла ихъ Вѣрынька, Левтинька, Сашенька; право это принадлежало также и Вѣрѣ Васильевнѣ). Тогда начались разныя предположенія.—А что, какъ вы думаете, сестрица, выйдетъ братецъ, Володиміръ Василичъ, въ ваши имянины или нѣтъ?—Не знаю, Левтинька, а вотъ въ имянины братца, Евграфа Василича навѣрно выйдетъ. Это предположеніе подтвердили и Вѣра Васильевна, Евграфъ Васильевичъ продолжалъ пускать только большіе клубы дыма своей трубки, поправляя при этомъ чубукомъ очки на носу.

Владиміръ Васильевичъ, какъ я уже сказалъ, былъ полновластнымъ распорядителемъ всего имѣнія; изъ весьма значительныхъ доходовъ, получаемыхъ съ имѣній, онъ опредѣлялъ ежегодно особую сумму на общіе расходы, сумма эта хранилась у Евпраксіи Васильевны и назвалась *казенными* деньгами и расходовалась исключительно только на общія потребности,—покупку чая, сахара, винъ и проч. ни въ какомъ случаѣ казенныя деньги не могли быть раходуемы, даже заимообразно, на частныя нужды. На ихъ личные расходы каждая сестра, а также и братъ, Евграфъ Васильевичъ, получали отъ Владиміра Васильевича назначенное имъ жалованье: сестры получали по 50 рублей сер. въ годъ, а Евграфъ Васильевичъ 150 р.; сестрамъ также предоставлялись доходы отъ коровъ въ селѣ Неплюевѣ, въ прочихъ деревняхъ доходъ этотъ шелъ въ общую кассу; получали

онѣ также доходъ въ свою пользу отъ кружевъ, чулокъ и прочихъ произведеній ихъ дѣвичьей. Евграфу Васильевичу, кромѣ жалованья, предоставлены были еще доходы отъ столярной и кузницы; въ этихъ мастерскихъ дѣлались тарантасы, брички и другіе деревенскіе экипажи и мебель, обыкновенно по заказу кого нибудь изъ сосѣдей, причемъ, во время самаго заказа, Евграфъ Васильевичъ безсовѣстно торговался; но, взявши заказъ, онъ исполнялъ его уже аккуратно. По обычаю тогдашнихъ помѣщиковъ Евграфъ Васильевичъ имѣлъ довольно большую псовую охоту, хотя и не былъ въ душѣ охотникомъ; для пополненія своей псарни онъ покупалъ всякую дрянь, лишь бы было подешевле, больше впрочемъ онъ старался выпрашивать у сосѣдей охотниковъ щеночка. Содержаніе этой псарни, равно какъ и верховыхъ лошадей, шло изъ общихъ деревенскихъ доходовъ; это было особенное снисхожденіе Владиміра Васильевича къ брату, такъ какъ псовая охота считалась имъ необходимою дворянскою забавой, дававшею вѣсъ и значеніе дворянину; но сбруя, сѣдла и прочія принадлежности охоты были уже на личномъ счету Евграфа Васильевича.

Евграфъ Васильевичъ былъ такъ же, какъ и его братъ, подверженъ какой-то необъяснимой болѣзни, но другого рода. Когда я былъ еще ребенкомъ, я его помню чрезвычайно тучнымъ человѣкомъ; рѣдкая верховая лошадь могла его носить. Вдругъ, безъ всякаго малѣйшаго повода, будучи совершенно здоровъ, онъ вообразилъ, что у него чахотка, и эта мысль до такой степени крѣпко засѣла у него въ головѣ, что никакія убѣжденія не дѣйствовали и онъ сталъ невообразимо быстро худѣть, такъ что черезъ годъ не осталось и тѣни прежней его толщины, хотя въ тоже время онъ пользовался совершеннымъ здоровьемъ. Такъ впослѣдствіи онъ и остался только полнымъ человѣкомъ и совсѣмъ не толстымъ. Евграфъ Васильевичъ по характеру былъ весьма простой и очень добрый человѣкъ, но въ высшей степени скупой на расходы изъ своего жалованья и изъ тѣхъ доходовъ, которые онъ получалъ отъ мастерскихъ. Забавно было смотрѣть, когда Евграфу Васильевичу нравилась какая нибудь вещь, и онъ начиналъ приставать, чтобы ему продали ее; если владѣлецъ вещи соглашался ее продать, то начиналась презабавная торговля, которая тянулась иногда цѣлыя недѣли; Евграфъ Васильевичъ начиналъ давать безобразно дешевую цѣну и потомъ надбавлялъ по копѣйкамъ. Скажутъ наконецъ ему— да полноте, Евграфъ Васильевичъ, не хочу я вовсе продавать этого.— Ну, ну, скажетъ, не сердись, ну я прибавлю полтину. Иногда замолчитъ на день, на два, а потомъ опять начнетъ торговлю и пристаетъ до тѣхъ поръ, пока отдашь наконецъ ему вещь дешевле, чѣмъ самъ купилъ. Аккуратность и бережливость его была чрезвычайная; пенковая его трубка была всегда тщательно зашита въ

замшу, изъ которой ей такъ и не суждено было выйти; карманные золотые часы онъ носилъ въ замшевомъ мѣшечкѣ, который вкладывалъ еще въ деревянный круглый футлярчикъ. Курилъ онъ безпрестанно, набивая трубку за трубкой мусатовскимъ табакомъ третьяго сорта, который всегда носилъ съ собою въ шерстяномъ, вязаномъ сестрами, кисетѣ. Платье его всегда состояло изъ короткаго однобортнаго со сборами назади казакина чернаго или темнокоричневаго сукна и сѣрыхъ брюкъ; сюртукъ онъ надѣвалъ только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Евграфъ Васильевичъ жилъ въ кабинетѣ, гдѣ у одной стѣны, увѣшанной разными принадлежностями псовой охоты и шкурками въ разное время затравленныхъ лисицъ, стояла его кровать, на которой онъ особенно любилъ сидѣть и курить свою трубку. У другихъ стѣнъ были поставлены широкіе мягкіе диваны, на которыхъ обыкновенно на ночь располагались гости; въ кабинетъ вели двѣ двери, одна изъ лакейской, другая изъ столовой; надъ этою послѣдней была повѣшена, единственная во всемъ домѣ, картинка, писанная акварелью весьма искусной рукой. Она представляла въ каррикатурѣ Евграфа Васильевича въ то время, когда онъ служилъ какимъ то земскимъ засѣдателемъ. На картинкѣ представлена покачнувшаяся крестьянская изба, передъ крылечкомъ которой стоятъ сани-розвальни, запряженныя парою чрезвычайно тощихъ клячъ, въ саняхъ Евграфъ Васильевичъ съ чувашениномъ кучеромъ, а передъ нимъ у крыльца стоитъ безъ шапки другой чувашенинъ, у котораго изъ протянутой руки Евграфъ Васильевичъ беретъ цѣлковый. Подъ картинкой подпись: „Прощай Архипычъ, давай сюда, будетъ по твоему.“ Не знаю, кто подарилъ эту картинку Евграфу Васильевичу, но онъ очень ею дорожилъ.

Всѣхъ сестеръ Неплюевыхъ было пять; одна изъ нихъ, которую я никогда и не зналъ, такъ какъ она умерла задолго до того времени, когда я сталъ себя помнить, была замужемъ за Пыхачевымъ; остальныя четыре не вышли замужъ, по какой причинѣ, я не знаю, слышалъ однако, что и у нихъ въ свое время были женихи. Старшая, Евпраксія Васильевна, и меньшая, Алефтина Васильевна, были добрѣйшія и простѣйшія барышни, какъ ихъ называли, не имѣвшія никогда своего собственнаго мнѣнія ни о чемъ, даже близко относящемся до ихъ дѣвичьяго хозяйства, онѣ думали и говорили такъ, какъ думала и говорила средняя сестра, Вѣра Васильевна. У Епраксіи Васильевны находились и расходныя (казенныя) деньги и ключи отъ всего домашняго хозяйства; только въ послѣднее время, когда старушка была уже очень слаба, ключи перешли къ Вѣрѣ Васильевнѣ; Алефтинѣ Васильевнѣ ключи никогда не давались, такъ какъ она считалась вѣтреницей, которую легко и обмануть. Четвертую сестру, Александру Васильевну, я мало зналъ, она умерла раньше того времени, о которомъ идетъ рѣчь. Сестры любили читать повѣсти и романы, печатавшіяся въ тогдашнихъ

журналахъ, которые выписывались Владиміромъ Васильевичемъ, причемъ любили высказывать о разныхъ дѣйствующихъ лицахъ свое мнѣніе; высказывала мнѣніе обыкновенно Вѣра Васильевна, Алефтина Васильевна повторяла тоже, а Евпраксія Васильевна только качала головой; мнѣнія эти были всегда строго осуждающія всякую порочность и воздающія должную похвалу всякой добродѣтели. Вѣра Васильевна очень также любила растенія, которыхъ было много дѣйствительно хорошихъ экземпляровъ въ ихъ огромной залѣ.

Сестры жили въ двухъ комнатахъ; Евпраксія Васильевна и Вѣра Васильевна—въ угловой, рядомъ съ гостинной, гдѣ стояли ихъ кровати, украшенныя пологами, привѣшенными къ потолку посредствомъ двухъ или трехъ буфовъ и спускавшимися на кровати въ видѣ балдахиновъ. Алефтина Васильевна съ Александрой Васильевной жили въ большой комнатѣ, рядомъ съ дѣвичьей, комната эта называлась дѣтской; въ ней помѣщались также на ночлегъ пріѣзжія гостьи; въ эту комнату не допускались мужчины, развѣ самые близкіе родные, взрослымъ я былъ въ ней раза два или три. Угловая комната была меблирована, кромѣ двухъ кроватей, нѣсколькими креслами и столиками, а въ одномъ изъ простѣнковъ, кромѣ того, стоялъ пузатый, старинной работы прочный комодъ, ключи отъ котораго были безотлучно у Евпраксіи Васильевны. Этотъ комодъ служилъ предметомъ зависти для многихъ, а въ особенности для прямыхъ наслѣдниковъ Неплюевыхъ-Пыхачевыхъ, всегда завистливо смотрѣвшихъ на него: коммодъ этотъ заключалъ въ своей непроницаемой тьмѣ капиталы Неплюевыхъ. Старики были чрезвычайно скупы на деньги,—только крайнее критическое положеніе ихъ единственнаго племянника заставляло ихъ иногда открыть этотъ коммодъ и выпустить на свѣтъ божій небольшую часть ихъ капитала, и то Владиміръ Васильевичъ долго послѣ этого былъ въ дурномъ расположеніи духа, съ сердцемъ безпрестанно поправлялъ со стороны на сторону свою ермолку и все ворчалъ—въ нитку вытянулъ, разорилъ совсѣмъ!—Сестрицы и братецъ, Евграфъ Васильевичъ, ходили въ это время на цыпочкахъ.

Угловая комната служила также и для пріема гостей въ обыкновенные, не парадные дни. Живо помню добрую старушку Евпраксію Васильевну, сидящую въ большомъ бѣломъ, съ широкою оборкою, чепцѣ на своей кровати передъ маленькимъ столикомъ, на которомъ она раскладывала пасьянсъ или, отъ нечего дѣлать, осторожно подкарауливала мухъ, которыхъ, поймавши, тутъ же и давила. Вѣра Васильевна обыкновенно сидѣла на своей кровати и вязала крючкомъ кисетъ Евграфу Васильевичу или ермолку Владиміру Васильевичу; на табуретѣ съ двумя ручками, стоявшемъ у окна возлѣ кровати Евпраксіи Васильевны, сидѣла самая почетная гостья; изъ мужчинъ на этотъ табуретъ никто, кромѣ племянника, не садился; визави съ табуретомъ по другую сторону столика

стояло кресло, на которомъ обыкновенно сидѣла Алефтина Васильевна, которая рѣдко работала, а все что нибудь жевала. Прочія мѣста въ угловой не были привиллегированными и занимались гостями какъ угодно, только Евграфъ Васильевичъ особенно любилъ сидѣть со своею неизмѣнной пенковой трубкой на креслѣ, стоявшемъ у дверей гостинной возлѣ кровати Вѣры Васильевны.

Жизнь въ домѣ Неплюевыхъ была въ высшей степени регулярна, по однажды заведенному порядку, который никогда и ничѣмъ не нарушался.

Въ шесть часовъ утра проснувшіеся въ кабинетѣ гости уже слышали въ столовой, гдѣ жилъ Владиміръ Васильевичъ, стукъ чашекъ и подносовъ, заглушаемый повременамъ рѣзкими трелями двухъ канареекъ, висѣвшихъ въ клѣткахъ на окнахъ въ столовой; шло приготовленіе къ чаю; вскорѣ слышалось и шипѣніе огромнаго самовара, который ставился на кругломъ столѣ у стѣны противъ оконъ. Евграфъ Васильевичъ въ это время уже сидитъ на своей кровати въ ночной сорочкѣ и брюкахъ; передъ нимъ съ мыльницей и кисточкой въ рукахъ стоитъ лакей Гришка, собирающійся брить барину бороду и щеки, которыя и намазаны уже густымъ слоемъ взбитаго мыла; Евграфъ Васильевичъ сильно пыхтитъ и старается какъ можно больше надуть свои щеки чтобы ловчѣе было снимать съ нихъ бритвою волосы вмѣстѣ съ мыломъ. Окончивъ бритье, Гришка подаетъ барину умываться, послѣ чего, разчесавши накладку, которую носитъ Евграфъ Васильевичъ, тщательно наклеиваетъ ее на лысину барина, затѣмъ одѣваетъ его, совершенно такъ, какъ одѣваютъ маленькихъ. Въ это время другой лакей, Политка, стоитъ уже съ готовою трубкой, которую по окончаніи одѣванья и подаетъ Евграфу Васильевичу. Гости тѣмъ временемъ просыпаясь одинъ за другимъ, умываются, одѣваются и выходятъ въ столовую. Здѣсь Владиміръ Васильевичъ сидитъ уже на своей кровати и пьетъ чай; передъ нимъ стоитъ лакей, Елеська, съ подносомъ; за чайнымъ столомъ одна изъ сестеръ—дежурная въ этотъ день—разливаетъ чай; по всей стѣнѣ налѣво стоятъ лакеи, заложивши руки за спину или держа подносы; отъ такого стоянья, на стѣнѣ видно весьма замѣтная сальная полоса.

Всѣ подходятъ пожелать добраго утра Владиміру Васильевичу, который просто знакомымъ какъ то порывисто жметъ руку, съ близкими же и родными цѣлуется обыкновенно трижды, причемъ сильно вытягиваетъ губы и, громко чмокнувши почти на лету, быстро откидываетъ голову назадъ, руки его въ тоже время дѣлаютъ такое движеніе, какъ будто хотятъ скорѣе оттолкнуть стоящаго передъ нимъ. Видимо, что эта церемонія, хотя и считается Владиміромъ Васильевичемъ неизбѣжною, но для него крайне тяжела. Женщинамъ онъ никогда даже и руки не даетъ, и онѣ всѣ знаютъ,

что съ нимъ здороваться надо издали. Поздоровавшись затѣмъ съ дежурною сестрой и съ другими, если онѣ уже вышли, всѣ садятся на стулья къ окошкамъ или къ круглому столу съ самоваромъ, пить чай съ отличными сливками и разнымъ сдобнымъ домашнимъ печеньемъ, котораго ежедневно напекалось множество. Неплюевы любили, чтобы у нихъ гости хорошо кушали, и съ удовольствіемъ подчивали всѣмъ, что не куплено, что приготовлялось дома и изъ домашнихъ припасовъ. Нерѣдко при этомъ случалось, что дежурная сестра, видя, что Владиміръ Васильевичъ допиваетъ чашку, обращалась къ нему съ вопросомъ—не желаете ли, братецъ, еще?—Тогда Владиміръ Васильевичъ обыкновенно спрашивалъ стоявшаго противъ него лакея—Елеська, которую я чашку пью?—Если Елеська отвѣтитъ—третью, сударь, то Владиміръ Васильевичъ отвѣтитъ сестрѣ—такъ довольно, сестрица. Если же окажется, что третья чашка не была еще выпита, то онъ попроситъ налить.

Послѣ чая всѣ гости переходили въ угловую комнату къ барышнямъ (въ гостинной садились только въ торжественные дни), гдѣ и занимались разговорами, въ которыхъ главную роль играло мелочное женское хозяйство, наряды и проч., а иногда и какой нибудь романъ, прочитанный Вѣрой Васильевной. Въ столовой, у Владиміра Васильевича, оставалось два-три человѣка, которые черезъ нѣкоторое время замѣнялись другими, такъ какъ всѣ безъ исключенія считали своей обязанностью поговорить, хоть немного, съ Владиміромъ Васильевичемъ. Здѣсь разговоръ шелъ о хозяйствѣ, о посѣвахъ, жнитвѣ, умолотѣ и т. п., а также о политикѣ. Владиміръ Васильевичъ постоянно читалъ Московскія Вѣдомости и любилъ высказывать свое мнѣніе о разныхъ политическихъ вопросахъ; съ мнѣніемъ этимъ всѣ считали своею обязанностью согласиться.

Такъ проходило время до полудня; въ 12 часовъ въ столовой необыкновенно быстро накрывался столъ, и всѣ садились за обѣдъ. (Въ торжественные дни разница состояла въ томъ, что въ 11 часовъ въ гостиной подавалась закуска, а обѣдать садились въ 2 часа) Кушанья, отъ 4 до 5 блюдъ, были простыя, но вкусныя, хорошо приготовленыя, причемъ, по возможности, избѣгалось всего купленнаго; а старались обходиться домашними произведеніями; поэтому вина подавались рѣдко, за то наливокъ разныхъ сортовъ было вдоволь. Во время обѣда, почти за каждымъ изъ сидѣвшихъ стоялъ лакей, вслѣдствіе чего перемѣна тарелокъ и кушаній производилась чрезвычайно быстро. Владиміръ Васильевичъ обѣдалъ за столикомъ, стоявшимъ у его кровати, причемъ во все время обѣда обыкновенно мялъ въ рукахъ довольно большой кусокъ мякиша отъ бѣлаго хлѣба; этотъ кусокъ послѣ обѣда лакеи убирали со столика и относили въ сѣни, въ чуланчикъ на полочку; тамъ такихъ кусковъ, уже засохшихъ, было множество. Послѣ обѣда

гости отправлялись въ угловую комнату, гдѣ подавались разныя сласти—варенья, пастилы и проч. все домашняго приготовленія; къ этимъ сластямъ лѣтомъ присоединялись и произведенія огорода—бобы, стручки гороха и проч., но это бывало только тогда, когда гости всѣ были люди свои, близкіе. Иногда, впрочемъ рѣдко, Евграфъ Васильевичъ подчивалъ какой нибудь водицей или шипучкой, которыя приготовлялись у Неплюевыхъ очень вкусно. Разговоръ послѣ обѣда тянулся обыкновенно очень вяло, Евграфъ Васильевичъ сильно сопѣлъ за своею трубкой и спустя нѣкоторое время, продолжительность котораго зависѣла отъ большей или меньшей церемонности бывшихъ гостей, уходилъ въ кабинетъ—вздремнуть; примѣру его слѣдовали и нѣкоторые гости.

Въ 7 часовъ вечера подавался самоваръ, и всѣ собирались снова въ столовую такъ же, какъ и утромъ. Иногда, если погода была хороша, чай подавали гостямъ на балконъ, тогда на балконѣ обыкновенно оставались уже до ужина; или же, хотя и рѣдко, ходили гулять, причемъ неизмѣнно доходили до дома молодыхъ Неплюевыхъ, у которыхъ оставались часъ или полтора, и затѣмъ возвращались домой къ ужину. Въ $10^1/_2$ часовъ быстро накрывался столъ и всѣ садились за ужинъ, который ничѣмъ не отличался отъ обѣда, кромѣ того, что къ ужину не подавалось горячее. Наѣвшись порядочно и пожелавъ покойной ночи Владиміру Васильевичу, всѣ уже прямо изъ столовой расходились на ночлегъ—мужчины въ кабинетъ къ Евграфу Васильевичу, а барыни въ дѣтскую или въ новыя горницы.

Такъ прошла ничѣмъ невозмутимая, регулярная, какъ заведенная машина, жизнь Неплюевыхъ до самой ихъ смерти. Было что-то въ этой жизни такое затягивающее, такое успокоивающее, что проживши ею нѣсколько времени, можно было такъ втянуться въ эту жизнь, что забыть все, чѣмъ живутъ другіе люди, все, кромѣ тѣхъ мелочей, которыя касаются лишь небольшого кружка людей, закупорившихся въ этомъ Неплюевскомъ домѣ, куда не проникало ничто общечеловѣческое...

Умерли всѣ Неплюевы въ небольшой промежутокъ времени, когда я уже былъ на службѣ; Евграфъ Васильевичъ только пережилъ нѣкоторое время братьевъ и сестеръ; но, потерявъ съ ними все, чѣмъ онъ привыкъ жить, одинокій старикъ видимо не зналъ, что дѣлать и куда дѣваться. Имѣніе Неплюевыхъ перешло къ молодому мальчику, сыну ихъ племянника, Пыхачева, который одинъ изъ всѣхъ Пыхачевыхъ въ то время оставался въ живыхъ. Два-три года спустя огромной усадьбы стариковъ уже не существовало; она вся была снесена и мѣсто ихъ дома и сада поросло бурьяномъ; никакого другого памятника не осталось отъ Неплюевской жизни.

Племянникъ Неплюевыхъ Григорій Ивановичъ Пыхачевъ жилъ въ 25-ти верстахъ отъ нихъ въ своемъ имѣніи, Могутовѣ, доставшемся ему отъ отца; этого послѣдняго я мало помню, знаю только, что, выдѣливъ дочерей и передавъ сыну остальное родовое имѣніе, въ томъ числѣ и Могутово, Иванъ Григорьевичъ поселился съ двумя уже взрослыми дочерьми въ пяти верстахъ отъ Могутова въ небольшой деревнѣ, съ довольно помѣстительнымъ впрочемъ барскимъ домомъ. Здѣсь, совершенно ни для кого неожиданно, уже старикомъ семидесятилѣтнимъ, онъ женился на гувернанткѣ своихъ дочерей, Анисьѣ Андреевнѣ, чѣмъ привелъ въ большое смущеніе всю свою семью. Старикъ прожилъ послѣ того недолго и, умирая, оставилъ вдовѣ по завѣщанію небольшое имѣніе невдалекѣ отъ Могутова, которое назвалъ въ часть жены Анисіевгофомъ. Въ духовномъ завѣщаніи хитрый старикъ оговорилъ однакоже, что если его вдова выйдетъ замужъ, то лишается этого имѣнія. Анисья Андреевна впрочемъ и не думала выходить замужъ; въ сравненіи съ Иваномъ Григорьевичемъ она была конечно молода, но ей было въ то время уже за 30 лѣтъ, и я ее помню всегда болѣзненной, съ подвязанной щекой, съ зубными болями, съ флюсами, хотя въ тоже время она не рѣдко очень жалобно пѣла подъ фортепьяно извѣстную пѣсенку—смолкни пташка-канарейка...

Сынъ Ивана Григорьевича, Григорій Ивановичъ, въ то время, когда мы окончили курсъ, былъ уже пожилымъ человѣкомъ; худощавый, средняго роста, съ длинными рыжеватыми усами, съ тщательно причесанной и наклеенной на лысину накладкой, всегда щегольски одѣтый, съ приличными, даже изысканными манерами, Григорій Ивановичъ вообще по физіономіи былъ бы виднымъ мужчиной, если бы во всей этой физіономіи не проглядывало желаніе молодиться и явное, почти женское, пристрастіе къ нарядамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ весьма неглупымъ человѣкомъ, веселымъ и подъ часъ остроумнымъ собесѣдникомъ, умѣлъ при случаѣ написать забавные стишки, весьма недурно спѣть какой нибудь романсъ, былъ отличнымъ актеромъ и большимъ дамскимъ любезникомъ. Въ Пыхачевѣ какъ то странно соединялись и умъ, котораго нельзя было отнять у него, и образованіе съ какою то мелочностью и съ необыкновенной любовью къ шутовству, къ вышучиванью всѣхъ, кто, хоть немного, по простотѣ или по глупости поддавался ему. Смолоду Григорій Ивановичъ служилъ въ гвардіи и по выходѣ въ отставку, еще при жизни отца, женился на Натальѣ Ивановнѣ Еселевой, внучкѣ Александра Михайловича Карамзина; когда Наталья Ивановна была еще въ дѣвушкахъ, мать наша ее хорошо знала, проживая довольно долго у Еселевыхъ послѣ пожара въ нашей деревнѣ, о чемъ я говорилъ уже выше, и даже, кажется, содѣйствовала этой женитьбѣ, бывши сватуньей Пыхачева. Наталья

Ивановна въ замужествѣ была очень красивой женщиной того же особеннаго Карамзинскаго типа, который сохранился, кажется, во всемъ ихъ потомствѣ; она была чрезвычайно любезной хозяйкой, умѣла поговорить обо всемъ, умѣла занять каждаго.

Пыхачевы всегда жили открыто, весело; гости у нихъ не переводились, объ одномъ они горевали, это объ отсутствіи дѣтей, которыхъ у нихъ не было чуть ли не восемнадцать лѣтъ. Въ это время Наталья Ивановна взяла на воспитаніе побочнаго сына, бывшаго у ея мужа еще въ то время, когда онъ былъ холостымъ, и надо отдать ей справедливость—она не оставила этого воспитанника и тогда, когда у нея, уже въ пожиломъ возрастѣ, стали родиться свои дѣти, которыхъ потомъ и было четверо. Этого воспитанника, Пашу Страдина, отдали въ Казанскую гимназію, а затѣмъ въ университетъ, гдѣ онъ и окончилъ курсъ по камеральному разряду. Наталья Ивановна сдѣлала больше—она взяла мать Страдина, Матрешу, бывшую крѣпостной дѣвушкой Пыхачева, въ няньки къ своимъ дѣтямъ, и надо сказать, что лучшей няньки желать было нельзя: Матреша любила дѣтей Натальи Ивановны, кажется, даже больше, чѣмъ своего собственнаго сына. Григорій Ивановичъ смолоду былъ страстнымъ охотникомъ и съ борзыми собаками и съ ружьемъ, но впослѣдствіи охота ко всему этому стала у него пропадать; занимался ли онъ сельскимъ хозяйствомъ раньше, я не знаю, но впослѣдствіи онъ очень мало обращалъ на него вниманія; все хозяйство было на рукахъ прикащиковъ, вслѣдствіе чего прекрасное прежде имѣніе, доставшееся ему отъ отца, значительно разстроилось, и онъ почти всегда нуждался въ деньгахъ. Между тѣмъ праздность, отсутствіе всякаго труда такъ повліяли на Пыхачева, что сдѣлали изъ него совершенно пустого человѣка, часами цѣлыми занимавшагося туалетомъ и разными пустяками, которые выдумывались ради наполненія празднаго времени. Такъ, Пыхачевъ одно время ради потѣхи поселилъ у себя дураковъ, надъ которыми продѣлывались разныя, иногда совсѣмъ непозволительныя, штуки: одного изъ нихъ, какого то отставного чиновника старика, заставляли ѣсть за цѣлковый обѣдъ, въ которомъ одно изъ блюдъ былъ барсукъ, жареный въ скипидарѣ. Другого дурака однажды увѣрили, что сестра Пыхачева, Миропія Ивановна влюблена въ него и желаетъ выйти за него замужъ; дуракъ обрадовался; устроили затѣмъ шутовскую свадьбу, въ которой а невѣстой оказалась горничная дѣвушка Миропіи Ивановны; послѣ чего необыкновенно радовались и потѣшались надъ отчаяніемъ дурака, повѣрившаго, что онъ сталъ, вслѣдствіе этой женитьбы крѣпостнымъ Пыхачева, который можетъ его сѣчь или отдать въ солдаты; потѣха эта продолжалась долго, писались шутовскія прошенія будто бы въ консисторію о разводѣ, получались подобные

же шутовскіе отъ нея будто-бы отвѣты; все это читалось дураку, который, смотря по содержанію, радовался или печалился на потѣху выдумщикамъ всего этого вздора. Иногда надъ дураками продѣлывались штуки уже совсѣмъ мерзкія, неподдающіяся и описанію. Удивительно то, что у Пыхачева все это соединилось съ неподдѣльной добротой характера. Вмѣстѣ съ Пыхачевымъ такими потѣхами надъ дураками занимался сосѣдъ его Стрѣлковъ, человѣкъ уже пожилой и весьма неглупый; Стрѣлковъ дошелъ даже до того, что выпучивалъ и доводилъ до идіотизма гувернантокъ и учителей своихъ дѣтей! Въ этихъ продѣлкахъ принималъ также дѣятельное участіе и воспитанникъ Пыхачевыхъ, Страдинъ, пріѣзжавшій студентомъ къ нимъ на вакацію, что безъ сомнѣнія и повліяло на его характеръ и сдѣлало изъ этого весьма умнаго мальчика какого то озорного шалопая. Судьба и похожденія этого Страдина замѣчательны: служилъ онъ по окончаніи курса въ уланахъ; попалъ во время польскаго мятежа, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ западный край къ Муравьеву; здѣсь, въ качествѣ уѣзднаго начальника, жестоко порол поляковъ и жидовъ и наконецъ былъ уволенъ въ отставку; послѣ этого поступилъ послушникомъ въ какой то монастырь въ Нижегородской губерніи, споилъ тамъ съ кругу монаховъ и наконецъ былъ выгнанъ изъ монастыря; затѣмъ поступилъ въ становые; въ этой должности, за какое то неправильное дѣйствіе одного изъ волостныхъ старшинъ, своей властью жестоко его выдралъ, за что и былъ уволенъ въ отставку. Вліяніе отца и послѣ этого однакоже доставило ему мѣсто судебнаго слѣдователя въ Бузулукѣ, гдѣ онъ впрочемъ служилъ недолго и умеръ чахоткой, сломившей вслѣдствіе всѣхъ безобразій прежней жизни его желѣзное здоровье и силы.

По окончаніи магистерскаго экзамена мнѣ привелось прожить у Пыхачевыхъ слишкомъ два мѣсяца; жили они въ это время въ очень большомъ новомъ, только что отстроенномъ домѣ. У Пыхачевыхъ къ этому времени уже не осталось дураковъ, они всѣ перемерли; однакоже и Пыхачевъ и Стрѣлковъ, который въ это время у него постоянно бывалъ, не упускали случая устроить какое нибудь шутовство, если только представлялся къ тому случай; но теперь было уже совсѣмъ иное, теперь въ домѣ Пыхачевыхъ господствовала какая то атмосфера любви, словно сюда возвратилась эпоха петиметровъ, и дамъ, и дѣвицъ, которыя *махались* со своими кавалерами, и Григорій Ивановичъ, всегда изящно одѣтый, раздушонный принималъ самое дѣятельное въ этомъ участіе. Теперь здѣсь, если не серьезно любились, то играли въ любовь; двѣ дѣвицы Ольга Николаевна Неклюдова и Миропія Ивановна Пыхачева даже влюбились одна въ другую, причемъ одна, вмѣсто Ольги, стала называться Алешей, надѣвала мужской костюмъ, ѣздила въ такомъ костюмѣ къ другой въ гости, а

та ее встрѣчала со слезами радости и была въ отчаяніи, когда она уѣзжала; словомъ продѣлывали все, что могутъ продѣлывать только самые настоящіе влюбленные. Даже деревню, въ которой жила сестра Пыхачева, Миронія Ивановна, переименовали тогда въ деревню „Любовь“, а село Могутово назвали „Отраднымъ“.

Домъ Пыхачевыхъ въ это время былъ постоянно полонъ гостей; тутъ были старые и молодые Неплюевы, Ратьковы, Стрѣлковы, Карповы, Шишковы, Лисенко и др. Время шло непрерывнымъ праздникомъ; затѣвались костюмированные вечера, домашніе спектакли, для которыхъ устроили отличный театръ въ верхнемъ этажѣ дома надъ огромной залой; Шишковъ прислалъ сюда прекрасный оркестръ музыки, составленный изъ своихъ крѣпостныхъ людей. Гости отъ Пыхачева иногда цѣлою вереницей экипажей переѣзжали къ Шишковымъ, къ Неплюевымъ, везя съ собой музыку, театральные костюмы и проч. Тамъ опять праздникъ, импровизированный изъ ширмъ театръ, веселыя поѣздки назадъ и т. д. Попавши послѣ своей почти отшельнической жизни и усиленныхъ занятій во время магистерскаго экзамена въ эту атмосферу любви и веселья, я естественно по уши погрузился въ нее, и принималъ самое живое участіе во всѣхъ увеселеніяхъ; но особенно полюбился мнѣ театръ, въ которомъ въ первый разъ привелось мнѣ играть и гдѣ, какъ говорили, я выказалъ весьма недурный комическій талантъ. Въ началѣ великаго поста, какъ угорѣлый, я уѣхалъ въ Казань; долго картины только что прожитаго не выходили изъ головы. И тутъ не обошлось безъ шутки: въ Казань мнѣ прислали, написанный въ комическихъ стихахъ и подписанный всѣмъ, бывавшимъ тогда у Пыхачевыхъ, обществомъ, аттестатъ, какъ „артисту, любезнику и флейтисту“; къ аттестату на широкой розовой лентѣ была прикрѣплена огромная печать съ купидонами и голубкомъ.

Пыхачевыми я оканчиваю свой разсказъ о нашихъ знакомыхъ,—другихъ помѣщиковъ я мало зналъ.

Всѣ помѣщики жили тогда почти безвыѣздно по деревнямъ; въ губернскомъ и уѣздномъ городахъ подолгу никогда не заживались; наѣзжали они въ губернскій городъ только на дворянскія собранія для выбора должностныхъ лицъ, а затѣмъ по окончаніи выборовъ, сопровождавшихся обѣдами, попойками и вообще всѣмъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно сопровождались тогда дворянскіе выборы,— опять въ деревню. Наши бузулукскіе помѣщики ѣздили еще два раза въ годъ въ свой уѣздный городъ на ярмарки Петровскую и Покровскую. Въ Бузулукѣ многіе изъ помѣщиковъ, побогаче, имѣли свои дома, которые внѣярмарочное время оставались пустыми съ запертыми воротами и ставнями; но во время ярмарокъ они оживали; устраивались вечеринки, клубы, гдѣ подчасъ веселились

и танцовали до упаду. Бузулукъ, обыкновенно пустынный и скучный городокъ, въ ярмарочное время принималъ праздничный видъ; на улицахъ появлялось множество пришлаго народа, въ числѣ котораго немало было башкиръ; въ высокихъ съ длинными наушниками малахаяхъ, въ пестрыхъ халатахъ, они безпрестанно сновали взадъ и впередъ на своихъ маленькихъ, но коренастыхъ и крѣпкихъ лошадкахъ, которыхъ они въ прежнее время пригоняли на ярмарки цѣлые табуны. На бузулукскихъ ярмаркахъ помѣщиками побѣднѣе, да и средней руки, закупалось въ то время все, что не могла дать деревня для домашняго обихода; барыни закупали и все необходимое для ихъ туалета, такъ какъ до губернскаго города было далеко, туда рѣдко ѣздили, а во внѣярмачное время негдѣ было ничего достать, развѣ заѣдетъ странствующій купецъ съ краснымъ и другимъ товаромъ, объѣзжавшій разъ или два въ годъ весь уѣздъ; такимъ купцомъ, извѣстнымъ всему бузулукскому уѣзду, былъ Меѳодій, пріѣздъ котораго съ двумя или тремя возами товаровъ всегда составлялъ эпоху, особенно въ тѣхъ небогатыхъ помѣщичьихъ семьяхъ, гдѣ были барышни.

Сельское хозяйство велось помѣщиками просто: трехдневная барщина крестьянъ и ежедневная, кромѣ праздниковъ, работа дворовыхъ, получавшихъ пищу и платье отъ помѣщиковъ—вотъ и вся система хозяйства; ни о какихъ машинахъ, не только въ мелкихъ, но и въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ не было и помину, соха и борона были почти единственными земледѣльческими орудіями; въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ для поднятія нови употребляли сабанъ въ нѣсколько паръ воловъ. Надобно еще сказать, что у мелкихъ помѣщиковъ вообще крестьянамъ было тяжелѣе, чѣмъ у крупныхъ, такъ какъ у большинства первыхъ крестьяне кромѣ трехдневной барщины должны были по очереди поставлять къ барскому столу барановъ, а бабы крестьянки и два-три десятка аршинъ холста въ годъ, чего въ крупныхъ хозяйствахъ не дѣлалось.

Хлѣбъ, шерсть съ овецъ, масло, излишніе быки или коровы продавались большею частью на мѣстѣ пріѣзжимъ скупщикамъ; хлѣбъ иногда возился въ Самару и Уральскъ; полученныя деньги ни у кого изъ мелкопомѣстныхъ не залеживались, а тратились на то, что не давала деревня, да и изъ болѣе крупныхъ помѣщиковъ я зналъ очень и очень немногихъ, у кого водились деньги. Большинство жили не заботясь о будущемъ и вовсе не ожидая въ немъ никакихъ перемѣнъ.

Въ началѣ августа мы отправили братьевъ Бориса и Александра въ Казань; съ ними еще разъ согласился поѣхать нашъ дядька, старикъ Артемичъ; а мы съ братомъ Николаемъ усердно

занялись осенними охотами и въ особенности травлей ястребами перепеловъ, а когда въ половинѣ октября началъ выпадать снѣгъ, мы стали ѣздить на санкахъ стрѣлять тетеревовъ съ подъѣзда, что для насъ было совершенно новымъ удовольствіемъ, тѣмъ больше, что тетеревовъ въ Харѣ было множество, а поѣздки раннимъ утромъ, еще до солнышка, по молодому снѣжку были истиннымъ наслажденіемъ. Въ половинѣ ноября совсѣмъ установился зимній путь, и мать съ братомъ Николаемъ и сестрой Софьей поѣхала въ Оренбургъ, гдѣ братъ, какъ я уже говорилъ, рѣшился поступить на службу въ Пограничную Коммиссію, а сестру мать повезла въ тамошній институтъ. Скучно стало мнѣ безъ брата Николая, съ которымъ мы съ самаго ранняго дѣтства начали и учиться вмѣстѣ, и окончили это ученье вмѣстѣ, живя постоянно въ самой тѣсной дружбѣ, побратски дѣля и наши радости и наши невзгоды. Теперь наши дороги расходились въ разныя стороны.—Я остался съ отцомъ и маленькимъ братомъ Васей въ деревнѣ, гдѣ намѣревался провести всю зиму, и принялся за свою математику, рѣшившись держать экзаменъ на магистра; книгами математическими, собственно руководствами по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ, по механикѣ и физикѣ, я запасся еще въ Казани, а нѣкоторыя выписалъ уже послѣ. Изъ того, что было читано намъ въ университетѣ, многое требовало пополненія, и работы мнѣ было достаточно.

Съ отъѣздомъ брата я бросилъ всѣ охоты, несмотря на частые соблазны Евлогія—скучно было съ нимъ ѣздить одному, и я оставилъ свое ружье на многіе годы; только впослѣдствіи, находясь уже на службѣ и близко сойдясь съ моимъ товарищемъ, профессоромъ Никольскимъ, страстнымъ охотникомъ, я снова принялся за забытыя охоты и снова пристрастился къ ружью и собакѣ, что сохранилось уже и до старости.

Зима съ ея снѣгами и буранами совсѣмъ закупорила насъ въ нашемъ деревенскомъ домикѣ, со всѣхъ сторонъ занесенномъ сугробами; сначала въ воротахъ кое-какъ расчищали проѣздъ къ крыльцу, а потомъ бросили, стали ѣздить черезъ ворота по цѣлой горѣ снѣга. Дороги такъ занесло, и бураны такъ были часты, что и къ самымъ близкимъ сосѣдямъ стало трудно попадать, да мнѣ какъ-то и охоты не стало никуда ѣздить. Мать и отецъ дали мнѣ полную свободу занятій и всячески оберегали мое спокойствіе; только изрѣдка мать просила нарисовать какой нибудь узоръ для ея двухъ горничныхъ женщинъ кружевницъ, такъ какъ никакихъ рукодѣльныхъ журналовъ тогда у насъ не выписывалось, а я былъ мастеръ составлять разные узоры для вышиванья и плетенья кружевъ, или для вязанья пуховыхъ платковъ и шарфовъ, въ которомъ мать достигла замѣчательнаго искуства. Въ занятіяхъ незамѣтно

для меня прошла скучная деревенская зима, настала весна, пробурлила наша Грязнушка, заливши, правда на одинъ день, весь дворъ до самыхъ крылецъ дома, налетѣло пропасть всякой птицы, но и это не соблазнило меня приняться снова за свое ружье. Лѣтомъ пріѣхали на вакацію братья, и мнѣ стало повеселѣе, но они были много моложе меня и не могли уже замѣнить мнѣ брата Николая. Въ половинѣ августа мы втроемъ съ Борисомъ и Александромъ поѣхали въ Казань, взявши съ собой, вмѣсто старика Артемича, который теперь уже остался дома, нашего портнаго Алексѣя.

Въ Казани изъ своихъ университетскихъ товарищей я нашелъ только одного Крыжина, который поступилъ въ это время на службу въ Палату государственныхъ имуществъ, всѣ остальные товарищи разбрелись въ разныя стороны. Съ Крыжинымъ, живя довольно долго въ одномъ домѣ, мы очень сблизились. По пріѣздѣ въ Казань я тотчасъ же явился къ профессору математики, Александру Ѳедоровичу Попову, за совѣтомъ; онъ весьма радушно принялъ меня и остался очень доволенъ моимъ рѣшеніемъ держать экзаменъ на магистра; разспросивъ о моихъ занятіяхъ, онъ одобрилъ также и то, что за прошедшій годъ я проштудировалъ нѣсколько руководствъ по математикѣ, механикѣ и физикѣ. Для дальнѣйшихъ моихъ занятій онъ посовѣтовалъ взять мнѣ Journal de l'Ecole Polytechnique и читать его, по возможности не пропуская никакой статьи, для того чтобы познакомиться съ оригинальными работами авторовъ, а въ промежуткахъ, для отдыха, читать исторію математики Montucla. На выраженное мною желаніе получить программу магистерскаго экзамена, онъ сказалъ, что теперь это совершенно лишнее, что надо читать побольше указанный журналъ, причемъ придется заглянуть не въ одну книгу или руководство, тогда программу экзамена нужно будетъ только просмотрѣть, да обдумать. При этомъ Поповъ далъ мнѣ нѣсколько записокъ въ библіотеку университета для полученія книгъ и пригласилъ приходить къ нему во всякое время, когда встрѣчу какое нибудь затрудненіе въ своихъ занятіяхъ. Всѣми этими совѣтами я конечно и воспользовался, причемъ убѣдился, что лучшаго руководителя въ занятіяхъ, какъ А. Ѳ. Поповъ, нельзя было и желать. При чтеніи журнала Политехнической Школы мнѣ сначала встрѣчалось много трудностей, приходилось справляться и въ другихъ математическихъ журналахъ и въ руководствахъ, нерѣдко ходилъ я за разъясненіями и къ Попову; но потомъ, по мѣрѣ дальнѣйшей работы, дѣло становилось легче, выяснялись характеры писателей изъ наиболѣе извѣстныхъ— Лагранжа, Лапласа, Пуассона, Коши и др.;—незамѣтно усвоивались ихъ методы изслѣдованія, и пріобрѣтался навыкъ удерживать въ памяти общій смыслъ статьи, ея содержаніе и характеръ тѣхъ

пріемовъ, которые употребляетъ авторъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

Въ этихъ занятіяхъ я провелъ два года и въ половинѣ ноября 1853 года, по окончаніи магистерскаго экзамена, защитилъ диссертацію—о рѣшеніи Трансцендентныхъ уравненіи и получилъ степень магистра. Въ теченіе всего этого времени я жилъ частными уроками, и хотя тогда не очень щедро за нихъ платилось—я получалъ по рублю сереб. за двухчасовой урокъ,—но всетаки въ мѣсяцъ я выработывалъ до 25 р. сер., которые, въ придачу къ тому, что присылалъ отецъ для братьевъ, не прекращавшій также аккуратную присылку разной деревенской провизіи къ Рождеству,—давали намъ возможность жить безъ нужды. Къ концу второго года сдѣлалось было хуже: ученики мои, сынъ Казанскаго коменданта Карчевскаго и сыновья адмирала Иванова, завѣдывавшаго низовымъ округомъ корабельныхъ лѣсовъ, поступили въ корпуса, и уроки у меня прекратились, но явилось другое подспорье, и даже, пожалуй, еще лучшее—ко мнѣ помѣстили пансіонерами Владиміръ Захаровичъ Новосильцевъ двоихъ сыновей, да управляющій имѣніемъ Стобеуса, Дильденко, двоихъ, съ платою за каждаго по 25 р. с. въ мѣсяцъ; тогда мы снова зажили хорошо.

По полученіи степени магистра, я поѣхалъ въ деревню проводить отца съ матерью, уѣзжавшихъ въ Кіевъ, чтобы распорядиться своимъ домомъ, который только теперь вышелъ изъ подъ опеки; проводивши ихъ до Неплюевыхъ, я поѣхалъ къ Пыхачевымъ, гдѣ и прожилъ до великаго поста, о чемъ я уже говорилъ выше. На слѣдующій годъ мы лишились матери: возвратившись лѣтомъ 1854 г. изъ Кіева, она умерла холерою на дорогѣ въ Оренбургъ, куда поѣхала за сестрой нашей Софьей. Не дождалась наша бѣдная мать исполненія своей завѣтной мечты—видѣть меня профессоромъ.

Въ 1855 году я получилъ мѣсто адъюнкта при каѳедрѣ математики; семья наша въ то время вся разбрелась: братъ Борисъ, по окончаніи курса въ университетѣ, поступилъ на службу въ Бузулукъ, Александръ уѣхалъ служить въ Оренбургъ, сестра Софья вышла замужъ за Булгакова, со мной остался одинъ только братъ Вася. Отецъ одинъ доживалъ свой вѣкъ въ нашей опустѣлой деревенькѣ

Прошло почти полстолѣтія послѣ описаннаго мною. Только въ прошломъ году мнѣ пришлось прожить нѣкоторое время, со всѣми моими дѣтьми, въ нашей родной деревенькѣ. Боже! какая перемѣна во всемъ: кругомъ нашей усадьбы, которая одна осталась въ прежнемъ видѣ и на прежнемъ мѣстѣ, не существуетъ на цѣлые десятки верстъ ни одной изъ другихъ мелкопомѣстныхъ усадебъ, да и изъ болѣе крупныхъ помѣщичьихъ имѣній осталось очень немно-

тія въ рукахъ прежнихъ дворянъ. Пришелъ „Чумазый“ со своими нечистыми руками и смелъ съ лица земли всѣ эти прежнія помѣщичьи усадьбы, оставивъ на мѣстѣ ихъ только груды мусора, поросшія репейникомъ и крапивой; понастроилъ амбаровъ для хлѣба, посадилъ около нихъ „молодцовъ“, которые, какъ пауки надъ тенетами, неустанно стерегутъ людскую нужду съ ея дешевыми, тяжелымъ трудомъ добытыми, продуктами. Крѣпко сидитъ этотъ „чумазый“ со своими „молодцами“; со дня на день растетъ его сила, и нѣтъ уже теперь возможности бороться съ нимъ никакому, имѣющему совѣсть, культурному человѣку. Ну пусть бы, если ужъ такова судьба, „Чумазый“ взялъ въ свои руки экономическое только положеніе тамошняго люда,—нѣтъ, онъ этими грязными руками провелъ и по всему лицу земли, гдѣ удалось ему раскинуть свои тенета—и измѣнилось это, цвѣтущее прежде, лицо земли до неузнаваемости: пропали лѣса, даже сады всѣ вырублены, по порубамъ пущена скотина; изсякли источники, обмелѣли и загрязнились рѣчки; на рыбныхъ прежде озерахъ явились на зиму карды для скота; пропала рыба, отлетѣла птица; мерзость запустенія повсюду. „Чумазый“ не заботится о будущемъ, довлѣетъ его „злобѣ“ настоящее.

Тяжело мнѣ старику стало смотрѣть на все это, и не могъ я долго оставаться въ своей деревенькѣ, тѣмъ больше, что всѣхъ моихъ братьевъ, кромѣ Васи, и всѣхъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, о которыхъ я писалъ выше, кромѣ „молодыхъ Неплюевыхъ“, давно нѣтъ на свѣтѣ, остались однѣ могилы, могилы и могилы....

1897 г.
Февраль.

Е. Янишевскій.